

Н.В.Сапрыгина

АВТОРСКАЯ
СЕМАНТИЗАЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ

Одесса
1995

ББК 83.001 С197
УДК 82.081

Н. В. Сапрыгина
С197 Авторская семантизация в художественном тексте.
Одесса: 1996. - 232 с.
ISBN 5-7707-9299-X

В книге кандидата филологических наук И.В.Сапрыгиной на материале произведений К.Г.Паустовского и М.А. Булгакова рассматривается проблема интерпретации художественного текста с опорой на лингвистические методы анализа. Предлагается принципиально новый подход к выявлению ключевых понятий в художественном тексте путем исследования текстовой единицы, обозначаемой Н.В.Сапрыгиной как "авторская семантизация". С помощью авторской семантизации (АС) можно найти и выделить ключевые слова, помогающие глубже проникнуть в смысл сказанного писателем. Углублению и уточнению представлений о семантике слова также способствует выдвигаемая автором исследования обобщенная семантическая классификация.

Книга предназначена для филологов — языковедов и литературоведов, для преподавателей языка и литературы, студентов филологических факультетов, а также для читателей, интересующихся проблемами лингвистики и художественного слова.

In the scientific investigation "Autor's semantization in fiction (K. Paustovsky, M. Bulgakov)" N.V.Sapryguina analyses the fragments of the literary texts in which these writers explain the meaning of some words. The new textological approach and the new semantic classification are presented.

Рецензенты:

Ю. А. Карпенко – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова

С. П. Ильёв - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова

В. П. Дроздовский - доктор филологических наук, профессор Одесского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского.

ББК 83.001 УДК 82.081

© Н.В.Сапрыгина, 1996

Сдано в набор 5.11.95 г. Подписано к печати 17.02.96 г. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Объем 14,5 печ. листов. Тираж 150 экз. Заказ № 53. Набор и печать осуществлена в НПФ "Астропринт"

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДИОЛЕКТА ПИСАТЕЛЯ.....	13
1.1. Проблема изучения языковой личности писателя.....	13
1.2. Проблема описания семантической структуры слова.....	39
ГЛАВА 2. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ.....	61
2.1. Авторская семантизация: общая характеристика явления...	61
2.2. Смысловая структура единиц авторской семантизации и грамматические средства ее выражения.....	93
ГЛАВА 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЕДИНИЦ АВТОРСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ.....	114
3.1. Классификация формальных особенностей структуры единиц авторской семантизации.....	114
3.2.Классификация семантической структуры АС.....	134
Г Л А В А 4. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ ИДИОЛЕКТА ПИСАТЕЛЯ (на материале произведений К. Г. Паустовского, М. А. Булгакова).....	138
4.1. Особенности адресации к читателю в творчестве К. Г. Паустовского и М. А. Булгакова.....	138
4.2. Системные особенности АС в произведениях исследуемых авторов.....	149
4.3. Авторская семантизация и особенности идиолекта К. Г. Паустовского.....	149
4.4. Авторская семантизация и особенности идиолекта М. А. Булгакова.....	160

Г Л А В А 5. ОПЫТ АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ АВТОРСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ (на материале произведений М.А.Булгакова).....	187
5.1. Общие закономерности семантики СИ и авторская семантизация си в творчестве М. А. Булгакова.....	187
5.2. Авторская семантизация собственных имен в романе "Мастер и Маргарита"	216
Краткие выводы	240
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 245
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ.....	 252
 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	 254

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд.
КЛЭ	Краткая литературная энциклопедия. В 9 т.
МНМ	Мифы народов мира
СИС	Словарь иностранных слов
Словарь Даля	Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка
Словарь Ожегова	Ожегов С.И. Словарь русского языка
Словарь Ушакова	Толковый словарь русского языка /Под ред. Д.Н.Ушакова
СССРЛ	Сводный словарь современной русской лексики /Под ред. Р.П.Рогожниковой

ТСПИИ Толковый словарь по искусственному интеллекту

ЭСМТ Энциклопедический словарь медицинских терминов

А	характерный признак явления (понятия)
АС	авторская семантизация
Д	– денотативный макрокомпонент
И	– "индекс" – указание на конкретный объект или признак
ИК	– историко-культурный компонент
Инд	– индивидуальный компонент
К	– коннотативный макрокомпонент
КМ	– картина мира (включающая архисемы)
МР	метапредикат
МТ	метатермин
Об	объект (неодушевленный предмет: лицо, подвергающееся действию)
Отн	– реляционный компонент (отношение)
Оцн	– оценочный компонент
СИ	собственное имя
СмЗ	– смысловое значение
Соц	– социальный компонент
СС	– системно-структурный компонент
Ст	– стилистический компонент
Суб	– субъект (лицо; живое существо)
СЦ	– система ценностей
У	– истолкование (означающее)
Х	семантизируемое слово, объясняемый фразеологизм (означаемое)
Явл	– явление (включающее процессуальные признаки)

Примечание. Номера страниц электронного издания не совпадают с номерами бумажного издания. Из электронного издания исключено предисловие профессора В. П. Дроздовского. - Н. С.

ВВЕДЕНИЕ

Писатель хочет быть понятым. Его сверхзадача – донести до читателя свой художественный мир таким, каким видит и ощущает его сам автор. Но, в отличие от художника или скульптора, писатель работает с материалом, который, даже не будучи организован в одно художественное целое, способен нести колоссальную информацию. Элементы, составляющие художественный текст – языковые единицы – обладают многозначностью, системой значений, порой весьма далеких друг от друга. Чем больше таких значений у лексической единицы, тем больше вероятность, что читатель, группируя эти значения по-своему, воспримет в тексте не ту информацию, которую хотел вложить писатель.

Известно, что читатель не может извлечь из текста информацию, намного превышающую уровень его знаний. Между тем знания писателя, как правило, значительно выше знаний читателя, если последний не является специалистом в избранной тематике. Глубокое изучение того, о чем собирается поведать читателю автор – профессиональная обязанность литератора, о которой не раз говорили сами мастера слова.

Неизвестная читателю информация передается незнакомыми словами. Возникает дилемма: как преодолеть разрыв между знаниями читателя и писателя, не нарушая при этом законов построения художественного текста? Как сообщить читателю о содержании новых для него языковых знаков? Последовательное изложение знаний автора в рамках избранной темы нарушило бы художественную целостность произведения, превратило бы его в учебник. С другой стороны, чрезмерная упрощенность изложения приводит к примитивизации текста, отказу от стремления передать индивидуально-авторское видение мира.

Вопрос о том, каким образом авторы художественных произведений преодолевают эту дилемму, непосредственным образом связан с проблематикой нашего исследования.

Рассмотрение данной дилеммы ведет к выяснению того, как относятся к проблеме преодоления разрыва между знаниями автора и читателя сами мастера художественного слова. Здесь уместно привести несколько высказываний писателей. Е.И. Замятин в своей статье, посвященной языку художественных произведений, пишет: "...Надо упомянуть о технических приемах при пользовании провинциализмами или старорусскими словами. Одни авторы, совершенно лишенные художественного вкуса, в изобилии уснащают рассказ провинциализмами или – еще хуже – туземными словами, и к каждому слову делают примечание внизу страницы. Щегольнет словом "куга", а внизу примечание: "Куга – мелкий лед во время осеннего ледохода". Совершенно очевидно, что такие примечания отвлекают внимание читателя, расхолаживают его и разрушают художественное очарование. Это абсолютно недопустимо. Но с другой стороны, недопустимо и другое: вклеивать в текст слова, смысл которых совершенно непонятен читателю. Где же выход? А выход в том, что, давая читателю слово совершенно новое и незнакомое, преподносить его так, чтобы читателю было понятно если не точное значение его, то, во всяком случае, смысл... Иногда это оказывается почему-либо затруднительным; тогда можно прибегнуть к другому способу – рядом с малознакомым словом вы ставите объясняющее его приложение или синоним более употребительный: "поставили себе шатер – лопскую вежу"... ("Север"). Таким приемом вы избежите того, что читатель не поймет вас – и, с другой стороны, не нарушите художественного очарования; и не будет для читателя трактата в примечании" (Е.И. Замятин, О языке)¹.

К.Г. Паустовский говорит о проблеме преодоления непонимания так: "Нелепо было бы доказывать, что литература существует и действует лишь до тех пор, пока она понятна. Непонятная, темная или нарочито заумная литература нужна только ее автору, но никак ни народу". "Одно непонятное слово может разрушить для читателя самое образцовое построение прозы". "Для того, чтобы оно стало понятным, совсем не нужно скучных объяснений, ни сносок. Просто

¹ Указания на источники цитирования художественных и других текстов, принадлежащих писателям – мастерам художественного слова, см. в разделе "Список использованных источников".

это слово должно быть поставлено в такой связи со всеми соседними словами, чтобы значение его было ясно читателю сразу, без авторских или редакторских ремарок" (К.Г. Паустовский. Золотая роза).

Наше исследование посвящено рассмотрению фрагментов текста, созданных с целью реализации "технических приемов", о которых говорил Е.И. Замятин – т.е. фрагментов, несущих информацию, объясняющую или способную раскрыть значение непонятных для читателя слов. Эту информацию мы сочли необходимым обозначить как семантизирующую информацию, или семантизацию. Поскольку ее изложение подвергается индивидуальному варьированию, мы считаем нужным ввести термин "авторская семантизация".

Проблема понимания текста на современном этапе развития филологических наук рассматривается в рамках создаваемой в лингвистике коммуникативной теории текста. Эта теория рассматривает любое сообщение как функцию системы, в которой осуществляется взаимодействие трех действующих сил, системы, состоящей из трех элементов: продуцент сообщения – сообщение – реципиент сообщения; в иных терминах :автор – текст – читатель.

Предполагается, что система приходит в действие лишь тогда, когда существует расхождение между уровнем информированности продуцента и реципиента сообщения. "При наличии у двух людей тождественных понятий обмен информацией не состоится, так как ни один из партнеров не может добавить ничего нового. С другой стороны, если бы системы знаний у разных людей были бы абсолютно различными, то коммуникация была бы также невозможна, поскольку здесь нет общих пунктов обработки информации" (Н.И. Жинкин, 1978, с. 52).

Г.И. Богин (1989) выделяет три уровня понимания текста: семантизирующее, когнитивное и распремечивающее. Из них первый связан с проблемой понимания языкового знака, два последующих – с проблемой понимания смысла целого сообщения.

"Семантизирующее понимание – лишь один, хотя при этом и исходный, тип понимания текста" (с. 3).

Мы полагаем, что первый уровень – семантизирующее понимание, обеспечивающее адекватное восприятие сообщения на уровне значения языковых знаков, – несмотря на то, что он является исходным, начальным, изучен в явно недостаточной степени. Причина этого в том, что в традиционной лингвистике отсутствовала комплексная постановка проблем, связанных с пониманием сообщения. Языковые значения изучались в отрыве от текстов в отрыве от контекстов и ситуаций, в которых функционируют языковые единицы, а главное – вне связи с проблемой коммуникации и роли двух ее участников – продуцента (говорящего, адресанта, автора) и реципиента сообщения (слушающего, адресата, читателя).

Поворот к комплексному изучению проблемы понимания в процессе коммуникации был произведен в русле новой филологической дисциплины – лингвострановедения. Был разработан и создан принципиально новый тип словарей – лингвострановедческие словари. В связи с углубленным пониманием задач преподавания иностранного языка было разработано расширенное понятие семантизации (толкования) языковой единицы как для использования в лингвострановедческом словаре, так и для учебного процесса.

"Лингвострановедческие словари ... описывают национально-культурную семантику строевых единиц языка. Это описание проводится по одним и тем же, единообразным, принципам...; подобное описание в науке о словарях (лексикографии) называется семантизацией, то есть демонстрацией, показом смысла " (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагино, 1990, с. 4).

Расширенное понятие семантизации отличается от традиционного понимания данного термина тем, что в нем учитывается ориентация на особенности знания о мире, которыми обладает личность,

изучающая язык. Семантизация ориентирована на преодоление конкретных лагун в познании в сочетании с усвоением языковой информации.

Лингвострановедческая семантизация учитывает групповые особенности знания адресатов - учащихся. При этом основной акцент делается на национально-культурных и идеологических представлениях у обучающихся. Однако обосновано было также и понятие индивидуально-ориентированной семантизации – предназначенной для преодоления лагун в познании, имеющихся у конкретного учащегося (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, 1980).

Проблема адекватной интерпретации сообщения лежит в русле новой развивающейся дисциплины – филологической герменевтики. Эта проблема тесно связана с традиционной проблемой – изучения семантики текста на всех уровнях организации его структурных единиц, а также и со сравнительно новой проблемой изучения языковой личности.

Избранная нами в качестве объекта изучения единица авторской семантизации позволяет рассмотреть узлы взаимосвязи данных проблем и различных аспектов филологического изучения текстового сообщения.

Актуальность данного исследования обусловлена проблематикой разработки коммуникативной модели языка, в которую входят разработка понятия модели языковой личности, проблематика исследования лексической семантики, в частности, описание периферийных компонентов лексического значения и их роли в процессе понимания текстового сообщения, проблематика исследования функционирования лексической единицы в художественном тексте.

В своей работе мы ставили целью представить системное описание явления, обозначаемого нами как авторская семантизация (АС), и текстовую единицу авторской семантизации, обладающую

специфическим содержанием, заключающимся в интерпретации значения отдельных языковых единиц в тексте самим автором текста; классифицировать единицы АС по формальной структуре и семантике выражаемых ими компонентов лексического значения; определить роль АС в коммуникативной системе "автор – текст – читатель".

Материалами-источниками исследования послужили произведения К.Г. Паустовского и М.А. Булгакова. Оригинальность дарования, красота художественного слога, непревзойденное стилистическое мастерство снискали этим писателям славу в их родной стране и за ее пределами. Эти писатели пользуются большой популярностью у самых различных кругов читателей. Биографии обоих писателей, – юные годы, период формирования их художественного мышления, – связаны с Украиной. Их творчество укладывается в близкие хронологические рамки. Писатели занимают особое, изолированное, место в советской литературе: их творчество несет черты индивидуального мировоззрения, не связанные напрямую с официально пропагандируемой системой социалистического реализма.

Непосредственным объектом исследования послужили более 2000 лексических единиц, семантизированных в произведениях К.Г. Паустовского и М.А. Булгакова, а также других авторов, что нашло отражение в таблицах и в наших публикациях, посвященных проблемам изучения авторской семантизации в художественных текстах.

В центре проблематики нашего исследования – текст повести К.Г. Паустовского "Золотая роза" и текст романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита".

Специфика исследуемого материала, цель и задачи работы обуславливают выбор описательного метода с использованием классификаций, позволяющих представить системное описание объектов исследования. Системный подход позволяет рассмотреть

весь круг изучаемых явлений в максимальном объеме, позволяет классифицировать аналогичные явления, выделяя их общие черты и отличительные особенности, позволяет подтвердить интуитивные наблюдения о наличии системных связей в структуре изучаемых текстов.

Частным случаем системного подхода является используемый нами метод компонентного анализа.

В дальнейших исследованиях, которые могли бы продолжить разработку открываемой нами проблематики, возможно широкое использование анализа АС с целью изучения семантики текста и семантики отдельных лексических и других языковых единиц. Изучению семантики языковых единиц различного уровня может способствовать разработанная нами классификация, обладающая возможностью широкого применения в лексикографии и в учебном процессе, а также в практике комментирования художественных и учебных текстов.

С выходом книги выражаю горячую благодарность моей матери, Светлане Фёдоровне Васильевой – доктору медицинских наук, хирургу-офтальмологу. Чей логический ум учёного и вера в моё призвание вдохновляли меня на написание этой книги, чья поддержка сделала возможным её появление в печати.

Светлая память и благодарность моему учителю, доктору филологических наук, профессору Степану Петровичу Ильёву, открывавшему магические тайны художественной речи, благословившему этот труд на выход в свет.

Светлая память и благодарность доктору филологических наук, профессору Владимиру Петровичу Дроздовскому, высоко оценившему мою работу.

ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДИОЛЕКТА ПИСАТЕЛЯ

1.1. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

До недавнего времени проблема изучения особенностей языка отдельной личности считалась не относящейся к языкознанию.

Индивидуальные особенности выражения мысли выводились за пределы явлений, изучаемых лингвистикой. Исключение делалось лишь для значений субъективной модальности, формальные признаки которых были отчетливо выражены (Г.В.Колшанский, 1975, с.47).

Считалось, что все индивидуальное находится в речи, а в языке есть только общее. Категория значения вообще не включала в себя понятие об индивидуальной информации. Индивидуальная информация относилась к смыслу высказывания (Г.В.Колшанский, 1975, с.5).

В то же время в трудах выдающихся ученых неоднократно освещалось положение о том, что индивидуальную информацию способно нести не только все предложение в целом, но и отдельные его единицы, в частности, лексемы. Еще А.А.Потебня различал в слове ближайшее (общее для коллектива говорящих) и дальнейшее, несущее личностную информацию, значение (см. А.А.Потебня, 1958, с.20).

Способность отдельной лексики передавать помимо общезначимой также и индивидуальную информацию отмечали советские языковеды Л.В.Щерба (1958), В.В.Виноградов (1953). Тем не менее данных теоретических оснований было недостаточно для выделения проблемы изучения индивидуальных особенностей лексем в самостоятельный аспект лингвистического исследования.

Во многом подобное выведение за скобки лингвистической проблематики задач изучения особенностей языковой личности связано с принижением оценки роли отдельной личности в обществе согласно положениям марксистско-ленинской идеологии.

На практике же эмпирическое изучение особенностей индивидуальной лексической семантики проводилось в тех областях прикладных исследований, где не заметить индивидуальные особенности лексики было просто невозможно. Это относится к изучению детской речи, языка и стиля писателя, речи литературных персонажей.

Изучение особенностей детской речи с позиций психолингвистики и филологии (см.: Л.С.Выготский, 1956; Детская речь..., 1989, А.И.Гвоздев, 1991) позволило выявить закономерности постепенного усвоения ребенком языковых норм. Изучение окказионализмов детской речи было подчинено задаче выявления системных словообразовательных возможностей языка. Аналогичная задача ставилась филологами и при изучении индивидуально-авторских (писательских) неологизмов (Г.О.Винокур, 1959).

При подобном подходе, когда в индивидуальном видится только ключ к общему, вопрос об особенностях самой языковой индивидуальности, об особенностях взаимодействия различных языковых личностей не ставился. Исследователи не поднимались до такого уровня обобщения, который позволил бы в многочисленных фактах образования окказионализмов и отклонений от существующих норм увидеть главную причину: существование индивидуального языка личности – идиолекта, обслуживающего мышление субъекта и отличающегося от общенародного языка уникальными особенностями. Между тем две проблемы – выявление общих закономерностей языка при изучении текстов (либо речевых высказываний), порождаемых отдельной личностью, и проблема выявления индивидуальных особенностей личности автора высказываний, отражающихся в текстах (высказываниях) – должны рассматриваться в диалектическом единстве.

При изучении языка писателя одной из типичных задач было подтвердить (реже – опровергнуть) выводы о том или ином идейном содержании произведения. Подобный подход также не был ориентирован на выявление особенностей личности автора, его восприятия мира, особенности стиля.

Изучение речи литературного персонажа как средство его автохарактеристики традиционно используется в практике школьного преподавания. Вульгарно-социологический подход, распространенный вплоть до 60-х годов в школьном обучении, выводил оценку персонажа (положительную или отрицательную) из факта классовой принадлежности героя; при этом анализ лексики персонажа сводился к тому, чтобы определить его классовую принадлежность. Между тем при углубленном и подлинно научном подходе речевая характеристика героя может дать гораздо более многогранную информацию к размышлению: каково мировоззрение персонажа, его социокультурная среда, каковы особенности его биографии и др. (см., например, характеристику свахи из драм А.Н.Островского, данную в социокультурном плане – Н.Б.Можаева, 1989).

Поскольку персонаж произведения является личностью, речевое поведение которой моделируется автором, то изучение речи персонажа вливается в более общую проблему – изучение языка писателя. Но можно также изучать речь персонажа и как модель, отражающую речевое поведение конкретного индивида.

Поворот к изучению индивидуальных особенностей личности, проявляющихся в языке и речевом поведении индивида, возник в советской лингвистике в середине 80-х годов, что несомненно можно связать с политическим процессом перестройки и пересмотра идеологических ценностей, происходившим в указанный период в советском обществе.

Новый подход к изучению особенностей языкового сознания отдельного индивида, к изучению отраженных в языке индивида личностных черт, культурных, социальных и мировоззренческих

установок говорящего был выдвинут и обоснован Ю.Н.Карауловым (1987).

Ю.Н.Караулов выдвинул термин "языковая личность", характеризующий новый объект лингвистического изучения, обосновал актуальные задачи, связанные с проблематикой исследования языковой личности. Поворот к изучению новой проблематики был ознаменован выходом в свет коллективной монографии "Язык и личность" (под редакцией Д.Н.Шмелева).

См. отдельные статьи в этой книге, непосредственно связанные с проблематикой нашего исследования: А.Е.Иванова, 1989, Л.А.Капанадзе, 1989, Л.В.Кнорина, 1989, а также статьи, связанные с теоретическим обоснованием необходимости изучения проблемы языковой личности: Ю.Н.Караулов, 1989, Е.В.Красильникова, 1989).

В качестве примера применения нового подхода при исследовании традиционной проблематики – речи персонажа произведения – Ю.Н.Караулов (1987) предложил путем частотного анализа дискурса персонажа определять психологическую доминанту, отражающуюся в наиболее частотных лексемах.

Методом исследования наиболее частотных лексем дискурса персонажей произведения Ю.Н.Караулов выявлял психологическую доминанту, которая корреспондирует с темой и идейным содержанием произведения и отражает авторский замысел. Например, в дискурсе Лосева (героя романа Д.А.Гранина "Картина") наиболее частотными оказались слова бояться и не, общий смысл которых – 'не бояться' помогает понять мотивы действия героя, глубже раскрыть смысл произведения.

Обоснование необходимости изучения языка писателя связано с тем влиянием, которое писатель способен оказать на общество, на национальную и мировую культуру, и на особенности национального языка в частности. Есть писатели и поэты, которых принято считать основоположниками национальных литератур, и это связано с их выдающимся вкладом в формирование особенностей национального

самосознания, голосом которого в их творчестве и в творчестве их последователей стала национальная литература. Таковы А.С.Пушкин в русской литературе, Т.Г.Шевченко в украинской. Разумеется, и до них существовала художественная литература на данном языке. Но их творчество добавило в систему национальных эстетических ценностей новые координаты, внесло новое измерение в систему норм национального литературного языка.

"Наиболее полное отражение процесс демократизации русского литературного языка нашел в творчестве А.С.Пушкина, так как в его произведениях произошло гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов русского литературного языка с элементами живой народной речи..." (Е.Г.Ковалевская, 1978, с. 315). "С именем А.С.Пушкина связано окончательное сложение норм русского литературного национального языка и основ современной стилистики" (там же, с.319).

"Поэт (Т.Г.Шевченко. – Н.С.) дал украинской литературе свежие стилистические средства, острые крылатые выражения, невиданное до этого расширение словарного состава, огромное количество синонимов; он же ввел новые приемы использования как отдельного слова, так и фразеологических оборотов, идиом и т.п. Т. Г. Шевченко показал способность украинского слова выполнять любой социальный заказ" (Ф.Ф.Медведев, 1961, с.84). В процессе создания новых литературных произведений авторы, идущие по стопам основоположников национальных литератур, при выборе языковых средств ориентировались не только на свой собственный вкус, но и на словоупотребления, представленные в текстах этих писателей-классиков.

В свою очередь, литературный язык культурного общества в своей устной разновидности также ориентировался на нормы, зафиксированные писателями (Е.Г.Ковалевская, 1978).

Писатели-классики мирового уровня, такие, как И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, обогатили литературу и культуру не только новыми образами и коллизиями, но и новыми

понятиями. И.С.Тургенев ввел понятие "лишний человек", Ф.М.Достоевский придал новый смысл понятию "бесы" – не 'ирреальная нечистая сила', а 'люди с псевдореволюционной идеологией'. Л.Н.Толстой придал переносный смысл слову сопрягать. А.П.Чехов ввел выражение "человек в футляре" и т.д.

Весьма распространенная точка зрения на роль писателя в процессе развития лексики национального языка заключалась в том, что писатели создают новые слова, которые затем входят в общенародный язык. Однако роль этого процесса не следует преувеличивать. Из всего множества неологизмов В.В.Маяковского в общенародный язык вошло только слово сиюминутный (И.Ф.Протченко, 1984).

Как известно, есть существенная разница между неологизмом, в необходимости которого имеется общественная потребность, и окказионализмом, существующим только в пределах данного дискурса. Роль подобных окказионализмов – в проявлении словообразовательных и экспрессивных возможностей языка (см. об этом: В.П.Ковалев, 1981). Одна из целей употребления окказионализмов состоит в активизации у адресатов чувства, связанного с глубоким пониманием и знанием родного языка, чувства, которое Ю.Н.Караулов характеризовал как amor linguae (см. Ю.Н.Караулов, 1987, с. 259).

Известны индивидуально-авторские неологизмы, вошедшие в широкое употребление: промышленность (Н.М.Карамзин), стушеваться (Ф.М.Достоевский), головотяп, головотяпство (М.Е.Салтыков-Щедрин). Большинство же авторских неологизмов носит окказиональный характер, и вне сферы художественных текстов (или вне цитации) не употребляется.

Гораздо чаще писатели вносили расширительный смысл в значение уже существующей лексемы (родина – М.Ю.Лермонтов, буреветник – М.Горький). Однако новизна таких слов не всегда осознается, поскольку они сохраняют оболочку традиционных, привычных ЛСВ, и семантическая связь с прежним значением сохраняется. Происходит

процесс расширения значения, который Д.М.Шмелев (1964) назвал гиперсемантизацией.

Иногда для того, чтобы установить, было ли слово создано писателем или автор удачно воспользовался малоизвестным словом, требуются специальные изыскания. Так, например, Б.А.Ларин отмечал, что ему казалось, будто слово немотствует вымышлено А.А.Блоком, однако впоследствии исследователь обнаружил это слово в словаре В.И.Даля (см. об этом: В.П.Ковалев, 1981, с.106). Иногда на вопрос об авторстве отдельной лексемы так и не удается ответить. В этом случае мы часто имеем дело с потенциальными словами (см.В.П.Ковалев, 1981, с.108).

Помимо новых понятий, писатели обогащают мировую культуру образами персонажей, которые, кроме конкретных черт человеческой индивидуальности, обладают обобщенными, типизированными чертами.

Это позволяет их именам фигурировать в сфере мировой и национальной культуры в переносном значении – донжуан (Тирсо де Молина), митрофанушка (Д.И.Фонвизин). Многие имена собственные, не потерявшие связь с образами литературных героев, стали в то же время и именами-символами: Дон Кихот, Гамлет, Ромео и Джульетта – в мировой классике, Татьяна и Онегин – в русской.

На основании переносного значения собственных имен в литературном языке возникают неологизмы со значением обобщения, например, каратаевщина (по имени персонажа романа Л.Н.Толстого "Война и мир" Платона Каратаева). Нередко такие неологизмы создаются и самими писателями: обломовщина (И.А.Гончаров), шигалевщина (Ф.М.Достоевский), пилатчина (М.А.Булгаков).

Среди известных писательских неологизмов, обогативших не только национальные языки, но и мировую культуру, – такие слова, как лилипут (Дж.Свифт), кварк (Д.Джойс), робот (К. и Й. Чапеки) и др.

Особенно велик вклад писателей в область фразеологии: "И дым отечества нас сладок и приятен" (Г.Р.Державин – А.С.Грибоедов),

"прорубить окно в Европу", "Мы ленивы и нелюбопытны" (А.С.Пушкин), "А Васька слушает, да ест", "А воз и ныне там" (И.А.Крылов), "Рукописи не горят" (М.А.Булгаков) и др.

В каждом словаре фразеологических единиц есть значительная доля крылатых выражений, восходящих к тому или иному авторскому тексту. Знание носителями языка этих выражений не случайно считается одним из показателей общей культуры человека. В случае разрушения устойчивости таких фразеологических сочетаний (если связь с соответствующей фразеологической единицей продолжает осознаваться) лексема или словоформа сохраняет связанное значение, отличное от свободного значения этой же лексемы в языке. Таким образом может происходить обогащение семантики лексических единиц за счет информации из т.н. "прецедентных текстов" (термин Ю.Н.Караулова, 1987, с. 216 и след.).

Работы Б.А.Ларина (1962) и Л.С.Ковтун (1962), связанные с необходимостью теоретического обоснования программы составления Словаря М.Горького, выдвинули на первый план одну существенную особенность авторского употребления общераспространенных лексических единиц. Речь идет об индивидуально-авторском значении лексемы, не нарушающем общезыковых закономерностей и не отклоняющемся от общеупотребительных значений данной лексической единицы, но обогащающем ее наличием индивидуально-авторского варианта. Подобное индивидуально-авторское значение, в отличие от окказионального, выступающего в небольших фрагментах текста, может проследиваться в текстах писателя на протяжении всех периодов его творчества. Причины подобного преобразования значений общеупотребительных слов лежат в особенностях ментальности автора: с одной стороны – в особенностях чувственного восприятия мира, в фактах биографии, с другой – в идеологической концепции мира в сознании автора, в его мировоззрении, системе ценностей. (О связи индивидуальных особенностей лексики писателя с его мировоззрением см.: Г.В.Колшанский, 1975, с.210).

Таким образом, Б.А.Лариным была обоснована мысль о наличии индивидуального значения, индивидуальной составляющей в системе ЛСВ, образующих значение лексическое единицы. Теоретически это индивидуальное значение может присутствовать в любой лексеме, употребляемой индивидом. Если данное индивидуальное значение получает глубокое обоснование в авторских текстах, то новые ЛСВ могут обогатить общенародный язык. См. исследования авторов-составителей Словаря М.Горького о развитии авторских значений в словах камень, серый, голубой, дрянь, пустыки и др. (Б.А.Ларин, 1962, Г.А.Лилич, 1962, 1971, С.В.Трифонов, 1962). Из этих авторских значений в систему общенародного языка вошли значения голубой – 'связанный с идеализацией объекта', серый – 'безликий, лишенный индивидуальности'.

Отметив важную роль писателей в процессе обогащения лексического и фразеологического состава языка, нельзя не остановиться на нормализаторской деятельности писателей, когда в процессе своего творчества они создают представление об идеале языковой нормы.

Примечательно, что роль писателей-классиков в процессе формирования норм национального языка всегда оценивалась лингвистами

столь высоко, что считалось невозможным составление нормативных (академических) словарей без включения в их корпус образцов словоупотребления в текстах писателей-классиков. Л.В.Щерба отмечал, что многие советские лингвисты считали составление словаря языка А.С.Пушкина задачей, которая должна предшествовать составлению академического словаря русского языка, несмотря на то, что некоторые языковые нормы пушкинского периода успели устареть (Л.В.Щерба, 1958). Сходная точка зрения отразилась в практике зарубежной лексикографии. Во французские академические словари включены цитаты из текстов Корнеля, Расина, Мольера (Л.В.Щерба, 1958). Аналогичное явление в испанской лексикографии – ориентацию на словоупотребление писателей-классиков – отмечает Р.А.Будагов (1989). Еще в XVIII веке испанскими лексикографами был создан "Словарь Авторитетов". В число "авторитетов" входили Сервантес,

Кеведо, Хауреги и др. классики испанской литературы. "Сама убежденность авторов словаря, что норма языка (норма – тогда уже известный термин) должна опираться прежде всего на язык писателей, весьма показательна, – отмечает Р.А.Будагов. – Да и само название словаря об этом же свидетельствовало" (Р.А.Будагов, 1989, с.108).

Работа над составлением словарей языка писателей в отечественной лексикографии тормозилась тем, что в филологии советского периода длительное время господствовала точка зрения, согласно которой личность писателя не дает достаточных оснований для объединения различных филологических дисциплин с целью ее изучения. Г.О.Винокур вспоминает, что было время, когда приходилось доказывать правомерность термина "пушкинист" и правомерность существования отдельной дисциплины – пушкинистики. Противники выделения пушкинистики в отдельную специальность основывались на том, что при этом должны быть объединены история литературы, история языка, стилистика, которые являются различными дисциплинами (Г.О.Винокур, 1981).

Появление "Словаря языка А.С.Пушкина" (1956-1961) явилось, по существу, первым опытом системного описания индивидуального языка писателя. Словарь вызвал множество критических отзывов (см.: В.П.Григорьев, 1973, с.19). Б.А.Ларин, также давая Критическую оценку этому словарю, отмечает, что причина его недостатков – в неразработанности теоретических оснований для подготовки подобного рода словарей. В силу этого оказался невыполненным ряд практически необходимых требований, важных для будущих читателей Пушкина, а именно, необходимость толкования значения. В своей статье "Основные принципы словаря автобиографической трилогии М.Горького" Б.А.Ларин впервые обосновал принцип системного подхода применительно к изучению языка писателя. "Только полный словарь писателя или памятника системен, эпохален и документально достоверен. Полнота, как и дифференцированность, определяется по четырем измерениям: 1) по словнику (составу заглавных слов); 2) по разработке значений и употреблений слов; 3) по цитации (исчерпывающему или выборочному указанию, в каком месте текста

встречается слово); 4) по грамматической и стилистической квалификации" (Б.А.Ларин, 1962, с.4).

Для нашего исследования важно, что одним из принципов системности, обоснованных Б.А.Лариным, является последовательная семантизация всех описываемых языковых явлений в словаре писателя.

Говоря о необходимости семантизации всех единиц предполагаемого словаря, Б.А.Ларин обосновывает эту мысль следующим образом: "Надо ли пояснять то, что само по себе ясно? Не все, что ясно пушкинисту с 20-30-летним стажем или образованному человеку преклонных лет, воспитанному чуть ли не на русской литературе пушкинского периода, достаточно полно или верно понимается нашей молодежью и еще трудней и превратней будет восприниматься нашими внуками, когда они захотят понять Пушкина. Словарь должен все пояснить и дать возможность точно судить о доле и степени общепринятого" (там же, с.5). Б.А.Ларин, говоря о возможных трудностях понимания текстов различными категориями людей, тем самым вводил в систему описания лексики фактор адресата. Семантизация, согласно Б.А.Ларину, служит средством передачи языковой и историко-культурной информации из поколения в поколение.

Разработке намеченных Б.А.Лариным принципов системного описания лексики писателей посвящена серия проблемных статей и тезисов авторов-составителей Словаря М.Горького (см.: Л.С.Ковтун, 1962, 1971, М.Б.Борисова, 1962, 1962 а, А.М.Бабкин, 1966, М.А.Карпенко, Л.Г.Шевель, 1971, О.Е.Марцинковская, 1971 и др.). Данный подход способствовал разработке понятия об индивидуальном значении лексемы; отсюда вели нити к разработке концепции "языковой личности" (Ю.Н.Караулов, 1987, 1989).

Следует отметить, что в издании "Словаря языка Т.Г.Шевченко", вышедшем в 1964 г., удалось преодолеть многие недостатки "Словаря языка А.С.Пушкина".

Однако наряду с разработками принципов системного подхода при изучении языка художественных произведений длительное время существовал и асистемный подход. Примером асистемного подхода может служить словарь, составленный под руководством В.П.Григорьева, – "Поэт и слово". подзаголовок "Опыт словаря" свидетельствует о неудовлетворенности авторов результатами своей работы. Одной из причин, порождающей недостатка словаря, как отмечает в предисловии В.П.Григорьев (1973), была трудность обработки материала, когда описание более чем 2200 лексических единиц приходилось вести вручную. Однако мы полагаем, что главная причина неудачи заключается в отсутствии системного подхода, отказ от которого был заложен уже в принципах отбора материала.

В качестве материала для словаря были избраны по несколько стихотворений представителей таких разных поэтических индивидуальностей, как А.А.Ахматова, М.И.Цветаева, С.А.Есенин, В.В.Маяковский, В.А.Луговской и др.; к этим стихотворениям был добавлен текст поэмы "Двенадцать" А.А.Блока. Словарь представляет собой суммарное описание лексики этих поэтических текстов. Помимо неполноты и хаотичности в подборе материала, нарушение принципа системности проявляется также в отсутствии семантизирующей части словника. Указывается только на общее изменение семантики по сравнению с общеизвестными значениями: значки показывают расширение значения, появление индивидуальной метафоры, символическое значение. Не указано, в чем именно проявляются индивидуально-авторские отклонения от общеязыковой семантики лексем, что нового внес поэт в общеязыковую информацию. Известно, например, что особое символическое значение приобретает в творчестве А.А.Блока слово туман (Л.В.Краснова, 1973). Однако этого слова в "Опыте..." нет, очевидно, потому, что оно отсутствовало в поэме "Двенадцать". Отсутствуют в словаре и указания, чем отличается семантика одной и той же лексемы у различных поэтов, например, у А.А.Ахматовой и М.И.Цветаевой.

Очевидно, проблематична сама постановка вопроса поиска общих характеристик такой реальности, как поэтический язык (ПЯ, см.:

В.П.Григорьев, 1973) на совокупном материале лексики поэтов XX века, поскольку XX век, по многочисленным наблюдениям критиков и филологов, характеризуется повышением требований к проявлению творческой индивидуальности поэта и писателя – как в его взгляде на мир, так и в особенностях литературного стиля. А индивидуальные особенности отражаются прежде всего в лексике (см.: Р.А.Будагов, 1962, В.В.Виноградов, 1981). Еще в середине XIX века поэтический язык осознавался как нечто общее для многих поэтов, даже в какой-то мере обязательное для всех, занимающихся поэтическим творчеством. (См. критические оценки особенностей поэзии Н.А.Некрасова, даваемые его современниками с позиций сопоставления его творчества с требованиями поэтического языка – В.В.Виноградов, 1981). Однако в XX веке реальность существования поэтического языка, общего для многих поэтов и обладающего в то же время неповторимым художественным своеобразием, вызывает сомнения.

Отсюда становится понятным, что дальнейшее изучение языка поэтических текстов литературы XX века не могло следовать в направлении описания лексики без учета индивидуальности автора. В изучении языка поэзии стали разрабатывать два направления: изучение идиолектов и идиостилей (В.П.Григорьев, 1983, М.Л.Гаспаров, 1986, С.Т.Золян, 1986, Е.В.Красильникова, 1990, Е.А.Некрасова, 1990 и др.) и изучение общих закономерностей поэтического мышления, тропов поэтической речи (Л.И.Донецких, 1982, М.А.Бакина, Е.А.Некрасова, 1986, Н.Н.Иванова, 1990, И.И.Ковтунова, 1990, О.Г.Ревзина, 1990 и др.).

Хотя понятие "идиолект" (индивидуальный язык, язык личности), несмотря на то, что было давно известно в лингвистической литературе (О.С.Ахматова, 1966, Р.Барт, 1975), оно вошло в широкий научный обиход советской филологии лишь в предыдущее десятилетие (В.П.Григорьев, 1983). Несколько позже начал использоваться близкий ему по значению термин "идиостиль" (М.А.Бакина, Е.А.Некрасова, 1986). В.П.Григорьев (1983, с.4) полагает, что эти термины синонимичны: "всякий идиостиль как факт современного литературного языка является в то же время и идиолектом", – и

предпочитает пользоваться термином "идиостиль". В самом деле, если рассматривать задачи изучения поэтической речи шире, чем изучение только поэтической лексики, а именно – изучение индивидуальных особенностей выражения писателем (поэтом) своих мыслей, образов, взглядов, то разграничение понятий "идиолект" и "идиостиль" затруднительно.

По-видимому, при широком охвате изучаемого материала, при включении в него синтаксиса и грамматики авторского текста следует пользоваться тем из терминов, который охватывает более широкий круг явлений. Это термин "идиостиль". Но если сузить аспект изучения, сосредоточив его, в частности, на лексике, возникает необходимость конкретизации термина. Несомненным представляется то, что если тексты писателя рассматривать с целью изучения индивидуального словарного запаса их автора, то правомерно использование термина "идиолект" (см.: Л.А.Новиков, 1990, с.59-60).

Для адекватного понимания роли писателей в процессе эволюции языка недостаточно только фиксации авторских словоупотреблений, даже если подобное описание завершается составлением словаря писательского идеолекта. Нужны теоретические основания для выделения общезначимых явлений в языке писателя, для отграничения их от явлений, которые релевантны только в пределах конкретного фрагмента текста. Возможность выделения таких оснований дают монографические исследования языка писателя (Г.О.Винокур, 1959, М.А.Карпенко, 1984, И.И.Степанченко, 1991 и др.).

Мы полагаем, что в изучении языка писателей, в тех аспектах, в которых ведется разработка этой проблемы в филологической литературе, следует выделить три группы вопросов. Первая группа – это изучение активного влияния личности писателя на процессы возникновения новых смыслов, а следовательно, и на процессы, преобразующие язык; рассмотрение влияния индивидуального начала на развитие языка (Г.О.Винокур, 1959, Е.Г.Ковалевская, 1978). Вторая группа вопросов – взаимодействие новых форм и новых смыслов, вносимых писателями, с уже существующими формами и значениями в системе языка, так или иначе ограниченной системой и

закономерностями ее существования. Нововведения могут соответствовать закономерностям системы, а могут и существенно от них отклоняться; от этого, в частности, зависит, будут ли освоены привносимые изменения (В.В.Виноградов, 1981)¹.

К первой и второй группе вопросов, как правило, тяготеет проблематика большинства исследований, посвященных частным вопросам языкового выражения того или иного смысла и особенностям стиля различных авторов (см., напр., статьи в коллективных монографиях: *Язык и стиль...*, 1985, *Язык и стиль...*, 1991).

К первой и второй группе вопросов, как правило, тяготеет проблематика большинства исследований, посвященных частным вопросам языкового выражения того или иного смысла и особенностям стиля различных авторов (см., напр., статьи в коллективных монографиях: *Язык и стиль...*, 1985, *Язык и стиль...*, 1991).

Третья группа вопросов отражает взаимодействие инноваций, вносимых писателями в язык, с языковым сознанием читателей. Она изучена явно в недостаточной степени и нуждается в углубленном рассмотрении. В особенности важно проследить связь читательских оценок авторской лексики с ценностными установками, которые имеются в сознании читателей; связь читательских оценок с принадлежностью читателей к определенному социуму – носителю представлений о некоем идеале, которому должно соответствовать литературное произведение. В систему этих представлений входит и представление об идеале литературного стиля, о литературных и языковых нормах. Этот подход нашел отражение в исследованиях акад. В.В.Виноградова (1981), рассматривающего стиль классиков русской литературы в широком историческом контексте; кроме того,

¹ Говоря о тех изменениях в общенародном языке, которые возникли под влиянием индивидуально-авторских инноваций, акад. В.В.Виноградов отмечал: "У нас в этой сфере больше индивидуальных конкретных наблюдений, чем историко-семантических обобщений и стилистических разграничений" (В.В.Виноградов, 1981, с.204-205).

особенности читательского восприятия авторских текстов и отдельных лексем стали объектом изучения в психолингвистике (А.А.Брудный, 1975, Ю.А.Сорокин, 1985 и др.).

Проблема изучения взаимодействия слова писателя и читательского сознания связана с введением в исследование текстов параметра, отражающего особенности адресатов сообщения (М.М.Бахтин, 1963, Ю.М.Лотман, 1970, Вяч. Вс. Иванов, 1981, Н.Д.Арутюнова, 1981, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980, Г.В.Степанов, 1984, А.И.Белецкий, 1988, О.П.Воробьева, 1992 и др.).

Проблема интерпретации сообщения с точки зрения его адресата активно разрабатывалась в русле психолингвистики. Широко применялся метод анкетирования – опроса информантов, результаты статистически обрабатывались (см.: В.Ф.Петренко, 1989). Использовался также метод определения субъективного отношения индивида к отдельной лексеме путем оценки лексемы индивидом с помощью различных модификаций шкалы семантического дифференциала Ч.Осгуда (см.: ТСПИИ, а также Т.М.Дридзе, 1984). Были выявлены и закономерности, связанные с неправильным пониманием значения лексем информантами. Эти особенности связаны с различиями в этнокультурном плане, с отсутствием у информантов знаний, связанных с культурой других народов (см. об этом: Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980, В.В.Левицкий, И.А.Стернин, 1989), а также с недостаточной компетенцией в некоей области знаний, невысоким уровнем общей культуры, отсутствием постоянного интереса к области знаний, описываемой изучаемыми лексемами (Т.М.Дридзе, 1984). Были выявлены групповые, социальные, национально-культурные особенности понимания (непонимания) той или иной лексической информации.

Как было показано, определенную роль в ситуации непонимания информантами отдельных ключевых слов в сообщениях играют и сами сообщения – их недостаточная четкость, наличие неоднозначно интерпретируемых контекстов, недостаточных для правильного семантизирования. Эта особенность весьма часто проявляется в текстах

средств массовой информации (Т.М.Дридзе, 1984, В.В.Левицкий, И.А.Стернин, 1989).

Основоположником экспериментального подхода к изучению читательного восприятия текста следует считать Н.А.Рубакина, который в 1929 году в монографии "Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию" обосновал Теоретические закономерности процесса понимания читателем авторского текста. "Выбранные автором слова действуют в зависимости от сходства социальной, индивидуальной и наследственной мнемы тех, кто этими же словами пользуется, т.е., с одной стороны, это автор или оратор, с другой – читатель или слушатель. Автор или оратор работают на читателя или слушателя лишь постольку, поскольку они сумели подобрать определенно действующие слова и расставить их в определенно действенном порядке" (Н.А.Рубакин, 1977, с.228). Н.А.Рубакин предвосхитил основные положения теории массовой коммуникации, которая интенсивно развивалась в 50-е годы во многих зарубежных странах.

Любая лексическая единица, согласно теории Н.А.Рубакина, обладает определенным потенциалом воздействия на читателя. У разных читателей он различен, но можно экспериментальным путем (при помощи шкалирования) определить характеристику воздействия лексемы на среднего читателя, выявить психологические и социальные закономерности восприятия читателем конкретных слов. Среди характеристик слова (или текста), вынесенных на шкалу, были следующие: эмоциональность, образность, понятийное содержание, стремления, действия, ощущения, инстинкты, органические ощущения (рефлексы). Несмотря на то, что в данных параметрах шкалы выражен уклон на изучение реакций, связанных с биологическими особенностями адресата, нельзя не признать плодотворной саму идею выделения в значении лексемы различных блоков информации, обладающих различным потенциалом воздействия на читателя. Представляется существенно важным также положение о том, что степень информативности лексемы и степень ее воздействия на

читателя можно изучать как в пределах избранных блоков, так и в их взаимосвязи.

Психолингвистические исследования последних десятилетий подтвердили многие теоретические положения Н.А.Рубакина, обосновывающие как закономерности восприятия адресатом (реципиентом) отдельной лексемы (интравербальное восприятие), так и закономерности восприятия цельных текстов (суправербальное восприятие).

В ряде экспериментальных исследований последнего десятилетия подтверждается идея Н.А.Рубакина о наличии выраженной аналогии между типом сознания читателей, предпочитающих книги авторов, работающих в определенных жанрах литературы, и типом сознания авторов данных книг (В.П.Белянин, 1988).

Следует отметить, что в психолингвистических исследованиях триады "автор – текст – читатель" основное внимание уделялось изучению реципиента сообщения; исследования авторских текстов с точки зрения изучения "образа автора" и личностных особенностей мира писателя немногочисленны (Ю.А.Сорокин, 1985, В.П.Белянин, 1988). Изучение психологических характеристик писателей проводилось также с целью уточнения атрибуции текста (В.И.Батов, Ю.А.Сорокин, 1975).

Анализ различных вариантов (редакций) одного и того же текста с целью обнаружения закономерностей конкретизации авторского замысла, зафиксированного в окончательной редакции, проводится в исследованиях по текстологии (см. об этом: Д.С.Лихачев, 1983, М.О.Чудакова, 1986, 1988).

"Образ автора" является традиционной темой исследования в литературоведении. Однако традиционное литературоведение не рассматривает проблему связи автора с читателем. Поворот к проблеме взаимодействия автора и читателя знаменовали работы М.М.Бахтина (1963, 1979), которые еще в 20-е годы начал разрабатывать идею о том, что текст художественного произведения представляет собой полилог,

где выделяются голоса различных персонажей, а также голос автора. Образ каждого персонажа в отдельности также соединяет в себе диалогическое взаимодействие разных идей. Автор, ориентирующийся на определенные идеи в сознании читателей, вводит эти идеи в систему диалогов своего произведения, программируя как возможные читательские вопросы, так и ответы на них.

Сходную проблематику разрабатывал украинский литературовед А.И.Белецкий. В статье, написанной в 1922 г., – "Об одной из очередных задач историко-литературной науки. Изучение истории читателя" – А.И.Белецкий акцентирует внимание на различиях в подходе к содержанию литературного произведения с точки зрения писателя и читателя. Настоящий писатель стремится сказать своим произведением нечто новое, совершить художественное открытие. Читатель часто предпочитает находить в книге нечто знакомое, Аналогичное его собственным сложившимся представлениям. Происходит явление "навязывания образов", при котором читатель сообщает тексту произведения свой собственный смысл, свои представления, зачастую не соответствующие замыслу автора. Если подобный читатель обладает некоторыми творческими способностями, то он может в качестве литературного критика навязать свое видение другим читателям. А.И.Белецкий предлагает различать настоящих, подлинных писателей и "читателей, взявших за перо". Последние, в отличие от первых, не являются новаторами и в своем творчестве оперируют уже готовыми смыслами, найденными другими авторами и хорошо известными многим любителям беллетристики. Именно на предвосхищении ожидаемого держится популярность подобных литераторов(А.М.Белецкий, 1989).

Взаимодействие автора и реципиента художественной информации изучается также в рамках общесемиотической теории искусства (Ю.М.Лотман, 1970, 1981, Вяч.Вс.Иванов, 1981), в которой опыт изучения художественной литературы распространяется на другие виды искусств.

Особенности воздействия автора на читателя рассматриваются также в литературной критике. Творчество литературных критиков, как известно, характеризуется субъективностью подхода к анализируемому произведению. И хотя анализ художественного произведения бывает интересен именно благодаря субъективности критиков, но такой анализ с трудом поддается формализации для выделения объективных критериев оценки произведений (В.П.Григорьев, 1973, Ю.А.Сорокин, 1985). К тому же экспериментальное сопоставление оценок одного и того же произведения, данных критиками и читателями, обнаружило, что для читателей были нерелевантны оценки произведения критиками, те параметры, которые использовались критиками для обоснования оценок (Ю.А.Сорокин, 1985).

Современные исследователи рассматривают систему "автор – текст – читатель" как систему, обладающую признаками обратной связи" (Т.Н.Кудина, 1973, Д.С.Лихачев, 1984, В.П.Белянин, 1988 и др.). Подобная точка зрения была высказана Н.А.Рубакиным в 1927 г. (см. Ю.А.Сорокин, 1985). Однако особенность письменного дискурса, в отличие от устного, состоит в том, что между актом создания сообщения и его восприятием предполагается удаленность во времени. В ряде случаев реальная обратная связь невозможна, однако в сознании автора имеется представление о предполагаемом читателе-адресате, а зачастую и о нескольких типах читателей-адресатов, представляющих своеобразную иерархию (М.М.Бахтин, 1979, Г.В.Степанов, 1985).

В современных условиях развития цивилизации обратная связь писателя и адресата обладает значительно большей степенью реальности, чем в прошлые эпохи, благодаря развитию средств массовой коммуникации. Это и переписка с читателями, и возможность общения (творческие вечера, личные контакты). При этом писатель оказывается в необычной роли, не вполне совместимой с традиционными представлениями о работе литератора. Он выступает уже не анализатором действительности, которую воссоздает и преобразует в соответствии со своими художественными задачами. Писатель становится реципиентом сообщений, адресованных непосредственно ему и вызванных знанием о нем как о личности,

способной анализировать и систематизировать действительность под углом определенных художественных идей. От писателя ожидаются ответы на вопросы, связанные уже не с художественным миром, а с непосредственными проблемами бытия. Среди этих вопросов немаловажное место занимают вопросы о современном автору состоянии языка, вопросы, связанные с представлением писателя о языковых нормах.

Роль писателей как пропагандистов определенных языковых норм филологами также недостаточно изучена. Эту роль справедливо было бы назвать стабилизирующей. Писатели отстаивают правомерность употребления слов, по той или иной причине не получивших широкого распространения, устаревающих. Так, статья Д.а.Гранина "О милосердии" способствовала возвращению в широкий обиход этого устаревающего слова вместе с возвращением понятия.

Выступая не в качестве создателя языковых инноваций, а в качестве реципиента лингвистических фактов и явлений, возникающих независимо от него, писатель дает этим явлениям оценку, в которой отражаются его представления об идеале языковой нормы. При этом оценка языковых явлений может быть так же субъективна, как и оценка литературного произведения критиком; авторское представление о норме общество может принять или же отвергнуть. В.В.Виноградов приводит пример, когда А.С.Пушкин утверждал, что слово брюхата вполне литературное, однако в литературном языке оно не привилось (В.В.Виноградов, 1981).

Несмотря на субъективизм писателей в вопросах оценки языковых норм, систематизаторская и нормализаторская деятельность мастеров слова может оказать существенное влияние на развитие языка, на представление общества о том, какой должна быть языковая норма.

Н.М.Карамзин своими преобразованиями синтаксического строя письменной речи повлиял на дальнейшее развитие норм русского синтаксиса (В.В.Виноградов, 1982, с.199). В.И.Даль, будучи талантливым литератором, стал известен последующим поколениям

как составитель "Толкового словаря живого великорусского языка". В словаре отразились и нормализаторские взгляды В.И.Даля, которые не получили распространения в языке. Таковы, например, предложения заменить как можно большее количество иностранных слов коренными русскими, например, побудка вместо инстинкт, насылка вместо адрес и др. Однако констатирующая часть словаря настолько богата, что дает возможность широкого выбора лексем для отражения самых разнообразных смыслов.

В период зарождения советской литературы роль пропагандиста языковых норм осуществлял М.Горький, взявший на себя обязанности редактирования и рецензирования рукописей начинающих литераторов. М.Горький защищал язык от засорения неграмотными, просторечными и вульгарными выражениями, грубой лексикой (см. об этом: Е.Г.Ковалевская, 1978, с.378).

Известно, что в истории советской литературы был период, когда непосредственная обратная связь между читателем и писателем стала проблематичной. Ныне всемирно известные романы М.А.Булгакова, А.П.Платонова, Б.Л.Пастернака создавались без надежды на то, что их прочтут современники.

Те авторы, произведения которых активно печатались, подвергали свои тексты жесточайшей автоцензуре. Так, например, Ф.В.Гладков перерабатывал роман "Цемент" 36 раз, практически осуществляя в год по одной новой версии (редакции) романа. В результате в романе не осталось ничего, способного увлечь читателя, вызвать живой отклик. Свой труд по переработке романа автор объяснял на встречах с читателями строгостью к своим текстам, с одной стороны, с другой – требованиями, будто бы исходящими из среды читателей, усилить идейную направленность романа (см. об этом: Д.С.Лихачев, 1983, с.585-587). В действительности же дело заключалось в давлении тоталитарной идеологии как на писателя, так и на читателей. Влияние писателя на языковые процессы могло заключаться в этот период в демонстрации примера всяческих ограничений в стилистике и лексике. Отсюда неизбежное сужение запаса слов, пристрастие к одним и тем

же конструкциям, получающим значение всеобъемлящих символов. Проявление малейшего индивидуального своеобразия как в речи персонажей, так и в авторской речи расценивалось официальной критикой как показатель неграмотности автора, его неумение и нежелание правильно отражать действительность, давало повод сомневаться в лояльности писателя. См., например, критическую оценку речевых особенностей романов А.С.Грина (В.Важдаев, 1946, с.265), ср. также оценку повествовательного стиля М.М.Зощенко в известном партийном постановлении "О журналах "Звезда" и "Ленинград".

В 60-е годы, в период хрущевской "оттепели", на страницах газет и журналов, адресованных широкому читателю, стали освещаться языковые проблемы. Как отмечали В.В.Виноградов (1964), В.Г.Костомаров и Б.М.Шварцкопф (1965), практически не было такого периодического издания, где бы не шел разговор о проблемах норм русского языка. В разговор были втянуты широкие слои населения Советского Союза, представители самых различных профессий, национальностей, обращавшиеся в печать с вопросами о правильности тех или иных словоупотреблений. В процессе борьбы за совершенствование и чистоту русского языка ведущая роль принадлежала слову писателей. Заметным явлением в культурной жизни стали выступления в периодической печати К.Г.Паустовского (см.: В.В.Виноградов, 1964), Новеллы Матвеевой (см.: В.Г.Костомаров, 1971, с.132), К.И.Чуковского. Из переписки К.И.Чуковского с читателями, Публиковавшейся на страницах "Литературной газеты", родилась его книга о русском языке "Живой как жизнь". В.Г.Костомаров и Б.М.Шварцкопф (1965) в обзоре, посвященном состоянию проблем культуры речи в советском обществе и их отражению в периодике начала 60-х годов, отметили книгу К.И.Чуковского как одну из лучших, написанных писателями о языке, наряду с книгами Б.М.Тимофеева "Правильно ли мы говорим?" и Л.С.Борового "Путь слова".

Сам факт разговора писателей с читателями о языке и причины, побуждающие литераторов, в ущерб написанию оригинальных

художественных произведений, обращаться к проблемам лингвистики, стилистики, языковой нормы, свидетельствуют не только об отставании лингвистической науки от практических потребностей общества, но и о разрушительных процессах, идущих в самом языке, которые в свою очередь сигнализируют о разрушительных процессах в культуре и в обществе. Нарушается преемственность между прошлым и будущим языка. При возникновении нового не учитывается или намеренно передается забвению традиционная семантика, игнорируются уже имеющиеся способы выражения сходных смыслов, отсутствует информация о недавнем прошлом языка в сознании его носителей; исчезают или оказываются забытыми понятия, связанные с особенностями прошлых культур.

Восстанавливая прерывающиеся связи, писатели давали мощный толчок для дальнейшего развития культуры, повышения культурного уровня общества. Не случайно период борьбы за чистоту языка и культуру русской речи совпал с периодом идеологического и культурного подъема, создания новых культурных ценностей.

В некоторых случаях писатели, наряду с лингвистами, а порой и опережая их, создают теоретические обобщения, связанные и описанием активных процессов в языке. Такое обобщение находим в романе-антиутопии Дж.Оруэлла "1984". Автор описывает фантастическое тоталитарное общество с реальными чертами социализма. В это общество насильно внедряют новый язык – "новояз". Работа по введению "новояза" является последовательным разрушением естественного языка: сокращается количество слов, количество значений многозначного слова, уничтожаются многие понятия, связанные с идеологией и культурой прошлого, уничтожается оценочная лексика. Таким образом, сводится на нет важнейшая функция языка – быть орудием мышления. Уничтожается и другая функция языка – функция накопления знаний и передачи их из поколения в поколение. Эту функцию принято называть кумулятивной. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров(1980, с.194), давая расширенное и углубленное понимание этой функции в свете лингвострановедческой теории значения, предложили ее обозначить как континентальную (от

лат. *contineo* – содержу, включаю в себя). В "новоязе" подвергается разрушению и та структура значения, которая недостаточно изучена, но является существенной для правильного понимания и употребления лексемы. Дж.Оруэлл называет ее "атмосферой" слова; лингвисты описывают эти особенности лексики с помощью термина "коннотации".

К.И.Чуковский в книге "Живой как жизнь" отразил следующие процессы, которые, по мнению писателя, разрушают язык: обилие канцелярских штампов в повседневной речи, свидетельствующее о бюрократизации мышления (это явление К.И.Чуковский назвал "канцелярит"); исчезновение индивидуальной (личностной) информации в языке, когда человек говорит о том, что его волнует, используя только общие фразы; употребление псевдоэмоциональных штампов, типа "писатель ярко показывает". Засорение повседневной речи вульгарными и грубыми словами К.И.Чуковский считает лишь следствием названных процессов, поскольку вульгарные слова в какой-то мере компенсируют эмоциональную бедность общераспространенного языка, его обезличенность.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что для понимания процессов эволюции языка лингвокультурной общности необходимо изучение не только идеолектов конкретных писателей, но и изучение отношения писателей к проблемам языка, к конкретным языковым фактам. И хотя для лингвистики всегда остается справедливым положение о том, что в языке важнее не индивидуальная, а социальная информация – "семиотика должна в первую очередь интересоваться отношением между интерпретаторами в языковой ситуации и, следовательно, не индивидуальными, а социальными знаками" (Г.П.Мельников, 1978, с.231), без индивидуальной информации язык мертв. Изучение общего в языке может затормозиться без изучения проблем, связанных с выделением понятия "языковая личность". Представляется важным и актуальным на современном этапе развития лингвистических наук проводить анализ языка писателя в свете новейших представлений о проблемах языковой личности, т.е. рассматривать отдельные языковые явления в текстах писателя не

изолированно, а комплексно, во взаимосвязи с системой взглядов данного автора, с его художественно-эстетическими идеалами. В системе "автор – текст – читатель" следует изучать взаимодействие всех трех составляющих триады.

1.2. ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

1.2.1. Три подхода к описанию структуры лексического значения

В описании лексического значения, как и во всех отраслях знания, используются два основных подхода: интегральный и дифференциальный (см.: Ю.С.Степанов, 1977, Г.П.Мельников, 1978). Интегральный подход преобладает в процессе обобщения знаний, дифференциальный – в процессе углубления познания. Интегральный подход предполагает выявление общего и поиски универсальных структурных признаков или же таких признаков, которые обобщают как можно больше особенностей материала.

При интегральном подходе в основном используются классификации, схематизирующие структуру значения с целью выделения минимального количества крупных блоков информации – компонентов содержательной структуры. Обычно таких блоков выделяется два или три – это соответствует задаче максимального обобщения, категоризации описываемых структур.

Дифференциальный подход предполагает отражение максимального количества различий между сходными явлениями, сосредоточивается на определенном фрагменте системы, заведомо абстрагируясь от отражения особенностей всей системы в целом.

При дифференциальном подходе акцент делается на изучении особенностей формирования слагаемых системы на примере отдельно взятой области. Число слагаемых в каждой области системы, если сама система обладает свойством изменчивости, в принципе неограниченно.

Разумеется, в научном исследовании должны присутствовать оба подхода. Но можно говорить о преобладании одного из подходов в зависимости от общих результатов исследования.

Третий подход – системный – освещает особенности отдельных явлений в рамках параметров функционирования системы. При системном подходе исследуют не только структуру – совокупность связей в системе, но и сами слагаемые системы. При системном подходе ведется поиск параметров-компонентов системы, число которых предполагается конечным.

1.2.2. Дихотомические классификации

Наше сознание может выделять в явлении какое-либо существенное свойство, относительно которого все остальные признаки явления группируются полярно. Восприятие признаков явления в нашем сознании носит альтернативный характер.

Деление объема понятия на два соподчиненных класса принято называть дихотомическим. Строго логическое определение дихотомии включает в это понятие, кроме деления на два класса, также и принцип исключенного третьего ("А" или "не-А"). Практически же во многих научных классификациях используют принцип, который по аналогии (деление на два) называется псевдодихотомическим.

В этом случае основанием деления служит некий третий признак или совокупность признаков, не включаемых в явном виде в классификацию. При этом результаты при обоих типах деления могут совпадать.

Строго последовательное применение дихотомического деления при анализе явлений естественного языка – один из принципов структурного анализа. Как отмечает И.И.Ревзин (1977), такую классификацию лингвистических объектов при последовательном применении данного принципа удалось создать только в области фонологии. Но принцип выделения двух макроструктур, основанный на выявлении нашим сознанием неких противоположностей в анализируемой системе, используется в самых различных лингвистических теориях и классификациях.

1.2.3. Схема языкового знака Ф. де Соссюра – модель, объединяющая элементарные и универсальные свойства знака

Согласно Ф. де Соссюру, знак обладает свойством, которое он обозначил как "дуализм", проявляющийся в единстве противоположных сторон. Эти стороны – "акустический образ" и "понятие". Первая сторона соответствует материальному способу существования языкового знака, а вторая – представлениям и понятиям, находящимся в сознании людей. Между ними имеется связь – ассоциация – в сознании человека. Существенным моментом для развития последующей теоретической лингвистики является идея о том, что

не только материально выраженные элементы языковых структур, но и сама по себе связь является носителем языковой информации – значения.

В других терминах Ф. де Соссюр обозначил эту идею как связь между означаемым и означающим (Ф. де Соссюр, 1977, с.234).

Это свойство языкового знака образовывать ассоциацию между означаемым и означающим является универсальным. В то же время возникновение элементарной, простейшей знаковой ситуации и возникновение индивидуального знака (см.: Г.П.Мельников, 1978, с.231, 284) связано со свойством человеческого сознания – способностью создавать ассоциации не только с образами объектов, но и с некими формально непохожими на эти объекты другими объектами. Свойство знака, выражающееся в его несходстве с образом объекта, о котором знак несет информацию, Ф. де Соссюр назвал "немотивированностью" знака.

Итак, простейшая схема значения состоит из двух компонентов: означаемое – то, что мы подразумеваем, используя знак, т.е. собственно значение, Итак, простейшая схема значения состоит из двух компонентов: означаемое – то, что мы подразумеваем, используя знак, т.е. собственно значение, и означающее – образ знака, представляемый обобщенно, в отвлечении от его материальной оболочки и обладающий своей внутренней структурой.

1.2.4. Схема с выделением денотативного и коннотативного макрокомпонентов

Выделение прагматического аспекта не только в семантике высказывания, но и в значении отдельной лексической единицы было причиной появления понятий "коннотация" и "коннотативное значение" (см.: В.Н.Телия, 1986).

Выявление коннотаций и объединение их в понятие "коннотативный компонент" ("макрокомпонент") значения, который Л.М.Васильев определяет как "результат логически расчлененного отражения действительности, связанный с чувственно-ситуативным мышлением" (Л.М.Васильев, 1990), позволило противопоставить системе коннотативных значений другую группу значений, связанных с выражением информации об объективном мире. Эта группа значений получила наименование "денотативный компонент" (Н.Г.Комлев, 1964, И.А.Стернин, 1979, 1985), или, иначе, "денотативный макрокомпонент" (И.А.Стернин, 1985).

Выявление двух компонентов значения – денотативного и коннотативного – отражает традиционное разграничение собственно семантики, рассматривающей "отношение знаков к означаемому безотносительно к особенностям интерпретатора знаков", и прагматики, "изучающей проблемы интерпретации знаков" (ТСПИИ, 1992, с.72).

Одновременное выделение двух данных макрокомпонентов в рамках единого лексического значения подчеркивает тот факт, что современное лингвистическое знание выдвигает необходимость расширить границы семантики как научной дисциплины и сферы объектов ее исследования в сторону изучения прагматики (Ю.Д.Апресян, 1988, с.7).

Выделение денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения привело к закономерному расширению понятия семантики в сферы, которые ранее считались находящимися за ее пределами: границ семантики: 1) в направлении изучения функционирования языковых

единиц в процессе коммуникации (прагматический аспект); 2) в направлении изучения связей с денотатом и объективной картиной мира (Ю.Н.Караулов, 1987). Понятие "денотат" в большинстве исследований трактуется как объект внешнего мира (см. напр.: И.А.Стернин, 1979, Н.Н.Иванова, 1990) или отраженное представление об объекте (А.А.Уфимцева, 1974). Понятие "объект" принято трактовать расширенно – не только как материальное тело, но и как некое явление внешнего мира, т.е. совокупность объектов в их типично проявляющемся взаимодействии (И.Беллерт, 1978, А.Вежбица, 1978, И.А.Стернин, 1979). Таким образом, еще одно Направление расширения семантических исследований идет в сторону включения в поле лексических значений сведений из области знания о мире. Традиционная точка зрения отграничивала знания о мире от сферы семантики языковых единиц. Ср.: "В языковое значение, вопреки мнению Стернина, знание о мире не входит" (Л.М.Васильев, 1990, с.85). Ср. также противопоставление информации, отражающей специальные и энциклопедические знания, собственно лингвистической информации в толковых словарях в труде Л.В.Щербы "Опыт общей теории лексикографии" (Л.В.Щерба, 1958).

На позициях необходимости включения знания о мире в семантическую информацию стоят также Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров (1980) и Ю.Н.Караулов (1987), которые подтверждают данную точку зрения теоретическими и практическими выкладками.

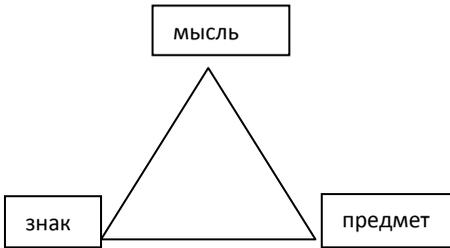

Рис.1. Схема языкового знака К.Огдена и И.Ричардса

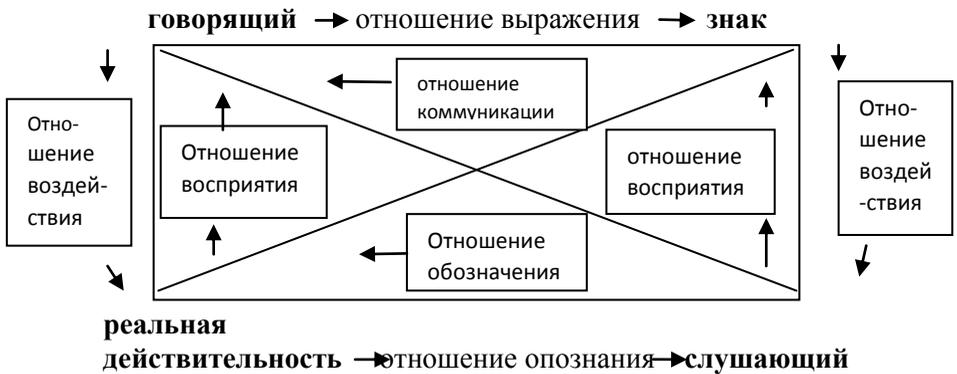

Рис.2. Схема языкового знака А.А.Уфимцевой

Уровень денотатов	Уровень конкретных смыслов	Уровень абстрактных смыслов	Уровень значений (семем)	Уровень языковых знаков (морфем)	Уровень речевых знаков
-------------------	----------------------------	-----------------------------	--------------------------	----------------------------------	------------------------

Рис.3. Схема языкового знака Г.П. Мельникова

1.2.5. Экстенционал и интенционал значения

Ю.С.Степанов (1985), говоря о различных схемах значения, обладающих достоинствами простоты и неэлементарности, называет наиболее удачной схему, предложенную К.И.Льюисом в работе "Виды значения" (К.И.Льюис, 1983). Схема эта различает интенционал понятия, соответствующий, в терминах традиционного понятийного аппарата логики и философии, содержанию понятия, т.е. логической структуре, отражающей связь данного понятия с другими понятиями; и экстенционал, соответствующий в терминах логики и философии объему понятия, т.е. множеству явлений, которые могут быть описаны посредством данного понятия. Термины интенционал и экстенционал произведены от латинских слов *intensio* (букв. "внутреннее натяжение") и *extensio* (букв. "внешнее натяжение") (см. перевод этих терминов: Ю.С.Степанов, 1981, с.355, 358).

В схему К.И.Льюиса включены еще два понятия: 1) компрегенция – классификация всех непротиворечиво мыслимых предметов, к которым данный термин правильно приложим; 2) сингификация – совокупность признаков, которая существенная для правильного наименования предметов данным именем.

Другой исследователь, Д.Льюиз, в книге "Общая семантика" эти же термины интерпретирует следующим образом: "Значение общего (нарицательного) имени – это то, что определяет, к каким предметам (актуально существующим или возможным) – если таковые вообще имеются – данное имя применяется в различных обстоятельствах, в различные моменты времени и т.д.

Назовем значение истинности предложения его экстенционалом (*extension*), предмет, называемый именем – экстенционалом этого имени; множество предметов, к которым прилагается общее имя, – экстенционалом этого общего имени. Экстенционал выражения, которое относится к одной из этих трех категорий, зависит от его значения, а в общем случае, и от других факторов: от фактов, известных о действительности, от времени высказывания, от места высказывания, от

говорящего, от окружающих высказываний данного дискурса и т.д. Именно значения определяют, каким образом экстенционал зависит от комбинации остальных факторов... Такой входной набор релевантных факторов мы будем называть индексом, а всякую функцию, соотносящую индексы и соответствующие экстенционалы для предложения, имени или общего имени, будем называть интенционалом (intension)" (Д.Льюиз, 1983, с.258-259).

Противопоставление понятий "экстенционал" и "интенционал" отражено во внутренней структуре терминов, которая является антонимичной по значению приставок: лат. – ex – ('из-'), и in – ('в').

В отечественном языкознании развитие и углубление этих терминов представлено в работах М.В.Никитина (1974, 1988).

1.2.6. Значение слова в лингвострановедческой теории Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова

Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров (1976, 1980), исходя из практического опыта преподавания русского языка иностранцам, выдвинули следующую схему значения слова. Значение лексемы содержит в качестве основной информации (ядра) лексическое понятие.

Ядро окружено так называемым лексическим фоном – периферийной информацией. Информация лексического фона подразделяется на синхронические и диахронические национально-культурные семантические доли. Синхронические семантические доли содержат фоновую информацию о типичных для национально-культурной общности явлениях, связанных с понятием. Диахронические семантические доли содержат связанную с понятием историко-культурную фоновую информацию.

Лингвострановедческая теория слова делает акцент на периферийных структурах лексического значения. При отсутствии семантизации этих структур возникает особый вид непонимания – лингвострановедческая интерференция, при которой носитель иностранного языка распространяет информацию о лексическом фоне понятия своего родном языке на

соответствующее или сходное понятие в изучаемом языке. Подобная ситуация порождает множество ошибок, как в практических действиях (иностранец в магазине просит взвесить ему килограмм яиц), так и в ходе речевой коммуникации. Трудность предупреждения таких ошибок в том, что причины их плохо осознаваемы. Изучающий иностранный язык добросовестно осваивает лексику по словарям и учебным пособиям, однако информация, предупреждающая интерференцию, как правило, в них отсутствует или представлена в незначительной степени.

Аналогичные ошибки возникают и при переводе с одного языка на другой – когда коннотативная информация корреспондирующих лексем языка-источника и языка перевода обнаруживает существенные несовпадения (И.И.Ревзин, 1977, А.И.Федоров, 1983).

Заслуга Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова в том, что они впервые обосновали необходимость широкой семантизации периферических структур значения – лексического фона – как с целью оптимизации учебного процесса, так и для лексикографии (создание лингвострановедческих словарей). Особое значение придается семантизации периферических структур значения обиходных понятий, где слабая осознаваемость этих структур носителями языка создает дополнительные сложности в их описании. Огромную важность имеет изучение стереотипов мышления и национально-культурной системы ценностей. К недостаткам концепции Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова следует отнести игнорирование оценочного значения, присущего коннотациям различных понятий. Между тем разница в оценочном значении является порой решающим основанием для того, чтобы отвергнуть близкую лексическую единицу из языка перевода, несмотря на то, что ею описывается тот же денотат, что представлен в значении лексемы языка-источника.

1.2.7. Трехкомпонентные схемы: лингвистические "треугольники"

Выделение трехкомпонентных структур связано с тем, что абстрактные классификации, состоящие из трех элементов, легко воспринимаются

нашим сознанием. Как уже отмечалось выше, любая псевдодихотомическая классификация потенциально содержит в себе кот третий компонент – основание классификации.

В лингвистике известна схема значения, представленная К.Огденом и И.Ричардсом в книге "Значение значения" (см. об этом: А.А.Уфимцева, 1962, с.76; Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980, с.32). Эта схема представляет собой треугольник, в котором сплошными линиями соединены вершины, обозначенные как "знак" и "мысль", "мысль" и "предмет" (см. рис. 1). Основание, содержащее понятия "знак" и "предмет", соединяет эти вершины пунктирной линией, которая должна означать, что связь между этими понятиями представляется второстепенной. В самом деле, современная лингвистика сходится на том, что справедливо говорить о связи не между знаком и предметом, а между знаком и отраженным представлением о предмете (А.А.Уфимцева, 1974, с.117, схемы, с.40-41, с.44; Г.П.Мельников, 1978, и др.).

Схема К.Огдена и И.Ричардса получала различные интерпретации и приобретала различные модификации в лингвистической литературе. Ю.С.Степанов (1985) считает, что ее достоинство по сравнению со схемами, содержащими большее число компонентов, заключается в том, что она является простейшей (элементарной). Материальное означающее (знак) и идеальное означаемое (понятие) в ней связаны с третьим компонентом – отраженным образом явлений реального мира.

Сама эта схема и образ треугольника, по-видимому, были созданы под влиянием символа божественной Троицы, в котором, как известно, одной из ипостасей выступает Бог-Сын, или, иначе, Божественный Глагол, Логос (Слово). Символ Троицы, в свою очередь, восходит к учению о "логосе", существовавшему в древнегреческой философии. Термин "логос" был введен Гераклитом.

С.С.Аверинцев (БСЭ, т.14, с.609) отмечает, что в учениях античности понятие логоса представляло собой безличное начало, тогда как у христиан оно было "переосмыслено как слово личного и "живого" бога, окликавшего этим словом вещи и вызывающего их из небытия" (там

же). Более глубокие истоки происхождения символа следует искать в древнеегипетской и древнеиндийской космогонии.

Отсюда видно, что идея связи слова как знака человеческого языка с идеальным и материальным миром уходит глубоко в истоки возникновения человеческой цивилизации, культуры и религиозной философии.

В то же время конкретизация данной схемы с целью описания лингвистического значения крайне затруднительна. Г.П.Мельников констатирует: "вместо ставших в семиотике традиционными разнообразных модификаций "треугольников" Г.Фреге, К.Огдена и И.Ричардса, А.Черча, С.Ульмана, В.А.Звегинцева, Ю.С.Степанова и др., у нас для описания даже простейшей знаковой ситуации намечается "четырёхугольник": знак, денотат, образ знака и ассоциированный с ним образ денотата. ...Вместо расплывчатого "третьего угла", называемого то значением, то смыслом, то понятием, появляется ассоциация двух, но более конкретных объектов: образа знака и образа денотата, которые можно назвать также внутренним знаком и внутренним денотатом" (Г.П.Мельников, 1978, с.223).

Противоречия, связанные с интерпретацией "третьего угла" и расхождения в трактовке схемы лингвистического "треугольника" объясняются тем, что троичная схема не может отразить различные параметры значения, количество которых интуитивно полагается лингвистами большим, чем три. В то же время в предлагаемых лингвистами многокомпонентных схемах нет такого логического и философского единства, которое обнаруживается при анализе двоичных и троичных схем. В малокомпонентных схемах удается интерпретировать некие глобальные характеристики языка, отражающие воззрения на язык, уже выработанные в различных философских учениях. Для практического же использования требуется разработка более детальной классификации. Однако вопрос о системе оснований для такой классификации все еще является дискуссионным.

1.2.8. Другие трехкомпонентные схемы

Говоря о трехкомпонентных классификациях, следует отметить не только те, в которых отразился универсальный философский аспект связи языка, мира и сознания, как это имело место в лингвистических "треугольниках". Следует выделить и те схемы, в которых отражены существенные внутренние характеристики самого объекта исследования – естественного языка, важнейшие параметры его внутренней структуры.

Схема, представленная И.А.Стерниным (1979), помимо уже названных денотативного и коннотативного компонента, которые, в силу особенностей внутренней формы терминов, избранных для их обозначения, воспринимаются как противопоставленные, вводит также эмпирический компонент, идея выделения которого принадлежит С.Д.Кацнельсону (1972).

Схему, тождественную представленной в работе И.Стернина (1979), состоящую из трех компонентов – денотативного, коннотативного и эмпирического – поддерживает Л.М.Васильев (1990).

Согласно С.Д.Кацнельсону (1972), И.А.Стернину (1979) эмпирический компонент несет информацию, которая является отражением типичных представлений о том или ином предмете и связана с невербальным мышлением. Л.М.Васильев объясняет его как "результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления" (Л.М.Васильев, 1990, с.91).

Наиболее удачной, с точки зрения практической ориентации нам представляется трехкомпонентная схема Ч.Фриза, которая объединяет традиционный подход к объектам лингвистического изучения – рассмотрение значения с точки зрения содержащегося в нем лексического понятия, со структурным подходом – изучение особенностей формальной структуры, и с прагматическим – учет особенностей функционирования языкового знака. Ч.Фриз в работе "Значение и лингвистический анализ" (см. Ch.C.Fries, 1964) выделяет в

структуре значения следующие три блока информации: значение лексическое, значение структурное и значение социально-культурное.

Большинство лингвистов сходится на том, что выделяет в единицах языка собственно языковую информацию и иную, которую принято обозначать как внеязыковую (см., напр., Л.В.Щерба, 1958, И.Беллерт, 1978, Г.О.Винокур, 1981 и др.). Ранее считалось, что только информация первого типа является объектом лингвистического изучения. Это позиция структурного анализа (см. об этом: И.И.Ревзин, 1977), которая, как известно, не оправдала себя. Ю.Н.Караулов отмечает: "Парадоксально, но факт: ни один лингвист в наше время не будет уже сочувственно цитировать сосюровскую мысль о том, что единственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя..." (Ю.Н.Караулов, 1987, с.19). Ю.Н.Караулов называет тенденции, ограничивающие изучение языка только сферой изучения особенностей языковой системы, "редукционистскими" (с.4).

Может создаться впечатление, что в этой ситуации имеется логическое противоречие. В самом деле, как может лингвист, который должен заниматься языком и, следовательно, языковой информацией, изучить все многообразие внеязыковой действительности в других областях знания? Ответ на этот вопрос мы можем найти в работе Г.О.Винокура, написанной в 1945-1946 гг. (Г.О.Винокур, 1981). "Получается, что филолог должен уже наперед знать все... Но ведь это эмпирически невозможно! – отмечает Г.О.Винокур. – Но если он (филолог) встречается с чем-нибудь неизвестным, в простейшем случае – с каким-нибудь неизвестным ему до того словом, термином, – то, очевидно, ему не остается ничего иного, как обратиться на время в исследователя – лингвиста, археолога, юриста, медика и т.д." (с.44). "Между тем именно филологическая традиция сохранила до наших дней умение смотреть на язык как на член более широкого и сложного культурного целого, умение, полемически отстранявшееся на задний план основоположниками сравнительного языковедения и в значительной мере забытое их учениками" (с.52-53).

Г.О.Винокур отстаивал мысль о том, что языковедение – и филологию в целом – нужно рассматривать как часть общей науки о "сообщении в самом широком смысле слова", в т.ч. и о невербальном сообщении – о знаковой информации, заключенной в предметах быта и искусства (1981, с.37).

Практика преподавания, перевода и комментирования текста потребовала расширения объема исследования за счет обращений к внеязыковой действительности и изучения способов ее отражения в семантике слова.

Если всю семасиологическую информацию разделить на собственно языковую и внеязыковую, то последняя, в свою очередь, согласно Ч.Фризу, разделяется на информацию, связанную с отражением действительности (путем передачи ее через лексическое значение), и информацию, связанную с социумом и функционированием слова в социуме – социально-культурную. Данные два вида информации можно соотнести с последующим делением семантической структуры слова на денотативный и коннотативный компоненты.

Достоинство классификации Ч.Фриза в том, что в ней сохранена (а не отброшена за ненадобностью) структурная информация. Если структурализм как особое направление в языкознании остался в прошлом, то сам объект его изучения – особенности структурных связей внутри системы каждого национального языка – никуда не исчез и подлежит дальнейшему изучению во взаимосвязях с денотативной и коннотативной информацией.

О необходимости выделения структурной информации (значимости), которая отсутствовала в первоначальной классификации И.А.Стернина (1979, 1985), но была выделена в отдельный системно-структурный компонент в работе В.В.Левицкого, И.А.Стернина (1989), пишет Л.М.Васильев: "В языковое знание, как мы видели, кроме знания о внеязыковой действительности, отраженной в значениях, входит и знание самого языка, т.е. знание значимостей и функций его единиц" (Л.М.Васильев, 1990, с.85).

1.2.9. Многокомпонентные схемы

Чем большее количество компонентов включает в себя концепция описания значения, тем в большей степени проявляет она черты системности, поскольку множество параметров позволяет и обобщать и в то же время дифференцировать разнородную семантическую информацию.

Для того, чтобы концепцию – модель значения можно было считать системной в полной мере, необходимо, чтобы она обладала возможностью широкого практического применения. Для этого схема-модель должна не только давать возможность обобщения и интерпретации фактов, как схемы, о которых будет сказано ниже, но и обладать следующими свойствами: 1) возможностью классифицировать заведомо разнородный семантический материал; 2) возможностью детального описания значения и поиска лексической единицы по этому описанию; 3) возможностью описания отклонений от узуального значения и выявления, в чем эти отклонения проявляются; 4) возможностью корректировки отклонений в случае ошибочного употребления; 5) возможностью сопоставления близких по значению лексических единиц для определения степени их взаимозаменяемости.

Такая модель в настоящее время еще не разработана. Существенные приближения к ней находим в работах И.А.Стернина (1979, 1985), Ю.Я.Бурмистровича (1986), Ю.Н.Караулова (1987), Ю.Д.Апресяна (1988, 1990).

Рассматривая более обобщенные схемы, можно выделить схему А.А.Уфимцевой, в которой представлен языковой знак с точки зрения выполняемых языком функций (см. рис. 2). Особенно существенным с позиций нашего исследования является то, что в этой схеме представлена роль адресата языкового сообщения.

Г.П.Мельников в ранее цитированной нами работе, критически оценивая схемы значения в виде треугольников, выдвигает сначала четырехкомпонентную, а после и пятикомпонентную схему. Им же представлена шестикомпонентная схема формирования и функционирования в сознании человека значения слова – от непосредственного восприятия объекта через последовательные этапы обобщения к использованию лексических единиц для обозначения тех или иных обобщенных признаков объекта (см. рис.3). Г.П.Мельников также считает необходимым включить в схему описания значения лицо, порождающее сообщение, и лицо, его воспринимающее. Простейшую схему, состоящую из адресанта, адресата и знака, Г.П.Мельников называет "коммуникативной дугой" (Г.П.Мельников, 1978, с.238).

1.2.10. Системный подход в классификации структур лексического значения

Системный подход – органическое взаимодействие интегрального и дифференциального подходов. Это не только выделение нескольких важнейших признаков – условий существования системы и определение по ним двух или нескольких важнейших макроструктур, как предполагает интегральный подход. При системном подходе исследователи стремятся выявить как можно большее количество параметров системы, отражающих условия ее функционирования. Разумеется, выделенные параметры должны соответствовать реально обнаруживаемым признакам.

При системном подходе совокупность знаний, описываемых каждым из параметров, рассматривается в пределах каждого параметра дифференцированно. Но при этом явления, чьи свойства выходят за рамки избранной для анализа области (уровня), рассматриваются не как исключения, а как проявление закономерностей другого уровня, если исходить из знания других параметров системы.

Существенными для выработки системного подхода следует назвать работы И.В.Арнольд (1973), Б.М.Комиссарова (1972), М.В.Никитина (1974), Н.Г.Комлева (1972).

Особенно следует отметить исследования И.А.Стернина (1979, 1985), В.В.Левицкого и И.А.Стернина (1989). Предложенные в этих работах классификации не только последовательно выявляют принципы системного подхода, но и обладают высокой степенью обобщения при возможности детализации конкретных признаков исследуемого объекта – семантики лексической единицы. Недостатком первоначальной классификации является то, что авторы постоянно ее преобразуют, частично изменяя уже сложившуюся структуру: в работе – И.А.Стернина, (1985), и в работе В.В.Левицкого, И.А.Стернина, (1989), выделяемые компоненты значения не тождественны структурам, описанным в работе И.А.Стернина, (1979). В последней классификации – В.В.Левицкий, И.А.Стернин, (1989), – выделены существенные структуры значения – системно-структурный компонент и его составляющие, что является положительным в ходе совершенствования классификации. Но в целом классификация 1979 года обладала большей стройностью, новая преобразована в сторону разбухания.

Иного рода системный подход характеризует исследования по выявлению элементарных компонентов лексического значения – семантических множителей. Этот подход построен на преобладании дифференциальных методов анализа. Подобные исследования направлены на то, чтобы выявить максимальное число различий у слов, заведомо близких по значению, и тем самым выделить элементарные значения, которыми отличаются анализируемые лексемы, чтобы затем представить все описываемые значения в виде элементарных.

За рубежом наибольшей последовательностью в разработке этого направления характеризуются работы А.Вежбицкой (см. А.Вежбицка, 1983); в советском языкознании это направление было разработано Ю.Н.Карауловым (1974, см. также: Русский семантический словарь, 1983), сходные проблемы изучает Ю.Д.Апресян (1991), в Украине близкую проблематику разрабатывает Ж.П.Соколовская (1979, 1981, 1990). При объединении дифференциальных признаков описания, выделенных для каждой лексемы или для группы лексем, близких по значению, в достаточно протяженный список, охватывающий наиболее частотные лексемы конкретного языка, получится словарь, который во

многим подобен традиционному, составляющемуся из учета эмпирических закономерностей, но отличается от традиционного значительно большей степенью системности. Такая системность может быть достигнута применением единого принципа для описания каждой лексической единицы. В традиционных же словарях при эмпирическом описании значения единый принцип не выдерживается, поскольку выполнить подобное условие считалось невозможным (Д.Н.Шмелев, 1964, с.103).

Подобный системный подход при описании значения в словарях принято называть тезаурусным (Б.А.Ларин, 1962, Ю.Н.Караулов, 1976).

Огромное количество исследований посвящено частным проблемам семантики. Среди них выделяются исследования, в которых рассматриваются закономерности внутри произвольно выделяемых лексико-семантических либо тематических групп, объединяемых в лексико-семантические поля.

Основы исследования лексико-семантических полей были заложены Й.Триром (исследование поля интеллекта). Как известно, его работы вызвали большое количество критических отзывов (см. об этом: А.А.Уфимцева, 1962). Однако сам принцип распределения лексики в структуру, подобную полям Й.Трира, стал необычайно популярен. Нельзя не увидеть в критике работ Й.Трира и в существенных расхождениях в описании лексических единиц по принципу поля, обнаруживающихся в работах других исследователей, тот факт, что данный метод способен отражать не только объективную лингвистическую, но и субъективную реальность представления о семантике языковых единиц в сознании исследователя. Более высокую степень объективности может гарантировать только Сочетание данного метода с одним из системных методов, о которых сказано выше (см., напр., описание лексико-семантических полей в работе Ж.П.Соколовской, 1979, использование метода поля в работе И.А.Стернина, 1985).

К частным исследованиям, с нашей точки зрения, следует отнести попытки создания метаязыка формул, основой для которых стало выделение так называемых "лексических параметров" (Ю.Д.Апресян, 1974). Эти параметры оказались неуниверсальными, а пользование ими – затруднительным (см. критический анализ работ И.А.Мельчука и Ю.Д.Апресяна, посвященных выделению "лексических параметров" – Н.З.Котелова, 1975). Дальнейшие исследования Ю.Д.Апресяна следуют в направлении разработки элементарных значений и универсальных принципов описания лексических единиц с целью создания словаря (Ю.Д.Апресян, 1988, 1990). Однако многие существенные понятия в создании метаязыка описания, "лексических параметров" были выделены удачно – квазикатегории (квазисинонимы, квазиконверсивы), использование логических формул с обозначениями актантов при помощи букв X и Y.

Существенным недочетом многих классификационных построений, с нашей точки зрения, является стремление их авторов во что бы то ни стало свести обнаруживаемые ими закономерности к выделению бинарных оппозиций с целью построения дихотомических классификаций. Хотя "в языке ничего нет, кроме тождеств и различий" (Ф. де Соссюр), мы не считаем, что оппозиции непременно должны быть бинарными, ибо это отнюдь не всегда соответствует лингвистической реальности. В самом деле, в русском языке (как и в других индоевропейских языках) противопоставлены бинарно два числа – единственное и множественное, но еще в древнерусском противопоставление было троичным – единственное, двойственное и множественное число. Количество падежей в языках флективного строя, как правило, более двух, количество времен может достигать двенадцати (в английском). Небинарность оппозиций наблюдаем и в лексике. Белый ('обозначение цвета') противопоставлен не только черному, но и всем другим лексемам, обозначающим цвета и их оттенки. Мы уже упоминали точку зрения И.И.Ревзина (1977), который отмечал, что целиком последовательную классификацию, основанную на дихотомическом делении признаков разных уровней, удалось построить только в фонологии (см.: Н.С.Трубецкой, 1960). Мы полагаем, что причину этого следует видеть в семантических свойствах

языковых единиц более высокого уровня, чем фонемы. Если основная функция фонемы – смысловоразличительная, т.е. передающая различия, то другие единицы несут в большой степени не только дифференцирующую, но и интегрирующую информацию, и объем каждой из этих видов информации несоизмерим с объемом информации фонем. Поэтому замечание И.И.Ревзина остается справедливым и по сей день.

Наиболее плодотворным и перспективным, с нашей точки зрения, в современных исследованиях лексической семантики является метод компонентного анализа, основы которого были заложены Ю.Найдой (см.: Е.Найда, 1962). Этот метод в различных модификациях использовался в системных построениях Н.Г.Комлева (1969), И.А.Стернина, Ж.П.Соколовской и др. Мы полагаем, что использование компонентного анализа – одна из важнейших гарантий системности исследования. При этом существенным прогрессивным моментом в применении данного метода является выработка расширенной трактовки понятия "компонент" (Н.Г.Комлев, 1964, И.А.Стернин, 1979, 1975, В.В.Левицкий, И.А.Стернин, 1989): от минимальной, элементарной единицы содержания (в этом случае "компонент" соответствует термину "сема"), до выделения крупных блоков – "макро- и мегакомпонентов", например, структурный мегакомпонент, коннотативный макрокомпонент. Однако нам представляется более последовательным употребление термина "компонент" в значении крупного блока, содержащего неэлементарную информацию. Элементарный же компонент, иначе микрокомпонент, имеет общепринятые обозначения "семантический множитель", "сема"; таким образом, термин "микрокомпонент" избыточен. Следует учитывать, что неэлементарный компонент в свою очередь может быть частью компонента более крупного уровня (высшего яруса), а число таких уровней в принципе неограниченно. Но в целом соображения удобства классификации требуют ограничиться выделением сравнительно небольшого количества компонентных структур, и поэтому компоненты других уровней целесообразнее (если возникнет необходимость) обозначить цифровыми индексами, а не использованием приставок. Так, в частности, из классификации

В.В.Левицкого, И.А.Стернина, (1989) неясно, как обозначить, например, оценочный компонент в составе коннотативного компонента – как макро- или как микрокомпонент (сам коннотативный компонент обозначен как макрокомпонент).

Работы, посвященные частным аспектам лексической семантики, характеризуются двумя направлениями. Первое мы обозначаем как исследования микроструктуры значения. Сюда входят описания значения отдельных лексических единиц (см., напр.: Г.А.Лилич, 1962, и др.), описания семантических полей, объединяющих единицы какого-либо общего класса, входящие в одно понятие, и выявление при помощи компонентного анализа микроструктур этих понятий (см. обзор

такого рода исследований – Н.В.Цветков, 1984). Второе направление, избирая частные аспекты, выходит на уровень значительных обобщений, поскольку изучает закономерности отдельно взятых макроструктур, обозначающих различные уровни, несущие интегрирующее значение. Таковы, например, исследования системы коннотаций (В.Н.Телия, 1986), исследования, посвященные оценочному значению (Н.Д.Арутюнова, 1988) и его различным аспектам – (И.Б.Мурмуридис, 1985, Т.А.Трипольская, 1988, С.И.Походня, 1989, М.І. Проскуркіна, 1992, и др.); исследования, связанные с выявлением выразительных возможностей лексических единиц – (В.П.Ковалев, 1975, В.А.Чабаненко, 1984).

Оба указанных направления играют колоссальную роль, позволяя ликвидировать лакуны в познании и заполнить конкретной объективной информацией выявляемые при помощи системного подхода структуры и уровни системы лексического значения.

Подытоживая вышесказанное, мы вынуждены констатировать, что в настоящее время в лексической семантике, в русском и украинском языкознании, а также в исследованиях, проводимых за пределами СНГ, не существует удовлетворительной классификации, позволяющей адекватно и с учетом требований системности описывать по единому плану семантику различных лексических единиц. Определены лишь

общие требования к подобной классификации, известно (хотя на этот счет нет единого мнения), какие смысловые структуры характеризуют значение и, следовательно, какие компоненты должны быть включены в описание значения. Отсюда становится обоснованной в качестве одной из задач нашей работы необходимость составления классификации структуры значения лексических единиц с учетом требований системности.

ГЛАВА 2. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

2.1. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯВЛЕНИЯ

2.1.1. Понятие авторской семантизации

Предметом нашего исследования является ранее не изучавшаяся в системе филологических дисциплин и выделяемая нами в качестве самостоятельной смысловой структуры текстовая единица, которую мы обозначаем как авторская семантизация. Авторская семантизация (единица авторской семантизации, АС) – текстовая структура, характеризующаяся своеобразием содержания. Специфика содержания АС заключается в том, что АС представляет собой информацию автора текста о значении языкового знака.

"Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикrania, при которой болит полголовы" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита). Название болезни гемикrania происходит от греческих основ hemi – "половина" и kranion – "череп" и расшифровывается так, как это представлено в тексте М.А.Булгакова. Слово гемикrania представляет собой старинный медицинский термин, от которого произошло более известное название той же болезни – мигрень. Ср. объяснение термина гемикrania в ЭСМТ: "боль, локализующаяся преимущественно в половине головы".

Основным критерием определения АС является содержание данной единицы текста, представляющее информацию о значении языковой единицы; формальные критерии менее релевантны. В отношении специфики содержания АС подобна текстовым единицам, выделяемым как в языкознании, так и в литературоведении – метафоре, сравнению, перифразе. Подобно названным единицам текста, АС также представляет собой информацию о связи двух явлений. В отличие от сравнения и метафоры АС представляет собой логический акт не сопоставления и установления сходства, а отождествления и установления тождества; в случае частичной семантизации это логический акт включения во

множество. Перифраза может быть составной частью АС, поскольку перифраза есть расчлененное обозначение объекта, который обычно представлен в языке нерасчлененным обозначением (о семантике сравнения и перифразы см.: М.А.Бакина, Е.А.Некрасова, 1986, с. 5,6,129).

В целом АС можно характеризовать как информацию о связи некоего означающего с неким означаемым. В самом общем виде это может быть информация о смысловом содержании любого явления, которому приписываются знаковые свойства: "А у меня скверный почерк, буква "о" выходит как простая палочка" (М.А.Булгаков. Записки покойника¹). Однако мы ограничиваем рассматриваемую область содержания анализируемых нами единиц авторской семантизации отражением значения только лексических единиц.

К существенной характеристике АС как связи двух явлений – явления объективной действительности и фрагмента знаковой системы – добавим третий элемент: информацию о говорящем (авторе текста), о его отношении к языковому знаку и/или означаемому им явлению. Без этого третьего компонента выделяемая нами единица не может быть отнесена к авторской семантизации и должна быть обозначена, с нашей точки зрения, просто как единица семантизации (семантизация). Таковы, например, определения научных терминов и соответствующих явлений и понятий в учебной и специальной литературе различных отраслей знания; таковы определения лексических значений в филологических и энциклопедических словарях. Можно говорить об авторской семантизации тогда, когда появляется индивидуальная (авторская) информация, например, если ученый в научно-популярном труде

¹ "Записки покойника" – оригинальное авторское название произведения, впервые вышедшего в свет и ставшего широко известным под названием "Театральный роман". Название "Театральный роман" представляет собой авторский подзаголовок. Оно было дано произведению в качестве заглавия при первой публикации, по цензурным соображениям, К. Симоновым.

приводит после общепринятого определения термина некое индивидуальное сравнение или представляет оригинальное описание известного явления.

В отличие от учебных и научных текстов включение в художественное произведение толкования термина (и, шире, включение в художественный текст малопонятного слова с его экспликацией) не является необходимостью. Художественный текст, в отличие от научного, дает автору большую степень свободы в выборе лексических средств; и в принципе автор может заменить малопонятную лексему вместе с семантизирующим фрагментом текста на лексемы более понятные, передающие тот же смысл. Однако в ряде случаев автор предпочитает использовать прием семантизации. В силу этого мы считаем индивидуально-авторской семантизацией любую экспликацию лексического значения, если она содержится в художественном тексте, даже в том случае, когда при интерпретации значения отсутствуют выраженные признаки индивидуальной информации. Мы полагаем, что в случае включения семантизации в художественный текст показателем индивидуально-авторского отношения к слову является сам выбор лексической единицы для семантизации.

Авторская семантизация встречается, по нашим наблюдениям, в текстах самых различных жанров: в поэтических произведениях (см. примеры далее), в документалистике, в публицистике и в газетных информационных сообщениях (примерами могут служить экспрессивные конструкции, содержащие комментирование значений редких слов – В.Г.Костомаров, 1971).

Авторская семантизация в виде глосс (в широком значении термина – пояснений редких слов) встречается в различных текстах с древнейших времен. В текстах Нового Завета имеются пояснения еврейских слов, вводимых в повествование.

"Они сказали Ему: Равви, – что значит: "учитель", – где живешь?" (Иоан., 1, 38).

"Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин;

ты назовешься Кифа, что значит "камень" "Петр"" (Иоан., 1, 42).

"Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа" (Иоан., 19, 13).

"Иисус говорит ей: Мария! Она обратившись говорит Ему: Раввуни! – что значит "Учитель!"" (Иоан., 20, 16).

Эти пояснения, являющиеся, с нашей точки зрения, единицами авторской семантизации, дают ценнейшую информацию для исследователей текста. В частности, семантизация в Евангелиях позволила исследователям, изучавшим историю христианства, сделать вывод, что среди первых христиан – читателей и адресатов Евангелий большинство составляли не евреи, а представители народов, плохо знакомых с языком и обычаями иудеев (см. А.В.Мень, 1991, с.249).

Несмотря на то, что в последние десятилетия в лингвистике резко возрос интерес к проблемам семантики, возросло количество семантических исследований, что получило наименование "шторм семантики", единицы авторской семантизации до сих пор не были непосредственным объектом лингвистического изучения. В то же время единицы АС постоянно встречаются на периферии филологических исследований. Они являются весьма частым иллюстративным материалом в лингвистических работах, посвященных самым различным аспектам лексикологии, семантики и стилистики (см., напр., Д.Н.Шмелев, 1964, В.П.Ковалев, 1975, И.А.Стернин, 1985, и др.). Однако нам не встречалось ни одной работы, которая бы полностью была построена на материале единиц авторской семантизации. Мы полагаем, что это происходило вследствие того, что изучаемая нами единица не была осознана как целостное и специфическое текстовое (но также и, в значительной мере, языковое) явление. Поэтому при выделении данной единицы и ее описании нам пришлось столкнуться с проблемой выбора для нее адекватной номинации.

Наименования явлений, обобщаемых нами в понятие "авторская семантизация" в лингвистической литературе недостаточно систематизированы, в употреблении их нет единства.

Явление авторской семантизации и сходные с ним явления выступают в литературе по логике и лингвистике под различными обозначениями: определение, или дефиниция (В.Зегет, 1985, Ю.С.Степанов, 1977), тождеств (В.Зегет, 1985), толкование (Д.И.Арбатский, 1977, В.П.Ковалев, 1981), глоссы и интерполяции (Д.С.Лихачев, 1977), интерпретации (А.А.Залевская, 1979), семантизация, экспликация, изъяснение (Е.М.Верещагин, В.Т.Костомаров, 1980), этимологизация (В.П.Ковалев, 1981), реэтимологизация (Т.В.Бузанова, 1991), пояснение (Л.А.Климкова, 1986).

Явления, обозначенные указанными терминами (определение, толкование и пр.), входят с авторской семантизацией в отношения пересечения, т.е. не вполне охватывают тот круг явлений, который мы обозначили термином АС, являясь, с одной стороны, уже описываемого нами явления, с другой – выходя за его пределы. Термин "семантизация" покрывает изучаемые нами явления в полном объеме, что и обусловило наш выбор этого обозначения. Однако сам термин "семантизация" шире, и поэтому мы конкретизируем изучаемое явление, используя для его обозначения прилагательное "авторская".

Термин "авторская семантизация" используется нами по аналогии с терминами "авторское словоупотребление", "индивидуально-авторское новообразование", "авторский смысл", "авторская пунктуация" и др. Используемое нами прилагательное "авторская" ограничивает объем понятия "семантизация", указывая, что активная роль в процессе семантизации принадлежит продуценту сообщения.

С нашей точки зрения, авторская семантизация – частный случай более широкого явления, которое может быть обозначено нами как индивидуальная семантизация. Это передача говорящим информации о семантике языковой единицы в акте речевого общения, приписывание данному знаку значения, расшифровка значения языковой единицы индивидом (примерами могут служить толкования диалектизм

носителями диалектов – см. О.И.Блинова, 1989). Семантизация – один из важнейших способов передачи знаний от индивида к индивиду, из поколения в поколение. При помощи семантизации передается как языковая, так и внеязыковая информация, заключенная в языковую оболочку. При помощи языка реципиент получает сведения не только о конкретном явлении, но и о его иерархии в системе понятий и в системе ценностей, поскольку в значении лексемы представлена также обобщающая и классифицирующая информация. Это способ отражения континической функции языка, которую описывали Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров (1980).

Слово семантизация, в соответствии со словообразовательной структурой и моделью данного международного термина, построенного из греко-латинских терминоэлементов, должно включать в свое значение:

- 1) активные действия, направленные на придание объекту качеств, указанных в производящей основе (ср. модернизация, телефонизация), в данном случае – действия, связанные с наделением некоего знака семантикой;
- 2) проявление у объекта определенных качеств, указанных в производящей основе (ср. стабилизация, кристаллизация), в данном случае – проявление или обнаружение у знака свойств, связанных с его семантикой, в определенных условиях. Второе значение – более широкое. Оно может рассматриваться как семантический перенос в рамках модели образования одного из видов переносных значений: процесс – результат.

В словарях лингвистической терминологии термин "семантизация" определяется как "осмысление, обнаружение смысла, значения" (О.С.Ахманова, 1966), "виявлення змісту, значення мовної одиниці" (Д.І.Ганич, І.О.Олійник, 1985).

В подобных определениях термина предполагается, что активные логические операции по выяснению значения осуществляет реципиент сообщения. Роль продуцента сообщения в подобных определениях не конкретизирована, т.е. она может быть пассивной. От продуцента требуется, чтобы сообщаемая им информация была логически

непротиворечивой, точной в языковом отношении, а именно, чтобы интересующие адресата лексические единицы находились в адекватном лексико-семантическом окружении. Тогда контекст или серия контекстов помогут адресату понять значение семантизируемой единицы (см. об этом: Г.В.Колшанский, 1980, с.70).

Практически же в лингвистических исследованиях термин "семантизация" используется как синоним терминов "определение" (см., напр.: В.Д.Табанакова, 1981), "толкование", "экспликация" (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980).

Мы рассматриваем авторскую семантизацию как сознательный акт интерпретации языкового значения, проводимый адресантом (продуцентом) сообщения. При этом продуценту принадлежит активная роль в интерпретации фрагмента сообщения; роль реципиента – адресата письменного текста, как удаленного во времени, представляется пассивной. Однако адресант (автор) ориентируется на определенные представления о знаниях адресата, о его способности интерпретировать значение слова в тексте.

Термин "семантизация" встречается в лингвистической литературе чаще всего в исследованиях, посвященных прикладным проблемам использования лингвистического знания, и прежде всего в лингводидактике (В.И. Зимин, 1977, С.И.Бабич, 1987, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980, С.Турки, 1982 и др.). Более ранний период постановки тех же вопросов связан с использованием термина "толкование" (Д.И.Арбатский, 1977). Ряд вопросов, ставящихся в научных работах, относящихся к интерпретации значения слова в тексте, касался проблемы выявления значения из контекстов, в которых отсутствует авторская экспликация непонятной лексемы. В этих работах вопрос о свойствах текстов, манифестирующих некоторые черты семантики лексических единиц, включенных в текст, ставится в самом общем виде (Г.В.Колшанский, 1980, В.Д.Табанакова, 1981). По существу, развитие вопроса и понятия семантизации в направлении, указанном этими работами, ведет к вопросу о читательской семантизации, о том, как удастся читателю определить значение того или иного слова. Это проблема, которую ставит перед собой научная

дисциплина герменевтика (см., напр.: Г.И.Богин, 1989, В.Э.Айрапетян, 1991).

Наше исследование идет в другом направлении. Мы рассматриваем роль не читателя, а автора предоставляемой лингвистической информации, когда сведения о семантике лексической единицы сообщаются непосредственно автором текста. Однако при этом автор учитывает особенности восприятия текста читателем.

Авторская семантизация представляет собой семантический повтор. Возникает некий смысловой акцент на информации, которую автор почему-либо считает нужным дублировать.

Одной из причин того, что мы избрали в качестве объекта своего исследования единицы авторской семантизации, является тот факт, что в этих текстовых единицах уже частично решены задачи как отбора ключевой лексики, так и ее толкования. Конечно, было бы наивным полагать, что автор, используя единицы семантизации, решит за филолога все задачи интерпретации и комментирования его собственного текста. Цели у писателя и у ученого различны. Однако в некоторых существенных моментах эти цели сходятся. Писатель стремится разъяснить читателю некие глобальные истины бытия. Филолог, помогая читателю понять автора, также идет по пути разъяснения. Т.о. может оказаться, что писатель и ученый исследуют одну и ту же истину, обладающую для человечества существенной онтологической ценностью.

То общее, на чем сходятся интересы писателя и филолога – это проблема понимания сообщения. В единицах авторской семантизации писателями рассматривается частный случай этой проблемы – проблема понимания лексики. Передача информации от писателя к читателю не состоится, если читатель не поймет важных для писателя ключевых слов, не сможет увидеть того, что видит за ними автор, не догадается, какой смысл за ними стоит. В то же время большое количество разъяснений, обильное включение тривиальной информации в текст снижает художественную ценность произведения.

С проблемой понимания тесно связана проблема адресата сообщения. Если тезаурусы адресата и адресанта равны, понимание может состояться в полном объеме. Если они не равны, это может явиться предпосылкой введения в текст дополнительных сведений. Важным условием понимания является наличие у адресата некоего минимума предварительных знаний о теме сообщения. При отсутствии подобных знаний возникает необходимость введения дополнительных сведений.

И.Беллерт (1978) в статье "Об одном условии связности текста" отмечает, что важнейшее условие связности текстового сообщения заключается в том, чтобы запас знаний адресата в области темы, на которую высказывается адресант, был не меньше некоего минимума представлений и понятий, которые бы позволили адресанту продолжать сообщение. Этот минимум касается как языковых, так и экстралингвистических знаний. Такие предварительные знания, являющиеся необходимым условием осуществления языковой коммуникации, принято называть пресуппозициями (см. И.Беллерт, 1978, с. 176). Если данные пресуппозиции неизвестны адресату, нарушится связность сообщения и его будет необходимо прервать, чтобы сообщить или объяснить адресату недостающие знания, касающиеся данной темы (там же).

М.В.Никитин (1974, с.78) характеризовал общение в данной ситуации как "выравнивание тезаурусов SP и SR" (продуцента и реципиента сообщения).

Т.о. мы можем полагать, что семантизирующее сообщение представляет собой явление весьма типичное в ходе речевой коммуникации в случае заведомо различного запаса знаний у собеседников. Различие в знаниях является одним из условий семантизации.

Как мы уже отметили, термин "семантизация" чаще всего встречается в исследованиях, посвященных проблемам лингводидактики. Мы видим в этом важную закономерность. Учебный процесс предполагает двусторонний обмен информацией, обратную связь. Для полноты учебного процесса необходим не только процесс сообщения знаний, но и контроль их усвоения с последующей корректировкой информации в

зависимости от особенностей ее восприятия личностью ученика или группой обучающихся. Таким образом, учебный процесс – это диалогическое общение.

Известные следующие способы семантизации: включение слова в семантизирующий контекст, иллюстрирование, толкование (В.И.Зимин, 1977). Аналогично выделяют также виды семантизации в зависимости от способов подачи семантирующей информации – эквивалентную, дескрипторную, экзemplярную семантизацию (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980). Однако представляется, что способы семантизации зависят прежде всего от особенностей семантики лексемы.

"Когда вы хотите объяснить слово лев, вы можете повести вашего ребенка в зоопарк и сказать ему: "Смотри, вот лев!" Но не существует такого зоопарка, где вы могли бы показать ему если и этот, или тем не менее, так как эти слова не являются индикативными" (Б.Рассел, 1957, с.140).

По этой причине изучение семантизации мы считаем крайне затруднительным без связи с изучением особенностей описания значения в системе семантических знаний.

Понятие "семантизация" в настоящее время наиболее разработано в лингвострановедческом аспекте преподавания языков (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980). В это понятие включено не только семантическое содержание языковой единицы, рассматриваемое в расширенном плане (лексическое понятие и лексический фон, представляющий собой синхронические и диахронические национально-культурные семантические доли), но также и представление об особенностях адресата семантической информации – личности, изучающей чужой язык. В соответствии с лингвострановедческой теорией слова, разработанной Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым, важнейшей особенностью личности – реципиента учебной лингвистической информации является отсутствие у данной личности регулярных представлений о связи изучаемой лексики с реалиями быта, с национально-культурными реалиями и с менталитетом представителей другой лингвокультурной общности – носителей изучаемого языка. Важнейшим существенным

моментом лингвострановедческой теории слова была постановка проблемы о "неизвестном" и "малоизвестном" в семантике слова. "Неизвестное" и "малоизвестное" в системе лексического значения конкретного слова должно в первую очередь подвергаться семантизации, и не только в учебном процессе, но и при составлении словарей. Для этого нужно изучать особенности знаний и информационных лагун предполагаемого адресата семантизирующей информации.

В серии лингвострановедческих словарей ("Народное образование в СССР", 1983, и др. аналогичных изданий) акцент был сделан на выделении национально-культурной информации, связанной с традициями русской лингвокультурной общности и с реалиями советского государства, т.н. советизмами.

Практически существует целый ряд изданий (и число их множится), которые содержат семантизирующую информацию, построены по принципу словарей и ориентированы на какую-либо конкретную особенность адресата. Примерами могут служить отраслевые словари и справочники, ориентированные на представителей конкретной профессии, справочники, предназначенные в помощь любителям какого-либо рода деятельности, популярные издания для детей, где статьи располагаются в словарном порядке и т.п. Однако теоретическое обоснование необходимости составления подобного типа справочных изданий было выведено только для лингвострановедческих словарей.

В самом общем виде эти закономерности, отражающие эмпирические принципы построения любого словаря, могут быть выражены следующим образом. Семантизация представляет собой сведение неизвестной информации к известной (см. об этом: Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980). При этом само понятие семантизации включает в себя представление об адресате семантизирующего сообщения (известно – кому?), и, косвенно, – о продуценте семантизирующего сообщения, лице, которое должно оценивать, что именно может быть известно адресату, степень его информированности. Таким образом в понятии "семантизация" находят отражения все три звена коммуникативной цепи "продуцент сообщения – сообщение – реципиент сообщения" ("адресант – текст – адресат"). Поэтому проблема изучения

семантизации в тексте позволяет внести вклад в разработку коммуникативной (функциональной) модели языка, что является актуальной проблемой лингвистики на современном этапе ее развития.

В условиях обыденной коммуникации, представляющей собой диалог, различие в тезаурусах и в объеме предварительных знаний (пресуппозиций) выясняется в ходе общения путем вопросов и переспросов и может быть устранено в дальнейшем диалоге.

В условиях передачи сообщения средствами литературного произведения автор моделирует некое обобщенное, гипотетического адресата, реконструируя его объем знаний и культурный уровень (Г.В.Степанов, 1984).

Кроме гипотетического адресата, автор ищет общения с адресатами вполне конкретными – друзьями, близкими людьми. Они, как правило, становятся слушателями и первыми критиками литературных произведений в их первоначальных вариантах. К советам и замечаниям близких людей писатель прислушивается и в ряде случаев, учитывая их замечания, вносит изменения в текст.

В.Я.Виленкин (1991) в своих воспоминаниях о М.А.Булгакове приводит весьма важный эпизод: "После предпоследнего, кажется, чтения, (...) он ответ меня в сторону, зажал куда-то в угол и очень настойчиво стал меня допрашивать, что именно мне не понравилось. "Я же почувствовал, что было что-то, – ну, скажите, не бойтесь, я не обижусь, мне это нужно!" (с.380).

Художественный текст, согласно М.М.Бахтину (1979), представляет собой диалог. Сам процесс понимания также отражает диалогические отношения.

"Проблема двухголосого слова. Понимание как диалог" (с.298). "При творческом отношении к языку безголосых, ничьих слов не бывает" (с.303). "Отношение к вещи не может быть диалогичным. Отношение к смыслу всегда диалогично. Само понимание уже диалогично" (с.300).

"Можно сказать, что понимающий составляет часть понимаемого высказывания, текста, (...) входит в него как новый участник" (с.302). "Диалогические отношения могут выражать высказывания (...), относящиеся к металингвистике. Они в корне отличны от всех возможных лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании" (с.293).

Художественный текст – это не только диалог героев, но и диалог идей, диалог-общение с читателем, о чем говорит М.М.Бахтин. С нашей точки зрения, сам процесс создания произведения также представляет собой результат диалога автора с читателем – читателем не только гипотетическим, но и конкретным. Писатель изучает людей, которые должны стать его читателями, их взгляды, их внутренний мир, и стремится сделать текст произведения доступным для читательского понимания.

Одним из знаков диалога между читателем и автором в художественном тексте представляется нам явление авторской семантизации. Изучение авторской семантизации позволит пролить свет на особенности литературного произведения, понимаемого как диалог, на индивидуальные особенности участников этого диалога – автора и предполагаемого читателя.

2.1.2. Отличие авторской семантизации от сходных явлений

Явления, сходные с изучаемым нами явлением авторской семантизации, в лингвистической литературе обозначают терминами "дефиниция", "определение" (термин, в свою очередь являющийся калькой латинского *definitio*), "тождество", "толкование", "глосса", "интерполяция", "дескрипция". Понятия, обозначаемые этими терминами, как мы уже указывали, находятся с понятием авторской семантизации в отношениях пересечения.

Рассмотрим подробнее особенности каждого из этих терминов. Синонимические понятия "дефиниция" и "определение" принято относить к толкованию научной лексики, терминологии. При этом их задачей является формулировка понятия. Они обслуживают понятийную

сферу знаний. Система понятий и их взаимная иерархия наиболее разработана в системе научных знаний и предназначена для детального и классифицирующего описания определенных фрагментов действительности. Научное определение понятия является одновременно и толкованием соответствующего слова, но только в одном из его значений – терминологическом. Между тем большинство слов в естественном языке обладает многозначностью. Если слово-термин широко употребляется за пределами научного языка, то можно с большой степенью вероятности предположить, что у него есть и другие, не учтенные в научной терминологии, значения.

Современная картина семантики представляет значение слова гораздо шире, чем лексическое понятие (даже с учетом того тезиса, что лексическое понятие не тождественно научному) и шире, чем "наивное понятие" – то представление о явлениях, которым обладают носители языкового знания, не обладающие в то же время познаниями научными. (О несводимости значения слова к лексическому, научному и "наивному" понятиям – см.: Г.А.Брутян, 1973; Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980, И.А.Стернин, 1985.)

Понятие "определение" ("дефиниция") в логике имеет несколько иное значение, чем в системе научной терминологии. Оно приближается к понятию "толкование" в лингвистике. Это указание на связь знака с неким означаемым и также информация о способе экспликации данной связи.

Различают определения:

- остенсивные – путем прямого указания на объект;
- вербальные – через значения других выражений;
- номинальные – поясняющие значения терминов, введенных ранее;
- реальные – дающие информацию об означаемом предмете (понятии);
- определения через род и видовое отличие;

- генетические – описывающие способ построения, образования определяемого явления;
- операциональные – описание свойств предметов путем описания реакций этих предметов на определенные воздействия, описание величин, посредством которых данные явления измеряются;
- индуктивные – состоящие из прямых пунктов, указывающих значения определяемой функции или предиката, выделяющие те или иные подмножества из ранее определенных областей;
- рекурсивные – описывающие способы получения новых значений из уже определенных с помощью различных подстановок;
- определения через абстракцию – путем задания на предметной области некоторого отношения типа равенства (Ю.А.Гастев – БСЭ, т.18, с.435-436).

Кроме того, выделяют также синтетические определения, которые придают языковому выражению новое значение; устанавливающие определения, указывающие, в каком значении должен употребляться термин в данной области; соотносящие определения, указывающие на устойчивую связь знака явления с каким-либо фактом действительности ("Спирт кипит при 78 градусах С") и др. (В.Зегет, 1985, с.232).

Между тем, несмотря на разнообразие типов определений, как отмечал Ю.С.Степанов (1977, с.343), их общая классификация, отвечающая практическим потребностям описания значения слова в лингвистике, не была разработана; это справедливо и для современного состояния научных знаний.

Отсутствие обобщающей классификации дало основание Ю.С.Степанову выдвинуть свою собственную классификацию определений. В ней выделяются 1) интегральные и диффузные определения, 2) "мелкие" и "глубокие", 3) прямые и косвенные, 4) определения с плавающим признаком и определения с фиксированным признаком, 5) денотативные и сигнификативные, 6) определения абстрактной лексики и определения конкретной лексики

(с.305). Эта классификация обобщает принципы определения значений слова в словарях классического типа. В ней отражены особенности экспликации денотативного компонента значения и не отражена коннотативная структура значения. Представляется затруднительным применение этой классификации для словарей нового типа, в которых производится описание значения слова путем разделения его на компоненты (см.: А.Вежбицка, 1983, Русский семантический словарь, 1983, Ю.Н.Караулов, 1980, Ю.Д.Апресян, 1990).

Термин "глосса" в самом общем значении используется для обозначения редкого слова в тексте (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980). Предполагается, что это редкое слово нуждается в комментировании. Глоссой называется также выносное примечание, содержащее объяснение редкого слова. Совокупность подобных примечаний-глосс, объединенных в единый текст, называется глоссарием. Из глоссариев к древним текстам впоследствии возникли первые словари (см. об этом: Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980).

Л.С.Лихачев (1964, 1983) подчеркивает необходимость разграничения терминов "глосса" и "интерполяция", которыми часто обозначают одно и то же: редкое слово с его комментарием, включенное в структуру некоего текста. "Глоссами называются небольшие вставки, вводимые в рукопись (на полях, между строк, на подклеенных листках) переписчиками или читателями с целью разъяснения какого-либо места текста, поновления его смысла, раскрытия содержания, отсылок к другим памятникам, где о том же говорится иначе или подробнее и т.п. Графически глоссы с текстом не сливаются. Иногда глоссы при переписке попадают в текст произведения. В последнем случае глосса становится интерполяцией" (Л.С.Лихачев, 1964, с.41). "Интерполяция же – это вставка в текст произведения, сросшаяся с этим текстом графически и по существу, хотя часто и несладко. Сделать интерполяцию в тексте может и сам переписчик, непосредственно в процессе переписки текста, но чаще интерполяция представляет собой переписанную писцом глоссу" (Л.С.Лихачев, 1983, с.87-88). "Иногда глоссы и интерполяции возникают как реакция переписчиков и редакторов текста на его подачу: переписчик или редактор разъясняет место, оказавшееся непонятным

из-за пропуска или ошибки их предшественников" (Д.С.Лихачев, 1964, с.41).

Таким образом, глосса и интерполяция – явления, очень близкие к авторской семантизации, поскольку представляют собой включение семантизирующей информации в некий текст; при этом могут нарушаться некоторые формальные признаки целостности текста ("нескладно"). Однако глосса и интерполяция представляют собой семантизацию, принадлежащую читателю текста, или редактору, который, комментируя текст, тем самым является посредником между автором и читателем. Между тем особенность изучаемого нами явления в том, что семантизацию, формально сходную с редакторскими глоссами и читательскими интерполяциями, осуществляет сам автор текста.

Особенно близким к авторской семантизации является риторическое определение. В классической риторике это информация о связи некоего понятия с системой его типичных признаков, при перечислении которых используется художественное описание. Отличие риторического определения от научного при общей близости их логической структуры в том, что риторическое определение позволяет приносить в текст субъективную (в том числе и эмоционально-оценочную) информацию. Наличие субъективной информации сближает риторические определения с авторской семантизацией.

Автор широко известного в России XIX в. руководства по риторике Н.Г.Кошанский (1834) охарактеризовал особенности риторического определения следующим образом:

"Определение риторическое (*descriptio paraphrasic*, описание), вычисление главнейших качеств, свойств и принадлежностей, пленительных для воображения. "История, в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрыжаль откровений и правил, завет предков к потомству, дополнение настоящего и пример будущего" (Карамзин)" (с.125).

При использовании понятия "тождество" предполагается, что определение "должно быть также отождествлением, т.е. должно говорить, чем этот предмет является" (В.Зегет, 1985, с.217). В логике предполагается, что тождество двух материальных объектов является невозможным. О сходных или одинаковых предметах, например, о платьях, изготовленных из одного материала по одному шаблону на одной фабрике, говорят, что они не тождественны, а являются "такими же". Однако тождественной может быть информация, передаваемая разными знаками, и это, в частности, дает возможность составлять математические уравнения. Тождественными являются также два высказывания, если они, каждое по-своему, характеризуют некую отличительную особенность одного и того же индивида, например, два собственных имени, принадлежащих одному лицу: писатель Б.Травен и журналист Рет Марут (В.Зегет, 1985, с.188).

Высказывание, представляющее собой расшифровку значения некоей лексической единицы и включающее в себя саму эту единицу с указанием связи между означаемым и означающим должно в идеале представлять собой тождество – эквивалентность отношений означивания одного и того же объекта (явления, понятия).

Высказывание же о тождестве информации о двух объектах, чаще всего при их означивании собственными именами (см. далее в работе примеры авторской информации об особенностях значения собственных имен в произведениях М.А.Булгакова), является семантизирующим высказыванием, содержащим только некую часть семантизирующей информации, а именно – реляционный компонент значения (отношение, т.е. указание на связь явлений, понятий).

Под понятием "толкование" в лингвистике подразумевается способ представления значения слова, принятый в филологических толковых словарях (см. напр.: В.Я.Дерягин, 1978, А.И.Федоров, 1986). При этом, несмотря на различия в описании значения одной лексемы в разных словарях, составители толкований ориентируются на определенные стандарты в изложении семантизирующей информации, которые могут быть не всегда понятны: используются метатермины, например, в толковании "воодушевление – действие по глаголам воодушевить –

воодушевлять" (Словарь Ушакова) понятие "глагол" уже включает в себе действие, а в данном высказывании (для не знающих метаязыка словаря) сема действия дублируется. Словарь ориентируется на стандарт в использовании метаязыка описания значения, в то время как в живой речи способы передачи значений весьма разнообразны. Для обозначения словарных толкований используется также термин "дескрипция" – описание значения (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980).

Слово "толкование" имеет также значение – объяснение непонятных мест в каком-либо тексте. При этом подразумевается объяснение не значения языковой единицы, а некоего смысла, понимание которого, а также способы изложения объясняющей информации не стандартизированы, а могут варьироваться в широких пределах. При этом результатом толкований являются различные истолкования текста.

Помимо указанных терминов отношение семантизации может выражаться при помощи понятий "изъяснение" – семантизация лексического фона (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980), "экспликация" (там же); этимологизация (М.В.Никитин, 1974, В.П.Ковалев, 1975) – семантизация внутренней формы слова; пояснение (Л.А.Климова, 1986 и др.).

2.1.3. Критерии выделения единиц авторской семантизации

Поскольку мы определяем АС как информацию говорящего (продуцента сообщения) о языковом знаке, наиболее существенную трудность представляет разграничение, в каких случаях текст представляет собой информацию о значении слова, а в каких – информацию о реальном объекте (явлении) действительности, отражаемом соответствующим словом.

Нами разработаны критерии, которые позволяют провести подобное разграничение. Но, прежде чем перейти к их изложению, отметим, что у обоих типов информации – информации о действительности и информации о значении – имеется существенная область пересечения.

Эта область отражает классификационный аспект знания – представление о "картине мира".

Мы стоим на той точке зрения, что значение слова представляет собой в качестве существенной своей части знание о мире. Эта точка зрения отражена в работах И.А.Стернина (1979, 1985, 1987), Ю.Н.Караулова (1987). При этом соотношение понятий по роду и виду выполняет классификационную функцию. Обобщающее родовое понятие принято называть архисемой (этот термин использует И.А.Стернин), или гиперонимом (термин использует М.В.Никитин, 1974, 1988).

Исследователи утверждают, что картина мира, отраженная в научном знании, и картина мира, содержащаяся в системе лексики быденного языка и отражающая объективные знания личности о мире, хотя и различаются между собой, но обнаруживают тенденцию к постоянному сближению, взаимодополнению (Ш.Балли, 1962, Г.А.Брутян, 1973, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, 1980, И.А.Стернин, 1985, Ю.Н.Караулов, 1987, Г.В.Колшанский, 1990 и др.).

По этой причине информацию, в которой даются родо-видовые соотношения явлений или указание на существенные признаки явления, мы считаем способной выполнять семантизирующую функцию. Однако целью ее не всегда является семантизация. Подобная информация выполняет структурирующую (классифицирующую) роль, систематизируя представления о действительности в определенной иерархии, отражающей в свою очередь иерархию понятий в некоей области знаний, описывающих определенную часть картины мира.

Строго говоря, информация об иерархии понятий несет двойную роль – систематизации знаний и семантизации соответствующих лексических обозначений. В отличие от передачи знаний средствами изобразительных искусств и изобразительной техники передача знаний при помощи языка неосуществима без подчеркивания информации о том, что неким явлениям соответствуют некие общепринятые словесные обозначения, слова "понятийного языка" (термин Ш.Балли, 1962). Какая именно сверхзадача преобладает в конкретном тексте – передача ли знаний или рассказ о значениях слов-понятий, слов-терминов – следует

определять, очевидно, условиями контекста: интенцией автора, предполагаемыми читательскими запросами.

2.1.3.1. Типы ситуаций, в которых осуществляется семантизация

Первая группа критериев выделения семантизированных единиц основывается на выделении типов ситуаций, в условиях которых осуществляется семантизация и в которых она необходима. Мы выделили четыре типа таких ситуаций, расположив их следующим образом по мере возрастания степени их сложности:

1. Передача знания.
2. Контроль знания (проверка понимания).
3. Аргументация волеизъявления.
4. Сообщение индивидуально-авторской информации.

Рассмотрим каждую ситуацию в отдельности.

1. Передача знаний. У продуцента речи (текста) имеется установка на сообщение знаний. Новые, незнакомые явления обозначаются словами, которые могут быть неизвестными, малоизвестными. Мы исходим из понятия "неизвестный" и той трактовки его, которая выдвинута Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым (1980), также из понятия о пресуппозициях, сообщение которых происходит в акте передачи знания.

Первый выделяемый нами тип ситуаций семантизации – указание в тексте на то, что данная информация является неизвестной собеседнику. При этом понятие "неизвестный" мы трактуем в более расширенном плане, по сравнению с трактовкой Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, включая в него пробелы в знаниях, отсутствие систематизированных представлений об объекте, отсутствие знаний – пресуппозиций для понимания сообщения.

2. Контроль знания (проверка понимания).

В этой ситуации в процессе общения собеседники пытаются разрешить проблемы, связанные с пониманием (непониманием, неадекватным пониманием) отдельных лексем или сообщений. Известен критерий понимания сообщения, выдвинутый Л.Блумфилдом (1962): сообщение считается адекватно понятным, если реципиент правильно выполнил то действие, которое предполагал продуцент сообщения, излагая свои представления о данном действии в словесной форме.

По существу, при проблемах, связанных с пониманием или непониманием целостного сообщения или отдельных его фрагментов – языковых единиц, речь идет о контроле ранее усвоенных знаний реципиента, а при обнаружении неадекватного понимания или ошибочных действий – о возврате к первоначальной ситуации передачи знания, но с выделением того фрагмента сообщения, который оказался неправильно усвоенным.

Примером ситуации непонимания может служить шуточное стихотворение Козьмы Пруткова "Помещик и садовник". Помещик поручает садовнику заботиться о некоем редкостном растении со словами: "Пусть хорошенько прозябает". Садовник не знает старинного слова прозябать и его значения – 'прорастать'. Он оставляет растение на морозе. На вопрос барина, как "прозябает" растение, садовник отвечает: "Прозябло уже совсем". Значение слова прозябать он выводит из значения глагола прозябнуть, производного от глагола зябнуть – 'мерзнуть'. Вместо морали – шуточный вывод: "Пусть всяк садовника такого нанимает, который понимает, что значит слово "прозябает"".

1 Подробно о проблеме понимания текстового сообщения см.: А.В.Антонов, 1973, Г.М.Боровкова, 1973, П.Г.Козлов, 1973, О.М.Копыленко, 1973, К.Х.Хан, 1973, Г.Д.Чистякова, 1973, А.К.Шевченко, 1989.

2 Этот пример приводит Н.М.Шанский (1986) для доказательства необходимости комментирования значения слова в тексте.

3. Аргументация волеизъявления

Это ситуация, в которой у продуцента и у реципиента сообщения нет существенных разногласий в вопросе понимания значения языковых единиц, но есть различие в волевых стремлениях. Реципиент может отказаться выполнить то, чего от него требуют, не потому что не понял сообщения, а

потому, что выполнение чужого желания противоречит его собственной воле. В этой ситуации продуцент сообщения предъявляет факты, которые должны подтвердить его правоту. Различают аргументы, направленные на выявление объективной истины, и так называемые "аргументы к человеку" – связанные с системой ценностей в человеческом обществе (Ю.Н.Караулов, 1987, с.245 и след.). И в том и в другом случае продуцент сообщения активизирует в сознании реципиента некие пресуппозиции, связанные с объективным знанием и пониманием явлений. Таким образом осуществляется связь с первой и второй ситуациями.

– Вот какие басни Лафонтена приходится мне выслушивать! Подбросили четыреста долларов! (...) Обращаюсь к вам как к специалистам – мыслимое ли это дело?

– Мы не валютчики, – раздались отдельные обиженные голоса в театре, – но дело это немыслимое.

– Целиком присоединяюсь, – твердо сказал артист, – и спрошу вас: что могут подбросить?

– Ребенка! – крикнул кто-то из зала.

– Абсолютно верно, – подтвердил ведущий программу, – ребенка, анонимное письмо, прокламацию, адскую машину, мало ли что еще, но четыреста долларов никто не станет подбрасывать, ибо такого идиота в природе не имеется (...)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Другой разновидностью этой ситуации является такая ситуация, под видом изложения лингвистической информации, якобы неправильно понятой реципиентом, говорящий стремится навязать ему свою волю.

Требования, которые предъявляет говорящий (продуцент сообщения), в этой ситуации фактически не имеют отношения к тому, что реципиент якобы неправильно воспринимает какие-либо языковые знаки. Под видом объяснения непонятого продуцент сообщения передает свое отношение к собеседнику, часто негативное. Это может быть также способом уклониться от темы разговора, которую желал бы вести реципиент. При этом используется прием, который принято называть игрой слов. В лингвистической литературе, посвященной изучению языка писателей, достаточно широко освещены приемы игры слов в произведениях М.Горького (М.Б.Борисова, 1962, В.П.Ковалев, 1975). Часто отмечают, что подобные диалоги в произведениях М.Горького создают впечатление грубости, бестактности говорящего. Юный Клим Самгин сочинил каламбур, где слово насекомое членится так: "На, секомое!" – и тем самым оскорбил своего школьного товарища, которого накануне высекли родители (Т.В.Бузанова, 1991).

Впечатление грубости от подобных каламбуров вполне обоснованно, поскольку они разрушают установку реципиента на адекватное (уважительное, соответствующее теме и задачам разговора) – общение, вводят беседу в русло взаимных оскорблений, насмешек, враждебности. Происходит эффект обманутого ожидания. Не случайно каламбурные приемы обыгрывания значения якобы непонятных слов и составляющих их компонентов в произведениях М.Горького используются чаще в речи персонажей, чем в авторской.

Возможна сходная тактика волеизъявления и при ответе на реплику. Не затрудняя себя поисками объективной истины, можно попытаться дискредитировать противника, представить его мало что понимающим человеком, не способным правильно излагать свои мысли. Для этого надо исказить смысл его высказываний, что достигается путем игры слов.

- "– А если я вам за такие слова дам по морде?
- Сдачи получите! – сказал хрипло Мервухин.
- С какой дачи?
- А вот с какой!.. (М.А.Булгаков. Колесо судьбы).

Подобным же приемом можно выразить свое отрицательное отношение к собеседнику, уклониться от тона разговора, который задает продуцент.

"– Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? – заговорил Воланд сурово.

– Потому что я не хочу, чтоб ты здравствовал, – ответил дерзко вошедший" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

4. Сообщение индивидуально-авторской информации.

Этот тип ситуаций объединяет в себе элементы всех предыдущих. В этой ситуации сверхзадачей сообщения является оригинальная, индивидуально-авторская трактовка какого-либо явления с целью художественного или философского обобщения. Высказывание подобно риторическому определению.

"Поэзия – та же добыча радия: в грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды" (В.В.Маяковский. Разговор с фининспектором о поэзии).

От первой ситуации здесь присутствует элемент сообщения новых знаний: радий добывается из руды. От второй – факт, что разговор идет на известную тему, о которой у адресата имеются некоторые представления, но предполагается, что нечто важное не учтено. В Подчеркивается факт ориентации на собеседника, на его знания, пресуппозиции, знаки диалогического общения (стихотворение называется "Разговор..."), создается ощущение возврата к некоей предыдущей информации.

Сходство с третьей ситуацией подчеркивается тем фактом, что информация о значении языковой единицы является побочной целью сообщения, главная же задача – передать свою точку зрения.

Существенное отличие от третьей ситуации в том, что эта точка зрения излагается тактично, с учетом предполагаемых знаний собеседника, без унижения его достоинства. Собеседник приглашается к единомыслию,

вовлекается в общение, а не изолируется от него. Ему предлагается разделить радость постижения мира в оригинальных образах, неожиданных, но верных связях.

"Дидро сказал, что искусство – это умение находить необыкновенное в обыкновенном и обыкновенное в необыкновенном" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Еще одной особенностью четвертой ситуации является свобода изложения фактов. При этом могут нарушаться логические пресуппозиции (поэзия не тождественна добыче радия; предполагается сравнение процесса создания поэтических произведений с добычей радия, а утверждается тождество), семантические связи (понятие "добыча" содержит архисемы 'процесс', 'результат', поэзия – 'качество информации', и эти архисемы не накладываются друг на друга), связи на уровне представления знаний (картины мира): явление из области информации отождествляется с процессом материального мира.

2.1.3.2. Метатекстовые структуры, являющиеся знаками семантизации

Вторая группа критериев основывается на выделении понятий метаязыка и метатеста (см. далее в разделе 2.2.1.). Под метатекстом принято понимать сообщение (текст), содержащее информацию о другом сообщении (тексте) – см.: А.Вежбицка, 1978, также: Ю.С.Степанов, 1965, Л.О.Чернейко, 1990. Метатекст комментирует, разъясняет, оценивает, уточняет, дополняет некое сообщение, сделанное кем-либо ранее. Общая семантика метатекстовых высказываний – сообщение о сообщении.

Признаками метатекста с интересующей нас в нашем исследовании семантикой 'сообщение о значении слова' мы считаем вопросы о значении слова, о понимании значения, адресованные как персонажам, так и непосредственно читателю. Также к метатексту мы относим информацию о том, что повествователь или персонаж предполагает сделать сообщение на тему о значении слова, роли какого-либо явления и сигнализирует об этом, предвзято соответствующими высказываниями само сообщения.

"– Вы, товарищ, вопрос имеете? Ну?

– Имею, – подтвердил Чуфыркин, – объясни – "резюмирую". (...)

– Виноват, ах, да... Вам не совсем понятно, что значит "резюмирую"? (...)

Оратор стал покрываться клюквенной краской.

– Сию минуту. М-м-м... Так вы про "резюмирую". Это, видите ли, слово иностранное..." (М.А.Булгаков. Они хотят свою образованность показать...)

"– Терпеть не могу, – продолжал я, – фальшивых и покаянных слов: "Я убил, ах, я зарезал". Никто никого не режет, а если и убивает, у нас в руках, больного, убивает несчастная случайность. (...) Убийством я называю уничтожение человека с заранее обдуманном намерением, ну, на худой конец, с желанием его убить" (М.А.Булгаков. Я убил).

Свидетельством семантизации могут служить метатекстовые высказывания, содержащие указания на то, что речь идет о значении слова. Этой же цели могут служить высказывания, которые сообщают о том, что речь пойдет о характеристике некоего явления, неизвестного или малоизвестного адресату.

Особой формой метатекстовых высказываний, непосредственно связанных с семантизацией и служащих косвенным указанием на нее, являются вопросы, задаваемые предполагаемому адресату либо собеседнику – персонажу, в которых делается попытка выяснить значение слова, понять роль явления.

Перечень вопросов, релевантных для получения семантизирующей информации, включает в себя довольно широкий круг понятий, описывающих признаки явления. В него входят, например, вопросы: "Для чего служить объект?", "Частью чего объект является?", "Где можно встретить объект?", "К какому множеству мы можем отнести объект?", "В чем особенность объекта?" и др. Ю.Найда (1983, с.63), приводя подобный перечень вопросов, при помощи которого описывается значение так, как его понимают информанты, отмечает, что круг вопросов, позволяющий выявить семантику слова, какой она видится носителям языка, существенно шире того круга вопросов, на который

ориентируются в своей работе составители словарей. Реальное знание о значении слова у носителей языка богаче, чем зафиксированное в словарях.

Однако вопросы сами по себе, с нашей точки зрения, являются лишь косвенным, имплицитным, свидетельством о наличии в тексте (или о подразумевании) семантизирующей информации. Сама семантизирующая информация заключается в ответах на эти вопросы, если ответы есть в тексте и если эти ответы являются адекватными. При этом существенно важно, чтобы в ответах содержалось обобщение, поскольку слово, будучи языковым знаком, несет обобщенную информацию.

Сопоставим четыре вопроса, на примере которых можно уяснить, как связана интенция говорящего с получением при ответе семантизирующей информации.

- (1) Как пройти к оперному театру?
- (2) Где находится Одесский театр оперы и балета?
- (3) Что такое опера?
- (4) Что значит слово опера?

Вопрос (1) не предполагает семантизации: при ответе на него говорящий рассчитывает получить конкретную информацию о маршруте к театру из данной точки города.

Вопрос (2) подразумевает отношение к объекту как к уникальному явлению, памятнику архитектуры, обозначаемому собственным именем и обладающему историко-культурной ценностью. При ответе должна быть представлена лингвострановедческая информация: в каком районе Одессы, возле пересечения каких улиц находится данный театр. Как справедливо принято считать, лингвострановедческая информация является частью семантики собственного имени (Е.М.Верецагин, В.Г.Костомаров, 1980).

Вопрос (3) в качестве ответа потребует привлечения семантизирующей информации о слове опера как многозначительной лексической единице, для того чтобы разграничить несколько значений этого слова:

'музыкально-вокальное произведение в драматической форме', 'соответствующее театральное представление', 'оперный театр', 'оперная труппа' (Словарь Ушакова). В данной ситуации допустимо, что говорящего не интересует собственно лингвистическая информация, которая заключается в том, что данное слово многозначно, а интересует только явление, обозначаемое этим словом. Но, поскольку слово многозначно, лингвистическую информацию необходимо привлечь для адекватного ответа.

Вопрос (4) предполагает со стороны говорящего стремление получить преимущественно лингвистическую информацию о данном слове. В этой ситуации лингвистическая информация должна быть расширена по сравнению с ответом на вопрос из предыдущей ситуации. При адекватном ответе следует указать, что слова опера является заимствованием из итальянского языка, откуда в свою очередь попало из латинского языка. В латинском языке *opera* (мн. ч.) означает 'творения' (Словарь Ушакова), *opera* – 'произведение, сочение' (СИС).

2.1.3.3. Логическая формула семантического содержания АС

Третья группа критериев – соответствие высказывания логической формуле X является знаком Y , где X – семантизируемая лексема (другая языковая единица или любой языковой знак), Y – объект, явление, ситуация, другой языковой знак.

Эта формула может эксплицитно выступать в двух разновидностях: X означает Y ; Y называется X -ом. (Другие, контекстуально обусловленные, варианты этой формулы см. далее, в разделе 1.4)

"Для наших прадедов "мрачность" означала черный туман (...)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза). (X означает Y).

"– Ну, что значит аккредитировать? – растерялся оратор. – Ну, значит, послать к нам послов..."

– Так и говори!! – раздраженно забасил кто-то на галерее" (М.А.Булгаков. Они хотят свою образованность показать...) (X означает Y).

"У Флобера в высокой степени было выражено то свойство писателя, которое теоретики литературы называют "персонификацией", а говоря проще – способностью перевоплощаться в своих героев с такой силой, что все происходящее с героем (по воле писателя) переживается самим писателем необыкновенно болезненно" (К.Г.Паустовский. Золотая роза). (У называется Х-ом).

"Старинная Троицкая церковь (...) стояла за городом у околицы безлюдной деревушки. Такие деревушки на севере зовут "погостами"" (К.Г.Паустовский. Дым отечества). (У называется Х-ом). Предикаты, выражающие отношение означивания и номинации, в конкретных высказываниях варьируются: означать – значить, называться – называть, звать и т.п.

Имплицитное выражение отношений семантизации можно выявить при помощи подстановки одного из двух вышеуказанных вариантов данной логической формулы. При этом высказывание позволяет произвести развертывание его в эксплицитное:

"Потом ненастье, ледяной северный ветер "сиверко" (...)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Эксплицитно данное семантизирующее высказывание можно представить следующим образом: Ледяной северный ветер в этих краях называется "сиверко".

Формула Х означает У выражает семантические отношения означивания – собственно семантизации, информирования собеседника о том, что за данным явлением в коллективе пользующихся языком в результате общественного договора о значении закреплено данное языковое обозначение. При этом значение понимается как результат коллективного договора (Подробнее о трактовке значения как результате общественного договора носителей языка см.: Н.Н.Перцова, 1988.)

Отношения номинации семантически сложнее. Они указывают на акт номинации, по времени совпадающий с семантизацией в речевом акте

или состоявшийся ранее. При этом производится выбор наименования для явления, обосновывается мотивация выбора. Акт номинации обусловлен различными предпосылками, в т.ч. условиями функционирования языковой единицы и индивидуальным отношением к объекту 1.

1 Подробную классификацию языковых и социальных факторов (в том числе связанных с индивидуальным отношением к объекту), являющихся предпосылками выбора того или иного языкового обозначения в акте номинации, см.: Б.А.Серебренников, 1977.

"От этих снов сохраняется только ощущение чего-то необыкновенного, загадочного, чего-то "дивного", как сказал бы Гоголь" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Типична также информация о процессе поиска и выбора наименования.

"Это относится ко многим камням, даже к такому скромному, как аквамарин. Цвет его нельзя точно определить. Для него еще не нашли подходящего слова. (...)

Но все своеобразие аквамарина заключается в том, что он ярко освещен изнутри совершенно серебряным (именно серебряным, а не белым) огнем (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

В высказываниях, характеризующих отношения номинации, типично указание на то, что данное явление обозначается иначе, но говорящий предпочитает заменить его обозначение другим. Т.о. информация о номинации – это информация о взаимосвязи между различными языковыми знаками с общим означаемым, информация о замене одного знака другим.

"Критики, – сказал он (А.С.Пушкин. – Н.С.) вдобавок, – смешивают вдохновение с восторгом" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Вообще вся шумная и разнообразная жизнь на речных берегах, на пристанях (их зовут дебаркадерами или "конторками", (...)) дает богатую пищу для изучения языка" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Причина отказа от других обозначений – поиски более узкого, конкретизирующего обозначения, способного дать представление о детализации, различии сходных объектов.

Т.о. отношения собственно семантизации связаны с обобщением, подведением семантизируемой единицы под некий класс с более общим значением.

Отношения номинации связаны с конкретизированием, детализацией явления, выделения в нем некоего важного признака, только этому явлению присущего. Кроме того, отношения номинации характеризуют возможность выбора обозначения, а выбор обусловлен отношением говорящего к объекту номинации. Таким образом в отношениях номинации возможно выражение индивидуального подхода к обозначению объекта, индивидуальной семантизации.

2.2. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ЕДИНИЦ АВТОРСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

2.2.1. Особенности смысловой структуры единиц авторской семантизации.

Для выделения единиц авторской семантизации нами разработан единый объективный подход. Выделение единиц АС основывается нами на выявлении связи данных текстовых структур со структурами, которые описываются понятиями "метатекст" и "метаязык".

Мы рассматриваем авторскую семантизацию (АС) как текстовую структуру, обладающую свойствами "интекста" (Й.Шмидт, 1978), или "текста в тексте" (Ю.М.Лотман, 1981, Вяч. Вс. Иванов, 1981). Поскольку АС – высказывание о языковой единице, следует полагать, что АС обладает также свойствами метатекста, являющегося внешним по отношению к внутреннему тексту – интексту. Метатекст содержит информационные структуры с семантикой 'говорить о том, что' (А.Вежбицка, 1978).

Понятие метатекста в настоящее время все еще недостаточно разработано, отсутствует его однозначная интерпретация. Принято под метатекстом понимать текст, информирующий о содержании другого текста и организующий структуру внутреннего текста по определенному логическому принципу. Метатекстовые высказывания могут быть вплетены в ткань основного текста, и в этом случае передаваемая ими информация может оказаться избыточной, в чем-то дублирующей основную информацию. В этом случае А.Вежбицка (1978) называет такие метатекстовые структуры метаплеоназмами.

Метатекстовые высказывания – сигналы того, что некто передает информацию не об объективном состоянии вещей, а о чем-либо сообщении, сделанном ранее, – могут быть пропущены в конкретном

тексте, но выявляются, исходя из характера сообщения, и восстанавливаются при логическом пересказе текста (А.Вежицка, 1978).

Метатекстовые высказывания связаны с понятием метаязыка, поскольку сами они включают в себя единицы метаязыка. В отличие от понятия "метатекст" понятие метаязыка широко разработано в системе математики и логики. Метаязык – это "язык, используемый для выражения суждений о другом языке, языке-объекте" (Ю.А.Гастев, В.К.Финн. БСЭ, т.16, с.146).

Метаязык "должен содержать выражения более высоких "логических типов", нежели язык-объект" (там же).

Провести четкую грань между метаязыком и естественным языком затруднительно. Метаязык "должен быть "не беднее" своего предмета – обычного языка (т.е. для каждого выражения последнего в метаязыке должно иметься его имя – "перевод")". Метаязык "не содержит всякого рода двусмысленностей, метфор... и т.п. элементов обычного языка, препятствующих использованию его в качестве орудия точного научного исследования" (там же).

По той причине, что выделение единиц метаязыка из системы единиц естественного языка есть результат договоренности, трудно в каждом отдельном случае в высказываниях, содержащих метатекстовую информацию, ограничивать единицы метаязыка от единиц естественного языка, составляющих содержание высказывания.

Существует точка зрения, согласно которой все высказывания, описывающие содержание единиц другого языка, следует считать метаязыковыми (В.Зегет, 1985, Ю.Н.Караулов, 1980). Следовательно, согласно этой точке зрения, вся сематизирующая часть толковых словарей относится к метаязыку. Однако структура изучаемого материала подсказывает нам необходимость придерживаться другой позиции, при которой разделение естественного языка и метаязыка в пределах одного высказывания проходит более гибко, а именно: к метаязыку принадлежат метапредикаты, указывающие на логическую структуру сообщения, на выделение в этом сообщении известной информации (персуппозиция) и

новой информации, на знаки включения в основной текст чужой речи и др. Само содержание сообщения, выраженное при помощи языка, с нашей точки зрения, следует отнести к речевым сообщениям (текстам) на естественном языке. В этом отношении мы следуем критериям, предложенным А.Вежицкой (1978, 1982).

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем авторскую семантизацию как структурную единицу текста, представляющую собой интекстовое включение в некий больший текст.

В единицах авторской семантизации нами выделяются три структурные части.

1) Семантизируемая единица – лексема либо другая единица языка, и шире – любое явление, которому приписываются свойства знака.

"Уже на тротуаре, тут же, Шарик начал соображать, что "голубой" (X) (цвет вывески. – Н.С.) не всегда означает (MP) "мясной" (Y) (...)" (М.А.Булгаков. Собачье сердце).

2) Семантизирующая часть – слово, словосочетание, предложение, ССЦ и в целом текст неограниченного объема, предназначенные для передачи информации о значении семантизирующей единицы. "Но однажды мастерской повезло, и она получила заказ на так называемое (MP) "носовое украшение" (X) для единственного в то время черноморского парохода "Пестель"... Сооружение (Y) это сделали из листового железа, а затем расписали по черному фону золотым растительным орнаментом" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

3) Метаязыковые структуры, фиксирующие наличие связи между означающим и означаемым – слова со значением тождества, включения во множество. Из них важнейшими считаем метапредикаты с семантикой означивания (означать, значить, называться и др.), экспликации (понимать, быть понятным), соотношения известного и нового (известный, неизвестный), указания на принадлежность семантизируемой единицы к чужой речи (говорят) и т.п. "Но есть, должно быть, у каждого, в том числе и у меня, вторая жизнь, вторая

биография. Она, как говорят (MP), "не вышла" (X) в реальной жизни, не случилась (Y). (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

К метаязыковым структурам также следует отнести метатермины – слово, язык, понятие, категория и др. Сюда же относятся используемые в ряде случаев авторской семантизации лингвистические термины – приставка, корень, существительное и др.

Метатермины являются сигналом того, что семантизируемая единица рассматривается не только как способ отражения явления действительности, но и в качестве языкового знака. Поэтому метатермины сопровождают эксплицируемую единицу и могут считаться дополнительным основанием для ее выделения. "Все известно, что Пушкин лучше всего писал осенью. Недаром "Болдинская осень" (X) стала синонимом (MT) поразительной творческой плодовитости" (Y) (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Метатекст составляет "скелет" АС, семантизирующая часть представляет собой "ядро" – интекстовую структуру высказывания.

Здесь и далее мы обозначаем семантизируемую лексему литерой X, архисему и смысловое ядро семантизирующей части – литерой Y, единицы метаязыка, метапредикаты – литерами MP, метатермины – литерами MT.

В состав единиц авторской семантизации мы включаем и такие высказывания, в которых один из данных элементов может отсутствовать, но восстанавливается, исходя из контекста: "Я не мальчик и понимаю (MP) слово (MT) – "враг" (X)" (М.А.Булгаков. Письмо к В.В.Вересаеву. 27 июля 1931 г.).

В высказывании присутствуют семантизируемая лексема и метатермин слово. Отсутствует семантизирующая часть. Однако имеется указание на нее в виде метапредиката понимать. Подразумевается определенное контекстуальное значение слова враг – 'человек, который способен причинить говорящему большой вред, и к этому следует относиться серьезно'.

Может быть пропущена семантизируемая лексема, которая также поддается восстановлению, исходя из контекста. "Вот пример настоящей удачливости... – тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чуждого человека (У), – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе (А1)! Но что он сделал? Я не постигаю... (МР) Что-нибудь особенное есть в этих словах: "Буря мглою..."? Не понимаю! (МР) (...) Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие (А2)...""(М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

В данном отрывке представлена историко-культурная информация, связанная с именем собственным А.С.Пушкин (строки поэта, памятник на Тверском бульваре, смерть от пули Дантеса). Отсутствует имя поэта – оно угадывается, восстанавливается на основе читательских знаний. Присутствует метапредикат понимать, связанный не только с приводимой цитатой, но и с оценкой роли А.С.Пушкина в русской национальной культуре. Субъективно-отрицательная оценка этой роли персонажем романа сопоставляется с известной положительной оценкой творчества А.С.Пушкина в социуме.

Основанием для выделения единиц авторской семантизации с пропуском одного из составных элементов служит распространенное в лингвистике понятие о нулевой выраженности (значимом отсутствии) тех или иных единиц языка в определенных условиях, которая противопоставляется наличию этих единиц в других условиях. Например, выделение нулевых морфем-флексий противопоставляется материально выраженным флексиям.

Мы полагаем, однако, что в случае отсутствия сразу двух элементов выделяемой нами трехчленной структуры, характерной для АС, текстовую единицу уже нельзя причислить к единицам авторской семантизации.

"Две каких-то девицы шарахнулись от него в сторону, и он услышал слово "пьяный!"" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Отсутствует указание на то, что данное слово нуждается в объяснении или его значение содержит что-либо необычное. Отсутствует метапредикат с семантикой толкования.

В целом АС характеризуется особой коммуникативной задачей – сообщением информации о связи некоего знака с неким означаемым. В это сообщение может входить и оценочная информация. Высказывание о слове враг можно кратко изложить следующим образом: враг – это опасно (денотативная и оценочная информация). Сообщение о значении Пушкина в обществе и в истории культуры можно сформулировать так: Пушкин – великий русский поэт, и знаком признания его заслуг перед русской культурой служит памятник, который ему воздвигли граждане его страны (денотативная, историко-культурная и ценностная информация).

В данных семантизирующих высказываниях присутствует обобщение, что характерно для семантики знака: каждый человек, кого называют врагом, опасен для каждого, кто является его противником; Пушкин – великий поэт не с точки зрения отдельного индивида и не только в оценке группы людей, поставивших ему памятник, но для всей русской лингвокультурной общности, объединенной преемственностью традиций русской культуры.

Подобное обобщение отсутствует в информации о слове пьяный, которое в контексте служит отражением единичной ситуации, когда из-за странного поведения человека окружающие предполагают, что он находится в состоянии опьянения.

2.2.2. Способы грамматического выражения семантизирующей информации

Помимо выделения трех элементов смысловой структуры единиц АС следует уделить внимание описанию грамматических способов выражения этих элементов и типичных особенностей синтаксической структуры высказывания с семантикой экспликации.

Очевидно, в самом общем виде подобное высказывание представляет собой предикативную единицу (предложение), семантическим субъектом (подлежащим) которого является семантизируемая лексема, а предикатом (сказуемым) – семантизирующая часть.

С логической точки зрения подобное высказывание является суждением, соответствующим схеме: Все s суть p , или Каждый s есть p , поскольку лексическая единица обозначает не единичное явление, а некое множество, каждый объект которого обладает признаками, общими для класса явлений, обозначаемых данной лексемой.

В целом, как мы уже отмечали в предыдущем разделе, смысловые отношения, передаваемые семантизирующим высказыванием – единицей АС – наиболее целесообразно описывать при помощи формулы X является знаком Y , в ее двух основных разновидностях: X означает Y , и Y называется X -ом.

При анализе конкретных единиц АС, можно использовать формулы, отражающие особенности конкретных разновидностей семантизирующего высказывания. В частности, можно использовать формулы – модели, которые приводит А.А.Залевская (1979, с.57-58), характеризуя интерпретации значения лексем информантами в экспериментальных исследованиях: X есть Y , X означает Y , X предназначается для Y , X составляет Y . Эти формулы-модели мы считаем необходимым дополнить, исходя из особенностей исследуемого материала, включив в них отношения номинации: Y называется X при условии, что Y обладает признаком A , Y называется X , потому что Y обладает признаком A , X обладает признаком A , Y в ситуации A имеет наименование X , Y имеет наименование X . При этом под X мы везде подразумеваем семантизируемую лексему, под Y – ядро семантизирующей информации, несущее знание о мире, которое предполагается известным.

Исходя из того, что семантизирующие высказывания – единицы АС – являются, с нашей точки зрения, важнейшим средством передачи лингвистических и экстралингвистических знаний, фактором поддержания стабильности лексического состава естественного языка, мы

полагаем, что способы передачи семантизирующих сообщений должны были найти отражение в системных описаниях русской грамматики.

В то же время в академической "Русской грамматике" (1980) находим только самые общие и краткие указания на особенности семантизирующих высказываний, поскольку понятие о единицах авторской семантизации не было известно авторам "Русской грамматики" и, естественно, не могло быть в центре внимания при описании системных особенностей русского синтаксиса.

Кроме указания на особенности семантизирующих высказываний, которые можно обнаружить в "Русской грамматике", мы считаем отражением наиболее общих и в то же время наиболее типичных особенностей грамматического строения единиц АС.

Типичная структура предложения, содержащего семантизирующую информацию, отражена в структурных схемах двусоставного предложения. Образцы этих схем (в том числе с эксплицирующей семантикой) представлены в академической "Русской грамматике": N1 – N2; N1 – N1-5 N1 – Adv-j; Inf – Inf; Inf – N1; Inf – Adv-o (N2...)

Сомневаться – значит искать; Ревновать еще не называется любить; Понять вещь – значит правильно ее назвать (Д.С.Лихачев) (примеры из "Русской грамматики", с.313-315).

Связочные слова значит, означает прямо сигнализируют о том, что речь идет о семантике знака. Это же значение способны передавать связки есть, является.

Одним из пяти возможных типических значений двусоставного предложения, соответствующего структурной схеме N1 – N1, "Русская грамматика" называет значение толкования, ставя его на первое место, очевидно, как наиболее типичное:

"1) Толкование, отнесение к известному ('это значит то же самое, что', 'это то же самое, что', 'это относится к такой-то группе, разряду'): Деверь –

брат мужа; Трюфели – подземные грибы; Пума – крупная дикая кошка" (с.279).

"Для предложений со значением толкования, отнесения к известному (...) характерны реализации с это, это есть, не что иное, как (не кто иной, как), при толковании – это значит, значит: Панда – это так называемый кошачий медведь; Нейтрино – это всепроникающие частицы; Тембр – это (это есть) не что иное, как духовная наполненность голоса; Усманка (название реки) – значит (это значит) Красивая; Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец (А.С.Пушкин)" (с.285).

"Русская грамматика" также указывает, что значение предложений, построенных по данной схеме, заключается в том, что сказуемое "обозначает более широкое, более общее понятие, общую категорию (...). В эту общую категорию включается понятие более узкое, частное, выражаемое существительным в именительном падеже; это – подлежащее. Такое соотношение понятий стабильно и чаще всего не зависит от контекста" (с.288).

Разумеется, возможна и более широкая семантическая реализация предложений, построенных в соответствии с указанными схемами и содержащих данные связочные элементы. Предложения могут указывать на релевантность явления только в пределах конкретной ситуации. Это объясняется тем, что в понятие предикативности входит понятие времени, а следовательно, в большинстве предикативных высказываний присутствует фактор относительности информации: "Отказаться – значило прослыть трусом (М.И.Пришвин)" (пример из "Русской грамматики", с.315).

Подавляющее большинство предикативных единиц, представленных в "Русской грамматике", отражают именно конкретные ситуации и не обладают семантизирующим значением. Подобные примеры преобладают даже в тех разделах, где особенности описываемой структуры и значение метаязыковых конструкций позволили бы представить предложения с обобщающей, в том числе и семантизирующей информацией. Практически, помимо приводимых нами в цитации из "Русской грамматики" примеров, нам удалось обнаружить в

ней чуть больше 10 конструкций, которые можно было бы квалифицировать как семантизацию, т.е. "Русская грамматика" содержит всего 26 примеров таких конструкций.

Для характеристики описываемого нами явления авторской семантизации ни один из грамматических формальных показателей сам по себе не является универсальным критерием. Отнесение конкретных фрагментов текста к АС производится нами по совокупности формальных и семантических показателей.

Поскольку сказуемое, как уже было отмечено, относит указанные явления к более общему классу понятий без указания отличительных признаков явлений, оно способно передавать лишь часть семантизирующей информации. Этого недостаточно для определения. Для идентификации явлений следует обозначить и дифференциальные признаки. Эту роль могут взять на себя второстепенные члены предложения: Пума – крупная дикая кошка.

В тех случаях, когда сказуемое в семантизирующем высказывании передает обобщающую информацию, и в тех случаях, когда сказуемое либо другие грамматические конструкции передают конкретизирующую информацию, мы имеем дело с частичной (партитивной) семантизацией. В подобных высказываниях реализуется два вида логических отношений между понятиями: 1) включение в некий класс называемых явлений, понятий, во множество, состоящее из сходных элементов; 2) выделение из множества, указание на некий признак, отличающий данные явления от других явлений, включаемых в тот же класс.

Таким образом, мы получаем информацию, с одной стороны, об интегральных, с другой – о дифференциальных признаках явления. Объединение той и другой информации дает возможность представить определение интересующего нас понятия. "Идеальное определение отличает, отождествляет, и отождествляет, отличая" (В.Зегет, 1985, с.217).

Для конкретизации дифференциальных признаков может использоваться причастный оборот. Как известно, эта конструкция обладает семантикой

указания на признаки, связанные с конкретным образом объекта, с его референтной соотнесенностью (О.Е.Иванова, 1986).

"У ботаников есть термин (МТ) – разнотравье (X). Он обычно относится к цветущим (У) лугам (У). Разнотравье (X) – это сплетение сотен разнообразных и веселых цветов(У), раскинувшихся сплошными озерами по поймам рек" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Для конкретизации признаков явления может также использоваться синонимическое причастному обороту придаточное предложение с союзным словом который.

"Артель принимала заказы на вывески, шитье женских тапочек, изготовление "деревяшек" (X) (женских туфель (У), производство которых отличалось античной простотой: к деревянной подошве приколачивалось несколько тесемок – и все! (...)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

Способом конкретизации может быть указание на такой признак определяемого объекта, который является его неотъемлемым свойством. При отсутствии данного признака объект не может именоваться посредством означаемого X.

"Вторая (А) свежесть (X) – вот что вздор! Свежесть (X) бывает только одна – первая (А), она же последняя" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Реализуется семантическая формула X обладает признаком А, которая, в свою очередь, имплицитно содержит в себе следующую формулу: У называется X при условии, что У обладает признаком А (предполагается, что если "не-А", то "не-Х"; В.Зегет, 1985): некое качество именуется свежестью, при условии, что это качество характеризует объект как лучший из класса данных объектов.

Грамматически это значение выделения признака, принадлежащего объекту, реализуется в двусоставных предложениях со структурной формулой N1 соп Adj полн.; N1 – N2. В качестве связочного элемента

используется полузнаменательный глагол бывает: "Брынза (X) не бывает зеленого цвета (не-А), это вас кто-то обманул. Ей полагается быть белой (А)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Типичный порядок следования частей АС в предложениях, соответствующих данным схемам, связан с актуальным членением: тема – семантизируемая лексическая единица, рема – семантизирующая часть. Противоположный порядок компонентов предложения, при котором рема предшествует теме, принято называть экспрессивным (Русская грамматика, 1980).

Поскольку эксплицирующая часть представляет собой предикат, целесообразно сопоставить передаваемую им информацию с сигнификативным значением, которое предикативно по своей сути (см. Ю.С.Степанов, 1977, с.331).

Несколько иную последовательность семантизирующей части и семантизированной леммы наблюдаем при использовании предикатов со значением номинации, например, называться. Семантизирующая часть при этом представляет собой группу подлежащего, а не группу сказуемого, а сказуемым становится семантизируемая лемма. В таком соотношении нетрудно убедиться, зная, что в предложении со структурной схемой N1 cop N1-5 в творительном падеже может стоять только сказуемое:

"Шатры (У) черных ив навевают над головой. Глядя на них, начинаешь понимать (MP) значение (MT) старых слов (MT). Очевидно, такие шатры (У) в прежние времена назывались (MP) "сенью" (X). (К.Г.Паустовский. Мещорская сторона).

В высказываниях со значением номинации семантизирующая часть предшествует семантизируемой лемме, и именно такой порядок является нейтральным, а противоположный – экспрессивным. Таким образом, порядок следования частей АС при выражении отношения номинации прямо противоположен порядку следования частей АС при экспликации.

В высказываниях, фиксирующих отношения номинации, семантическим предикатом становится информация не о сигнификате, а о денотате (явлении).

Это связано с тем, что отношения номинации обладают особой семантикой и особой функцией, несколько отличающейся от функций семантизации. Задача номинации – выбрать обозначение для явлений на основе их обобщения и с использованием закономерностей номинации, существующих в данном языке (В.Г.Гак, 1977, Б.А.Серебренников, 1977). Мы считаем нужным включить явление номинации в сферу явлений семантизации. Основанием для этого служит та особенность процессов номинации, что, будучи зафиксированы в тексте, они свидетельствуют, что выбор наименования для денотата уже состоялся и имеется необходимость объяснить, какими причинами он был мотивирован. Таким образом обоснование выбора происходит путем экспликации (семантизации).

"Против наиболее интересных дел он ставил "птички" (У), но называл (МР) их, как Математик, "радикалами" (Х)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

" – А вы не знаете, почему чертеж на картах (У1) называется (МР) розой (Х)? Потому что он похож на цветок (У2), – объяснил (МР) моряк" (К.Г.Паустовский. Героический юго-восток).

Следует отметить, что порядок следования частей АС, который различен при толковании и при обосновании номинации, релевантен только при первоначальном чтении текста, содержащего те и другие информативные структуры. Уже при воспроизведении текста он нарушается. Это обусловлено тем, что текст имеет не только линейное, но и вертикальное строение (см. О.С.Ахманова, И.В.Гюббенет, 1977, В.Я.Задорнова, 1984). В восприятии читателя происходит перегруппировка информативных структур текста в соответствии с неким смыслом, который содержится в его сознании в виде абстрактных схем-обобщений, нежестко связанных с конкретным текстом (А.А.Брудный, 1975). Такие же схемы, очевидно, имеются и в представлениях писателя.

В силу особенностей восприятия вертикального контекста ситуация номинации и ситуация семантизации оказываются едиными в одном акте экспликации связи между означаемым и означающим. Особого рода смысловые отношения возникают в семантизирующем высказывании, которое служит указанием на то, что происходит перемена номинации объекта, что данное обозначение заменяется другим, обычно более известное – менее известным. При этом причина замены одного означающего другим может не указываться, так как предполагается, что она лежит в особенностях ситуации:

"Римского прокуратора (У) называть (МР)– игемон (Х)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

"Пошел весенний благодатный дождь, я спрятался под кузов, извозчик, помахивая кнутом, все рассказывал разные разности, причем триллионы (У) называл (МР) "триллиардами" (Х) (...)" (М.А.Булгаков. Бенефис лорда Керзона).

Слова значить, означать могут выступать в предложениях со значением семантизирующего высказывания в качестве не связочных слов, а полнозначных глаголов. В этих случаях они присоединяют придаточное изъяснительное предложение с союзом что, а схема главного предложения преобразуется в предложение со спрягаемым глаголом-сказуемым: N1 Vf. Обычно в качестве подлежащего используется местоимение с обобщающим значением – это.

"А если осетрина второй свежести (Х), то это означает (МР), что она тухлая (У)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Та же схема двусоставного предложения реализуется при употреблении глаголов звать, называть, если в качестве подлежащего в них указывается лицо, использующее данную номинацию.

"Вода в Солотче красного цвета (А). Такую воду (У) крестьяне зовут (МР) "суровой" (Х)" (К.Г.Паустовский. Мещорская сторона).

Предложение с глаголами звать, называть(ся) и т.п. могут быть преобразованы в неопределенно-личные путем пропуска указания на лицо, которое совершает номинацию. В этом случае их предикативная структура соответствует схеме V3 pl.

К главному предложению, содержащему сообщение о номинации, могут быть присоединены придаточные, в которых объясняется причина выбора наименования.

"Я вступил в беспокойное общество пригостишек (У1), или, как их презрительно звали (MP) старые гимназисты, в общество кишат (X). Кишатами нас прозвали за то, что мы, маленькие и юркие, кишели (У2) и путались на переменах у взрослых под ногами" (К.Г.Паустовский. Беспокойная юность).

"Один плес (У) на этой реке (реке Прорве. – Н.С.) мы назвали (MP) "Фантастической (X) Прорвой", потому что нигде и никто из нас не видел таких огромных, в два человеческих роста, репейников, голубых колочек, такой высоты медуницы и конского щавеля и таких исполинских грибов-дождевиков, как на этом плесе" (К.Г.Паустовский. Мещорская сторона).

Это же значение – причины выбора наименования – может быть передано второстепенными членами – обстоятельствами причины.

"Черное озеро (X) названо (MP) так по цвету (А) воды (У)" (К.Г.Паустовский. Мещорская сторона).

В реальной практике многие из этих изолированно описанных особенностей сливаются в одну смысловую структуру:

"То, что на писательском языке (MT) называется (MP) "вилкой" (X), то есть существование двух равноценных эпитетов к одному слову (У) – вещь чрезвычайно редкая" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

В этом примере фигурирует сложноподчиненное местоименно-соотносительное предложение с союзным словом что, поясняющая

конструкция с союзом то есть, использован глагол – называть (метапредикат) и именное сказуемое с обобщающим значением (разговорное слово вещь употребляется вместо книжного явление).

Особым грамматическим способом передачи семантизирующего значения следует считать конструкции со значением пояснения.

"Русская грамматика" выделяет три вида пояснительных отношений: собственно пояснение, включение и уточнение.

Отношения включения оформляются словами например, к примеру, в частности и др. Отношения уточнения конкретизируются словами именно, а именно. Очевидно, все указанные конструкции при определенных условиях способны выражать семантизирующие отношения, но особенно это характерно для отношений собственно пояснения. "Простое пояснение (союз то есть, устар. и прост. то бишь, уст. и ирон. сиречь) разъясняет (толкует), конкретизирует или оценивает: (...) Гидроакустик, то есть матрос, слушающий воду, прерывающимся голосом крикнул снизу (Казакевич)" (Русская грамматика, с.174).

"Для введения второго наименования (объекта. – Н.С.) специально служит союз или, обычно в сопровождении слов вернее, точнее, по-иному, по-местному и под. или вводных предложений с тем же значением: (...)

Волокнина крови, или фибрин, не отличается резко от белка (Д.Менделеев).

Аналогично союзам то есть и или используются слова иначе, иначе говоря, иными словами, читай, лучше сказать, проще сказать" (там же).

Отношения пояснения оформляются также субстантивными оборотами.

"Обособленный поясняющий субстантивный оборот представляет собой словосочетание с главным словом – существительным в косвенном падеже с предлогом или без предлога (...) Субстантивный оборот может представлять собой обособленное приложение: он содержит другое обозначение лица или предмета, уже названного подчиняющим словом" (с.186).

Под приложением в русском синтаксисе принято понимать "определение, выраженное именем существительным, стоящим в том же падеже, что и определяемое слово. Определяя предмет, приложение дает ему другое название (выделено нами. – Н.С.)" (Н.С.Валгина, 1973, с.116; см. также Н.С.Валгина, 1991).

Приложение может присоединяться к определяемому слову при помощи пояснительных союзов то есть, или, как и др.: Степь, то есть безлесная и волнообразная бесконечная равнина, окружала нас (С.Т.Аксаков)" (...), при помощи слов например, по имени, по прозвищу и подобных" (Н.С.Валгина, 1973, с.117-118).

Приложение часто выделяется графически посредством дефиса, обособляется запятыми, скобками, двумя тире, запятыми и тире, а в ряде случаев, особенно при собственном наименовании, выделяется кавычками. Все эти знаки служат для отделения метатекста от собственно сообщения.

Основная семантика данной конструкции заключается в том, что приложение дает обобщающую характеристику объекта, подводя конкретные обозначения под родовые наименования. Например, по отношению к человеку это могут быть характеристики "в отношении возраста, родства, профессии, специальности, рода занятий, национальной и социальной принадлежности и т.д." (Н.С.Валгина, 1973, с.116).

Несколько реже бывают обратные соотношения – от общего к частному. Приложение конкретизирует обозначение предмета, указывает на его референтную соотнесенность. Обычно в этих случаях приложение выражено именем собственным:

"В числе семисот матросов, высадившихся с броненосца (У) "Потемкин" (Х) на румынский берег, был Родион Жуков" (В.П.Катаев. Белеет парус одинокий) (Пример Н.С.Валгиной, 1973, с.111).

Очевидно, семантические соотношения между двумя понятиями, отражаемыми поясняемым словом и приложением, в обоих случаях остаются одними и теми же. Это указание на то, что некий объект представляет собой часть определенного множества.

Если архисема, подводящая значение слова под некое множество, стоит в позиции сказуемого, высказывание является семантизирующим по преимуществу, т.е. семантизирующая информация является главной целью сообщения.

Если архисема находится в позиции приложения, семантизирующая информация представляет только часть сообщения и является побочной целью высказывания. Главное внимание сосредоточено на других аспектах сообщения, например, на изображении конкретной ситуации. Ср.:

1) "(...) Четырнадцатого числа весеннего месяца (У) нисана (Х) в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

2) "О какой страшный месяц (У) нисан (Х) в этом году!" (там же).

3) "Какой страшный нисан (Х) выдался в этом году!" (М.А.Булгаков. Черный маг).

4) Нисан 1 – весенний месяц, первый месяц священного иудейского календаря, соответствует концу марта – началу апреля в европейском календаре.

1 Другое название месяца – авив, месяц спелого колоса.

Предложение (4) содержит архисему месяц в позиции именного сказуемого, а также конкретизирующие определения (весенний, первый). Эта информация является ремой высказывания. Цель высказывания (4) – семантизация.

Предложения из текста романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" концентрируют внимание: (1) на зрительном образе – описании прокуратора, (2) – на субъективной оценке событий, поданных сквозь восприятие Пилата. И в первом и во втором предложении присутствует семантизирующая информация, призванная разъяснить экзотическое название. Это делается в неявном виде – имплицитно, в виде архисемы-приложения, не входящего ни в грамматический, ни в смысловой центр высказывания. В предложении (3), которое является вариантом высказывания (2) в одной из ранних сохранившихся редакций романа "Мастер и Маргарита", семантизирующая информация отсутствует.

Данные примеры показывают, что семантизирующая информация может вводиться автором в текст, если писатель ощущает в этом необходимость, самыми различными способами. При восприятии семантизирующей информации не последнюю роль играет актуальное членение. Очевидно, сильная позиция – именное сказуемое, а также положение ремы высказывания. В других позициях авторских семантизация в тексте не столь отчетлива, но она может эксплицироваться метаязыковыми структурами.

Грамматические средства, используемые для передачи семантизирующего значения, также крайне разнообразны. Их подробное описание может стать задачей отдельных исследований. Представляется, что их разнообразие в принципе бесконечно, как бесконечна реализация предложений с конкретной семантикой в пределах одной грамматической конструкции.

Грамматические конструкции, способные передавать семантизирующие отношения, практически охватывают всю систему синтаксиса: это предложения как простые, так и сложные, а также полупредикативные конструкции.

Мы полагаем, что наиболее типичные из них – те, которые нашли отражение в системных описаниях синтаксиса русского языка ("Русская грамматика" и др.). Мы выделили из этих описаний те конструкции, которые помимо конкретной информации способны передавать значения обобщения, толкования, пояснения, включения во множество и

выделения из множества и проиллюстрировали их собственными примерами.

Обобщая информацию о возможном грамматическом строении семантизирующего высказывания, отметим, что, хотя конкретная синтаксическая структура единиц АС может быть произвольной, наиболее типичными можно считать следующие конструкции: при отношениях означивания – двусоставное предложение с именным сказуемым, представляющим собой архисему; со второстепенными членами или с придаточными предложениями, конкретизирующими обобщающую информацию, заключенную в сказуемом.

Семантизирующая информация может также передаваться полупредикативными конструкциями со значениями пояснения, включения и уточнения. Отношения пояснения оформляются субстантивным оборотом, чаще всего в форме приложения, являющегося распространенной конструкцией для введения в текст другого названия объекта, о котором идет речь.

Отношения номинации передаются также двусоставными предложениями со связочными глаголами называть, называться, при этом семантизируемая единица занимает позицию именного сказуемого, а семантизирующая информация передается через группу подлежащего. При отсутствии указания на лицо, выполняющее номинацию, семантизирующее высказывание передается односоставным неопределенно-личным предложением.

Представляется, что описанию семантизирующих смысловых отношений в системе русского синтаксиса уделено явно недостаточное внимание, в частности, конструкциям со связочными глаголами означать, называться, с придаточными изъяснительными и др.

Основным критерием для отнесения данной грамматической конструкции к семантизирующим единицам следует считать ее семантику, а именно, смысловые отношения тождества понятий (явлений), отношения обобщения, включения во множество, выделения из множества.

Данные смысловые отношения подчеркиваются лексемами и соответствующей семантикой. Эти лексемы мы считаем необходимым отнести к единицам метаязыка, способным описывать семантизирующие отношения в системе естественного языка. Среди них метапредикаты: значить, являться, союзы то есть, или, вводные лексемы, близкие к полнозначным: например, иначе и др. Подобные лексические единицы отражены в описаниях системы русского синтаксиса, что говорит о высокой способности данных лексических единиц к передаче обобщающего значения.

ГЛАВА 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЕДИНИЦ АВТОРСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ

3.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТРУКТУРЫ ЕДИНИЦ АВТОРСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ

Явление авторской семантизации отличается разнообразием формального выражения. Особенности формального выражения АС в тексте обобщены нами в виде формально-структурной классификации единиц АС. Ниже мы представляем классификацию, в которой данные особенности выделяются согласно различным основаниям. Эта классификация не является дихотомической, поэтому одна и та же единица АС может быть описана в разных аспектах. Основания выделения аспектов являются одновременно и названиями рубрик.

Классификация делится на два раздела. В первом разделе мы сгруппировали важнейшие, с нашей точки зрения, рубрики, дающие основание судить о самых общих аспектах распознавания и употребления АС. Во втором разделе мы представили аспекты, при помощи которых осуществляется детализация описания значения.

3.1.1. Общие аспекты распознавания и употребления АС

1. По наличию манифестаторов семантизации:

а) эксплицитная (явная) – в тексте имеются метапредикаты, метатермины, союзы и частицы со значением экспликации, тождества:

"– (...) И при вас я пройду по рукописи.

– Что значит (МР) "пройду" (Х)? – спросил я. – "Пройтись" (Х) – это значит (МР) выправить (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Старик сказал старомодное слово (МТ) купцов и коммивояжеров, слово "gratis" (Х), означавшее (МР), что товар отпускается бесплатно (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) имплицитная (скрытая) – в тексте имеются косвенные указания на семантизацию: описание редких явлений, редкие лексемы, вопросы о роли явления, присутствуют архисемы, слова с искаженной формальной оболочкой (при известности правильного варианта лексемы или фразеологической единицы).

"И колокольчик (У1), дар Валдая (У2), звенит уныло под дугой". Их зовут (МР) дарвалдаями (Х)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

2. По цели семантизации и характеру связи с внеязыковой информацией:

а) Объективизированная – ориентированная на передачу объектных фактов, по возможности истинную и точную:

"Вся морская терминология, так же, как и разговорный язык моряков, великолепна. Почти о каждом слове (МТ) можно писать поэмы, начиная от "розы ветров" (Х1) и кончая "гремящими сороковыми широтами" (Х2) (это не поэтическая вольность, а наименование (МТ) этих широт в морских документах)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) субъективизированная – ориентированная на передачу индивидуальных представлений автора или других лиц, передачу личностных смыслов, субъективно важной информации. При этом возможно преобладание оценочной информации, возможно существенное отклонение от истинной, объективной, общеизвестной информации, присутствие ложной интерпретации, вымысел. "Но

действие самого слова (МТ) (а не понятия, которое оно выражает) на наше воображение, хотя бы, к примеру, такого простого слова (МТ), как "зарница" (Х), объяснить гораздо труднее. Само звучание этого слова как бы передает медленный ночной блеск далекой молнии (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Для нас цветы (Х) – это украшение (У1). Для женщин – это живые существа (У2), гости из мира, который мы, взрослые и деловые люди, замечаем только мимоходом и относимся к нему со снисходительным пренебрежением" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

3. По объему семантизирующей части:

а) краткая – слово, словосочетание:

"Колхозную чайную он долго не признавал, потому что там кормят по квитанции (Х) (по чеку (У))" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Они плыли через океан несколько недель и слышали голоса морских женщин (У)-сирен (Х)" (К. Г.Паустовский. Золотая роза).

б) развернутая – предложения, несколько предложений, абзац, несколько абзацев:

"Есть хорошее русское слово (МТ) "истома" (Х). За последнее время мы совсем позабыли о нем и почему-то даже стесняемся произносить его. Но никаким другим словом нельзя лучше определить то спокойное и немного сонное состояние (У), какое охватывает вас, когда вы лежите в теплом утреннем лесу и смотрите на бесконечные цепи облаков" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

в) сверхразвернутая – представляет собой связное повествование большого объема – статью, трактат, рассказ в рассказе. Примером может служить статья Д.А.Гранина "О милосердии (Х)".

4. По взаимному расположению семантизируемой единицы и семантизирующей части:

а) контактная – семантизирующая часть находится в соположении с семантизированной единицей – в пределах одного абзаца в монологическом тексте и двух абзацах в диалоге, в том числе:

а-1) контактная с препозицией семантизирующей части:

"Он был долговяз и застенчив. Руки и ноги болтались у него, как у игрушечного человечка на веревочке (У). Таких человечков (У) у него на родине дети зовут (МР) "хампельманами" (Х)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

а-2) контактная с постпозицией семантизирующей части:

"Особенно они любят поговорить к вечеру, когда народ перестает валандаться взад-вперед через реку, когда спокойно опускается солнце за крутым (Х) – высоким берегом (У) – и толчется в воздухе и зудит мошкара" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

а-3) контактная с интерпозицией семантизированной лексемы, с препозицией и постпозицией семантизирующей части:

"Есть наука (У1), или, вернее, свод знаний (У2), которая носит скучное название (МР, МТ) "товароведение" (Х). Она подробно рассказывает о всех так называемых (МР) товарах (У3), хотя бы, к примеру, о той же махорке (...)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) дистантная – семантизирующая часть удалена от семантизированной единицы на два или более абзацев. В ряде случаев семантизирующая часть может располагаться в значительном удалении от фрагмента текста с семантизированной единицей, в том числе:

б-1) перспективная – семантизация предшествует семантизированной единице. Например, в первой части романа М.А.Булгакова "Мастер и

Маргарита" (глава 11) мастер рассказывает о желтых цветах (У), названия которых он не помнит. Название цветов – мимозы (Х) – приводится только во второй части романа.

б-2) ретроспективная – семантизация запаздывает на два или более абзацев:

"Следующая дверь несла на себе краткую, но уже вовсе непонятную (МР) надпись: "Перельгино" (Х)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита). Название семантизируется спустя две страницы: "дачный литераторский поселок (У) Перельгино на Клязьме", "ненавистное Перельгино".

б-3) многократная – фрагменты семантизирующей части, различные по содержанию передаваемой ими информации, находятся в различных частях общего текста.

В первой главе "Мастера и Маргариты" Воланд говорит Ивану Бездомному: "Жаль только, что я не удосужился спросить (МР) у профессора, что такое шизофрения (Х). Так что уж вы сами узнайте это у него, Иван Николаевич!" Глава шестая называется "Шизофрения (Х), как и было сказано (МР)". Описываются признаки болезни, помогающие отождествить название с конкретными представлениями: "Двигательное и речевое возбуждение (А1) ... бредовые интерпретации (А2) ... случай, по-видимому, сложный... Шизофрения (Х), надо полагать". В главе восьмой содержится оценочная семантизация: "Тут одно слово (МТ) заставило его вздрогнуть, и это было слово (МТ) "шизофрения" (Х) – увы, уже вчера произнесенное (МР) проклятым иностранцем на Патриарших прудах, а сегодня повторенное (МР) здесь профессором Стравинским". Одиннадцатая глава называется "Раздвоение (У) Ивана". Слово шизофрения – (от греческого *shisis* – расщепление и *phgen* – душа) принято переводить как 'раздвоение личности'.

д) повторяющаяся – семантизирующая часть встречается в тексте несколько раз, передавая одну и ту же информацию:

"За садом начинался сосновый лес с серой, похожей на золу (У), рассыпчатой почвой. Должно быть, за сходство с золой (У) эта почва и получила название (МР, МТ) подзола (Х)" (К.Г.Паустовский. Пришелец с юга).

5. По количеству одновременно семантизируемых единиц:

а) одиночная – семантизируется одна лексема:

"Народное слово (МТ) "крапать" (Х) хорошо передает возникновение дождя (У), когда его редкие капли оставляют темные крапинки (А) на пыльных дорогах и крышах" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) групповая – семантизируются две и более лексем:

"А какая крылатая романтика живет во всех этих фрегатах (Х1) и баркентинах (Х2), шхунах (Х3) и клиперах (Х4), вантах (Х5) и реях (Х6), кабестанах (Х7) и адмиралтейских якорях (Х8), "собачьих" (Х9) вахтах, звоне склянок (Х10) и лагах (Х11), гуле машинных турбин (Х12), сиренах (Х13), кормовых флагах (Х14), полных штормах (Х15), тайфунах (Х16), туманах (Х17), ослепительных штилях (Х18), плавучих маяках (Х19), "приглубых" (Х20) берегах и "обрубистых" (Х21) мысах, узлах (Х22) и кабельтовых (Х23) – во всем том, что Александр Грин называл (МР) "живописным трудом мореплавания" (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

6. По принадлежности семантизирующей информации:

а) собственно авторская:

"Интуицию (Х) я представляю себе как способность по отдельной части, по подробности, по одному какому-то либо свойству восстановить картину целого" (У) (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) семантизация, принадлежащая персонажу:

"Ганна все хотела спросить (МР) Николая Петровича, что такое "процветание" (Х). (...) Ей думалось, что процветание (Х) – это земля (У), густо покрытая, как ковром, всякими цветами (А)" (К.Г.Паустовский. Героический юго-восток).

в) семантизация, принадлежащая третьим лицам:

"Толстой сказал (МР) о вдохновении (Х), пожалуй, проще всех: "Вдохновение (Х) состоит в том, что вдруг открывается то (У), что можно сделать(У)". Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

7. По участию других лиц в логическом акте установления значения:

а) монологическая:

"Коктебель (У) в Крыму переименован (МР) в Планерское (Х1). Прежде всего это неграмотно. Если исходить из слова (МТ) "планер" (Х2), то нужно говорить "Планерное" (Х3), а не "Планерское" (Х1). И что за окончание (МТ) – Планерск – ое"? К чему оно относится, это прилагательное (МТ), повисшее без существительного (МТ)? Это, очевидно, тайна даже для тех, которые так казенно назвали (МР) это удивительное по суровой красоте место" (К.Г.Паустовский. Книга скитаний).

б) диалогическая:

"Когда очередь дошла до него, то на вопрос офицера о профессии (У1) он ответил:

– Я гидрограф (Х).

– Граф (У2)? – переспросил офицер. (...) – Все мы графы. Знаем мы этих графов и гидро-графов" (К.Г.Паустовский. Начало неведомого века).

8. По включенности семантизируемой лексики в состав других языковых единиц:

а) изолированная – монотематическое афористическое высказывание, которое в силу своих смысловых особенностей может употребляться изолированно (характеристику подобных суждений см.: Е.Н.Гаврилова, 1986):

"(...) Хороший вкус (X) – это прежде всего чувство меры (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) включенная во фразеологическую единицу:

"Сами эти слова (МТ) – "грузить (X) раненых", – то есть втаскивать в вагоны, как мертвый груз (У), живых, изодранных осколками людей, были одной из нелепостей, порожденных войной" (К.Г.Паустовский. Беспокойная юность).

в) включенная в чужую речь, цитату:

"Есть некий закон ассоциаций (X), или, как называл (МР) его Ломоносов, "закон совоображения (У)" ... (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

г) включенная в авторский текст. В эту группу входят все остальные способы существования АС – большинство из исследуемых в нашей работе.

3.1.2. Отражение особенностей семантики в АС

1. По критериям истинности/ложности информации:

а) истинная (точная):

"– Какое славное название (МР, МТ) "Синезерки" (Х),– пробормотал режиссер.– Синезерки! Синезерки! Синие озера (У)! Это надо запомнить" (К.Г.Паустовский. Старый челн).

б) ложная либо ошибочная:

"Об этих коржах Виктор Хват говорил, что они называются (МР) ржаными (Х) исключительно потому, что при виде их лошади ржут (А) от удовольствия, столько в этих коржах соломы" (К.Г.Паустовский. Начало неведомого века).

в) неточная – содержащая как истинную, так и ложную информацию, с преобладанием истинной.

"Дело, собственно, в том, что соль (А) на Верхней Каме (...) начали добывать еще во времена Ивана Грозного. Там и названия (МР, МТ) соленые (А) – Соликамск (Х1), Усолье (Х2), Сысольск (Х3) (К.Г.Паустовский. Соль земли).

Происхождение названия третьего города – Сысольск – не связано с солью. Название города происходит от названия реки Сысола.

г) вероятностная:

"На подоконниках в жестянках цвел огненный бальзамин (У). Его в тамошних местах зовут (МР) "Ваня мокрый (Х)". Должно быть, потому, что толстый ствол бальзамина просвечивает против солнца золотым соком (А) и в этом соке иногда даже видны пузыри воздуха" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

д) фантастическая (вымышленная):

"Самое название (МР, МТ) "райгород" (Х1) и "райцентр" (Х2) дает

богатую пищу для шутников и зубоскалов. Они называют (МР) их "райскими городами" (У1) и "райскими центрами" (У2) и острят по поводу того, что в этих городах мало признаков земного рая (У3)". (К.Г.Паустовский. Городок на реке).

е) двуплановая – сочетающая информацию о реальных и ирреальных фактах, дающая реальную и мнимую интерпретацию значения (истинную и ложную, истинную и фантастическую):

"За столом сидел классный наставник Назаренко – громогласный человек с волнистой синей бородой (А), как у ассирийского царя (У1). Старшеклассники прозвали (МР) Назаренко "Навуходоносором" (Х). Они уверяли, что он служил в охранке" (К.Г.Паустовский. Далекие годы).

Истинная семантизация собственного имени Навуходоносор заключается в информации, что данное СИ принадлежит царю, о котором повествуется в Библии (Набу – кудурри – уцур II, царь Вавилонии в 605-562 г. до н.э.).

Ложная имплицитная семантизация заключается в членении имени на квазиморфемы "на-вухо-донос-ор", откуда вычисляется ложная этимологизация имени с семантикой 'некто, доносящий на ухо'.

2. По характеру связи семантизированной лексемы и семантизирующей части:

а) прямая – семантизируется непосредственно лексема, о значении которой идет речь:

"Несколько раз во время наших скитаний мы заводили разговор о старом народном выражении (МР, МТ) "дремучие (Х) леса". Мы восхищались точностью русского языка (МТ). Действительно, лесные дебри, как бы оцепенели в дремоте (А). Дремали (А) не только леса, но и лесные озера, ленивые лесные реки" (К.Г.Паустовский. Клад).

Слово дремучий семантизируется через раскрытие смысловой связи со словом дремать (дремать – мотивирующее слово словообразовательной цепочки).

б) косвенная (опосредованная) – семантизируется другая лексема, связанная с определяемой лексемой формальной связью (словообразовательной, этимологической, паронимическими ассоциативными отношениями) либо смысловой (синоним, антоним, квазисиноним, квазиантоним):

"По берегам этих рек росли цветы (У1) – кукушкины слезы (У2). В народе их прозвали (МР) "дремой" (Х2). Это растение было под стать дремучим (Х1) лесам" (К.Г.Паустовский. Клад).

Слово дрема (диалектное название цветка кукушкины слезы) семантизируется путем сопоставления его с выражением дремучие леса, которое, в свою очередь, семантизируется путем экспликации словообразовательной связи между лексемами дремучий и дремать. Семантизация косвенная. Прямой семантизацией было бы сопоставление слова дрема и глагола дремать.

3. По степени охвата содержания лексического значения:

а) денотативная – отражающая связь означающего с объективными знаниями о мире, закрепленными в семантике лексемы; в том числе:

а-1) денотативная достаточная – сообщаются сведения в объеме, достаточном для распознавания явления:

"Газету сняли, но в пачке оказались не рубли (Х1), а неизвестные (МР) деньги (У), не то синие (А1), не то зеленые (А2), и с изображением какого-то (А3) старика (А3)(...)".

– Доллары (Х2) в вентиляции (...) (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

а-2) партитивная (частичная) с обозначением лакуны – пропуская недостающей информации (о лакунах при интерпретации значения см.: В.В.Левицкий, И.А.Стернин, 1989).

"– А кто же эта Аннушка (X)? – (...) Просто дура какая-то с Садовой (У) (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Местоимение какая-то обозначает лакуну, при помощи которой в данном контексте передается смысл 'женщина, которую говорящий не знает' (о семантике местоимения какой-то см. О.П.Ермакова, 1986).

а-3) партитивная без обозначения лакуны – автор ограничивается семантизацией только части значения:

– Вы знаете (МР), что такое – застройщики (X)? – спросил гость у Ивана и тут же пояснил (МР): – Это немногочисленная группа жуликов (У), которая каким-то образом уцелела в Москве ..." (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

а-4) нулевая семантизация – имеется акт поиска значения (вопросы, метатермины), но значение остается неразъясненным и вычисляется из контекста:

"Агапенев, оказывается, успел выпустить книжку рассказов за время, которое прошло после вечеринки,– "Тетюшанская гомоза". (...) Все было понятно, за исключением совершенно непонятого (МР) слова (МТ) "гомоза" (X) (...) Гомоза (X)? Что такое (МР) гомоза (X)? (М.А.Булгаков. Записки покойника).

Гомоза – 'непоседа'; гомозиться – 'возиться, беспокойно шевелиться, вертеться, не смирно стоять или сидеть, суетиться' (Словарь Даля).

Предполагаемое значение, выводимое из контекста - 'суета' (соответствует вопросу что?).

б) коннотативная – освещающая прагматический (коннотативный) аспект значения:

"И пресловутое "однако" (X). Писатели, пишущие о Сибири и Дальнем Востоке, считают это слово (MT) священной принадлежностью речи (У) почти всех своих героев" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

в) структурная – расшифровка той информации, которая может быть выведена из формальных особенностей структуры лексемы:

"Аквамарин (X) считается по своему имени (MT) (аква – марин – морская – вода(У1)) камнем, передающим цвет морской волны (У2)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

г) многоаспектная – включающая в себя, кроме денотативной, коннотативную и, возможно, структурную семантизацию. См. далее понятие "воображение" в повести К.Г.Паустовского "Золотая роза".

д) обобщающая – автор стремится найти инвариант, объясняющий связь лексических вариантов в составе гиперлексемы, связь лексических единиц с одинаковой либо паронимической формальной оболочкой:

"– А какое слово (MT) к нам привязалось сейчас? – спросил я.

– Да вот этот самый родник (X1). Я это слово давно приметил. Все его обхаживаю. Надо думать, что получилось оно оттого, что тут вода (У) зарождается (А). Родник родит (А) реку, а река льется – течет через всю нашу матушку землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как это складно выходит, – родник (X1), родина (X2), народ (X3). И все эти слова как бы родня (X4) между собой. Как бы родня!" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

4. По соотношению содержания семантизирующей части с известной в языковом сознании говорящих информацией о значении лексемы: а) адекватная – сведения автора о значении лексемы совпадают со знаниями языкового коллектива:

"В примерочной стояла маленькая жестяная печка (У) – "буржуйка" (Х) (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) гиперсемантизация – (см. Д.Н.Шмелев, 1964; В.Г.Гак, 1977) – расширение информации о семантике лексической единицы, сообщение дополнительной, в ряде случаев – индивидуально-авторской информации, обогащение семантики:

" (...) Что такое ваша разруха (Х)? Старуха (У1) с клюкой? Ведьма (У1), которая выбила все стекла (А1), потушила все лампы (А2)? Но ее вовсе не существует (У2). Что вы подразумеваете (МР) под этим словом (МТ)? (...) Это вот что: если я вместо того, чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя на квартире петь хором (А3), у меня настанет разруха. (...) Следовательно, разруха сидит не в клозетах, а в головах (А4)" (М.А.Булгаков. Собачье сердце).

в) десемантизация (см. Д.Н.Шмелев, 1964; В.Г.Гак, 1977) – сужение информации о значении, отказ от некоторых сем, входящих в значение, замена ЛСВ с более широким значением на ЛСВ с узким, конкретным значением:

"– Что он украл? – спросил я.

– Мат-ри-аль-ные (Х1) ценности,– прочел, запинаясь, паромщик? – Надо думать, материю (Х2). Сукно на пальто (У1). Или на полупальто (У2)?" (К.Г.Паустовский. Живое и мертвое слово).

г) транссемантизация – существенные отклонения от принятой в языковом коллективе информация о значении данной лексемы, затрагивающие понятийное ядро:

"Для наших предков "мрачность" (Х) означала (МР) черный туман (У1), для нас она – наше душевное состояние (У2)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

д) синтетическая семантизация (см. синтетические определения, В.Зегет, 1977) – экспликация семантики нового слова или придание слову нового значения:

"Можно представить себе такой же свод знаний о жизни (У), своего рода энциклопедию жизневедения (Х)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Рабочее состояние (У1), вдохновение (У2) Толстой (А.Н. Толстой – Н.С.) называл (МР) по-своему – накатом (Х)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

5. По наличию оценочного значения:

а) безоценочная:

"Слово "спорый" (Х) означает (МР) быстрый (У1), скорый (У2)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) оценочная:

"Кто скажет слово в защиту зависти (Х)? Это чувство дрянной категории (У, МТ) (...) (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

6. По способам подачи семантизирующей информации (способы семантизации):

а) перевод:

"Одним из примеров, подтверждающих это, была судьба писателя Эдуарда Деккера (У1). Он печатался под псевдонимом "Мультипули" (Х). По-латыни это означает "Многострадальный" (У2) (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) перифраза:

"– А что это такое, воображение (X)?

Если бы мы ответили что-нибудь вроде того, что это "солнце искусства" (У1) или его "святая святых" (У2), то этот ответ завел бы нас в такие заумные чащи, что из них оставался бы только один выход – бегство от своего собеседника" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

в) сравнение:

"Сравнение, которое дало бы понять возникновение замысла, гораздо проще.

Замысел (X) – это молния (У). Много дней накапливается над землей электричество. Когда атмосфера насыщена им до предела, белые кучевые облака превращаются в грозные грозовые тучи и в них из густого электрического настоя рождается первая искра – молния" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

г) соотношение (ср. метонимия – М.В.Никитин, 1974, соотносящее определение – В.Зегет, 1977):

"Подробность (X1) теснейшим образом связана с тем явлением (MT), которое мы называем (MP) интуицией (X2)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Пилат (X1), это – который жил при Иисусе Христе (X2)? (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

д) описание (указание признаков):

"Я посмотрел в ту сторону, куда глядел дед, но ничего не увидел, кроме длинного мутного вала (У). Он быстро приближался. Я думал, что это подходит гроза (X1), но дед сказал:

– Так то ж суховой (X2)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

е) синонимическая замена:

"В народе любят говорить (МР), что туча не прошла (У), а свалилась (Х) (курсив авт.)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

ж)определение:

"Поэтому мы будем вынуждены ответить (МР) нашему собеседнику, что воображение (Х) – это свойство человеческой природы (У).

– Какое?

Это свойство человека, пользуясь запасом жизненных наблюдений, мыслей и чувств, создавать (У)наряду с действительностью вымышленную (А) жизнь, с вымышленными (А) людьми и событиями. (Конечно, все это надо сказать значительно проще)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

"Пушкин сказал (МР) о вдохновении точно и просто: "Вдохновение (Х) есть расположение души к живому приятию впечатлений (У), следственно, к быстрому (А) соображению понятий, что и способствует объяснению оных" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

з) этимологизация:

"Горизонт (Х1) – это все то, что может охватить наш глаз на земле (У1), или, говоря по-старинному (МР), все то, что "емлет око (У2)". Отсюда и происхождение слова (МТ) "окоем" (Х2)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

и) паронимическая аттракция (см., напр., О.И.Северская, 1988):

"Рядом с зарницей (Х1) стоит в одном поэтическом ряду слово (МТ) "заря" (Х2) – одно из прекраснейших слов (МТ) русского языка (МТ) (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

к) включение во множество:

"Поэтому после него (грибного дождя.– Н.С.) начинают буйно лезть грибы (У) – липкие маслята (Х1), желтые лисички (Х2), боровики (Х3),

румяные рыжики (X4), опенки (X5) и бесчисленные поганки (X5)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

л) комментирование (введение коннотативной информации значения):

"Из многих местных слов (МТ), которые я услышал, к примеру, во Владимирской и Рязанской областях, часть, конечно, непонятна (МР) и малоинтересна. Но попадаются слова (МТ), превосходные по своей направленности – например, старинное, до сих пор бытующее в этих областях слово (МТ) "окоем" (X) – горизонт (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

7. По роли семантизированных лексем в контексте произведения:

а) фоновая лексика – слова, предназначенные для описания историко-культурного фона, объективных реалий, в атмосфере которых разворачивается действие (см. термин "фоновая информация" – А.И.Федоров, 1983, с. 146).

"Для того, кто видел Москву всего каких-нибудь полгода назад, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить ее новая экономическая политика (У1) (нэпо (X), по сокращению (МТ), уже получившему права гражданства у москвичей)" (М.А.Булгаков. Торговый ренессанс).

б) лексика с ситуативно обусловленной семантизацией – необходимость семантизирующего сообщения задана условиями ситуации или возникает в ходе развития действия.

"Раз человек телеграфирует, что его зарезало, то ясно, что его зарезало не насмерть (не-У). Но причем же тогда похороны? (...) Слово (МТ) "меня" (X), без сомнения, попало сюда из другой телеграммы..." (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

в) семантизированная ключевая лексика – автор расшифровывает особенности семантики лексем, являющихся важными для понимания идейного смысла произведения, особенностей мировоззрения автора.

"(...) и трусость (X), несомненно, один из самых страшных пороков (У1). Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок (У2)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

Фоновая и ситуативно обусловленная лексика могут быть связаны по смыслу с ключевой лексикой, с ключевыми темами произведения, или такая связь может отсутствовать.

8. По выделенности/невыделенности семантизирующей информации в контексте:

а) нейтральная – объективизированная семантизация, несущая минимум сведений, необходимых для продолжения связного сообщения. Отсутствие акцента на семантизирующих сведениях.

"Где же это случилось? – спросила с сомнением Сузи.
– Я же тебе сказал – в Аннаме (X). В Индокитае (У)" (К.Г.Паустовский. Золотая роза).

б) экспрессивная – с выделением смыслового ядра семантизирующего сообщения, в том числе:

б-1) ингерентная (присущая содержанию сообщения – В.А.Чабаненко, 1984, с. 6) – передающая сведения, существенно отклоняющиеся от общеизвестных, общепринятых при экспликации особенностей данного явления, семантики лексемы:

"– А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова "добрые люди" (X)? Ты всех (У), что ли, так называешь (MP)?

– Всех (У),– ответил арестант,– злых (X2) людей нет на свете (У2)" (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

б-2) эксгерентная (присущая форме сообщения – см. там же) – передающая семантизирующую информацию с помощью выразительных средств, риторических приемов, которые иногда могут восприниматься как неуместные:

"Знаете ли вы, что такое сифилис (X)? (...) Сифилис,– затяжным образом, икая, говорил оратор,– штука (У1), которую схватить чрезвычайно легко (А)! (...) Вот тут какая-нибудь девушка ходит в красной повязке, радуется, Восьмые, там, марты всякие и тому подобное, а потом женится и, глядишь, станет умываться в один прекрасный день... сморкнется – и хлоп! Нос в умывальнике, а вместо носа, простите за выражение, дыра (А2)! (М.А.Булгаков. Праздник с сифилисом).

Эксгерентная экспрессия присуща также единицам авторской семантизации, формальное строение которых отклоняется от того, которое мы считаем типическим (см. раздел 2.2.2). Такой экспрессией обладают АС, особенности структуры которых описываются в данной классификации пунктами: 3в, 4б (б-01, б-2, б3), раздел 3.1.1. Экспрессией обладает семантизация с пропуском семантизированной лексемы, с лакуной семантизирующей информации, если пропуски маркированы и восстанавливаются читательским знанием.

В данной классификации, отражающей особенности формальной структуры единиц АС, несомненно, важнейшими характеристиками являются подразделение на объективизированную и субъективизированную семантизацию, нейтральную и экспрессивную, семантизацию фоновой, ситуативно обусловленной и ключевой лексики, семантизацию с лакунами и без них. Именно эти характеристики мы используем как основу для описания особенностей идиолектов исследуемых авторов.

3.2. КЛАССИФИКАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АС

Для описания особенностей значения слов, семантизируемых в единицах АС, мы вывели схему-классификацию, включающую в себя 16 компонентов лексического значения (рис. 4).

В основу классификации легли схемы Н.Г.Комлева (1969), И.А.Стернина (1979). Расположение компонентов построено по принципу возрастания степени абстракции, и в этом наша схема имеет аналогию со схемой Г.П.Мельникова (рис. 3).

Каждый компонент из включаемых нами в схему-классификацию так или иначе освещен в исследованиях по семантике, но ни разу они не были представлены в таком количестве и в той последовательности, что в нашей классификации. В этом состоит результат сделанного нами обобщения.

Компоненты внутренней структуры								
Д:	И	<u>Суб</u>	Об	<u>Явл</u>	КМ	<u>Абс</u>	<u>Отн</u>	СС
К:	Ч	Инд	<u>Соц</u>	ИК	СЦ	<u>Ст</u>	<u>Оцн</u>	<u>СмЗ</u>
Компоненты внешней структуры								

Рис. 4. Схема-классификация компонентов семантической структуры слова

Обозначения:

- Д – денотативный макрокомпонент
- К – коннотативный макрокомпонент
- И – "индекс" – указание на конкретный объект или

признак (ср, дейксис)

Суб – субъект (лицо; живое существо)

Об – объект (неодушевленный предмет: лицо, подвергающееся действию)

Явл – явление (включающее процессуальные признаки)

КМ – картина мира (включающая архисемы)

Отн – реляционный компонент (отношение)

СС – системно-структурный компонент

Инд – индивидуальный компонент

Соц – социальный компонент

ИК – историко-культурный компонент

СЦ – система ценностей

Ст – стилистический компонент

Оцн – оценочный компонент

СмЗ – смысловое значение

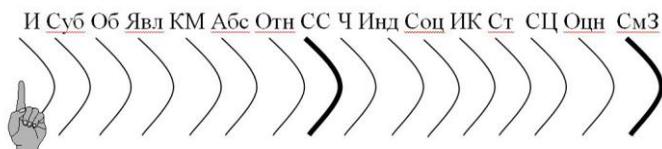

Рис. 5. Структура лексического значения

Данная схема-классификация, не детализируя значение на семы, дает возможность выявления того, какие смысловые акценты делает автор в

семантизирующем сообщении. В частности, в примерах из предыдущей классификации (3.1) выделяются такие акценты:

Таблица 3.2.1. Компоненты смысловой структуры семантизирующего сообщения

И: 3.1.1: 2 б-2, 4 б-2; 3.1.2: 3 а-1, 3 а-2, 6 д.

Суб: 3.1.1: 2 б-2.

Об: 3.1.1: 8 б.

Явл: 3.1.1: 1 а-1, 4 б-3; 3.1.2: 3 а-3, 8 б-2.

КМ: 3.1.1: 2 а, 3 а, -2, 3 б, 4 а-1, 4 а-2, 4 а-3, 4 б-1, 5 б; 3.2.1: 3 д, 4 а, 4 д, 6 к, 8 а, 8 б-1.

Абс: 3.1.1: 8 а.

Отн: 3.1.1: 1 а, -1, 1 а-2, 1 б, 3 а-1; 3.1.2: 6 б, 6 в, 6 е, 6 ж, 1 г.

СС: 3.1.1: 4 в, 5 а: 7 а, 7 б; 3.1.2: 1 а, 1 б, 1 в, 1 д, 1 е, 2 а, 4 в, 6 а.

Ч: 3.1.1: нет; 3.1.2: 3 б.

Инд: 3.1.1: 2 б-1, 6 а, 6 б, 6 в, 8 в; 3.1.2: 4 д.

Соц: 3.1.1: нет; 3.1.2: 7 а.

ИК: 3.1.1: 1 а-2; 3.1.2: 4 г.

СЦ: 3.1.1: 2 б-2, 5 б, 8 б; 3.1.2: 6 б, 7 в, 8 б-1.

Ст: 3.1.1: 5 а; 3.1.2: 6 л.

Оцн: 3.1.1: 7 а; 3.1.2: 5 б, 6 и, 7 в, 8 б-1.

СмЗ: 3.1.1: 3 в, 7 б; 3.1.2: 7 б.

Для краткого описания особенностей семантики лексем целесообразно использовать более простое подразделение на макроструктуры, включающие 3 компонента: денотативный, коннотативный макрокомпоненты и структурный компонент. Последний выделяется наравне с макрокомпонентами ввиду того, что писатели, как видно из таблицы, придают исключительно важное значение структурной информации.

ГЛАВА 4. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ ИДИОЛЕКТА ПИСАТЕЛЯ (на материале произведений К. Г. Паустовского, М. А. Булгакова)

4.1. ОСОБЕННОСТИ АДРЕСАЦИИ К ЧИТАТЕЛЮ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Г. ПАУСТОВСКОГО И М. А. БУЛГАКОВА

4.1.1. Некоторые аспекты восприятия и понимания творчества исследуемых авторов

Каждый талантливый писатель приходит в мир культуры со своей темой и интересен потому, что освещает такие области действительности, какие не смогли или не сочли нужным отразить другие художники слова. Это относится и к творчеству исследуемых нами писателей. Цель нашего анализа их текстов не в сравнении их произведений между собою (в силу неравноценности представленной в них художественной информации это было бы неуместно), а в выявлении особого, свойственного каждому из авторов, взгляда на мир, в отражении индивидуального отношения к слову как элементу языка, знаку с определенной семантикой.

В атмосфере мировой славы, какой окружено сейчас имя М. А. Булгакова, имя его талантливого земляка К. Г. Паустовского отступило в читательском сознании на дальний план, а между тем произведения К. Г. Паустовского обладают глубиной и своеобразием авторского мирозерцания. Они заслуживают серьезного прочтения и тонкого литературоведческого анализа.

Тем не менее нельзя не отметить, что произведения К. Г. Паустовского

с точки зрения читательского восприятия представляются более простыми, авторская позиция выражена в них более явно, чем в произведениях М. А. Булгакова.

М. А. Булгаков, по мнению зарубежных литературоведов, может быть справедливо отнесен к классикам мировой литературы (см. об этом И. Л. Галинская, 1990, Б. В. Соколов, 1991). Нельзя не отметить, что классиком мировой литературы М. А. Булгаков стал благодаря своему роману "Мастер и Маргарита" – "последнему закатному роману", книге, над которой писатель работал в течение двенадцати лет вплоть до самой смерти. Этот роман – произведение максимальной сложности и наибольшей художественной глубины по сравнению с другими значительными вещами писателя. В зарубежном литературоведении существует точка зрения, согласно которой, если бы М. А. Булгаков не написал роман "Мастер и Маргарита", его слава не перешагнула бы пределов его страны, или, возможно, он стал бы известен только как сатирик (см. И. Л. Галинская, 1990, с. 54). Эта точка зрения субъективна, т. к. М. А. Булгаков при жизни был достаточно известен за рубежом своей пьесой "Дни Турбиных". Однако такой взгляд отражает читательскую оценку актуальности и популярности, а значит, и большую степень понятности романа "Мастер и Маргарита" для зарубежного читателя в настоящее время.

К. Г. Паустовский еще при жизни получил признание среди зарубежного

читателя, его произведения неоднократно переводились, особенно во Франции. Его творчество получило высокую оценку И. А. Бунина (письмо

И. А. Бунина к К. Г. Паустовскому см. в 3-м томе шеститомного собрания сочинений К. Г. Паустовского – с. 789-790). Любопытен отзыв о творчестве К. Г. Паустовского, принадлежащий Л. Д. Троцкому (1990, с. 184). Л. Д. Троцкий, находясь в эмиграции, прочел книгу К. Г. Паустовского "Колхида", отметил не характерное для советских авторов высокое литературное мастерство писателя и сделал вывод, что автор прежде был моряком. Как известно, моряком К. Г. Паустовский не был, хотя одно время работал в рыбацкой артели. Дело в том, что

писатель считал своим долгом досконально изучать особенности описываемой среды и лексику, необходимую для ее возможно точного изображения.

В приведенных нами оценках творчества изучаемых писателей отразились особенности читательского восприятия, в том числе такая важная для нас черта читательской психологии, как невосприимчивость к тем особенностям смысла, которые не являются частью индивидуального (личного или почерпнутого из других книг) опыта читателя. Об этой особенности подробно писали Е. М. Верещагин, Е. Г. Костомаров в связи с проблемой преподавания иностранного языка (1980).

Продолжая тему читательской оценки творчества изучаемых писателей, отметим, что "Театральный роман" ("Записки покойника") в англоязычной критике оценивается как произведение неясное. Предполагают, что это связано с незавершенностью романа, но считают, что, и будучи завершенным, роман не стал бы шедевром. Э. К. Райт (A. C. Wright, с. 245), видит в романе "ряд плохо склеенных эпизодов".

С этим трудно согласиться отечественному читателю, знающему, о каком театре, о каких особенностях его работы идет речь. Точность в описании атмосферы театра, в отражении фактов – почти документальная (см. А. И. Смелянский, 1990). К тому же, советскому читателю хорошо знакома атмосфера, окружающая творческую личность и творческий коллектив в обстановке тоталитарного режима. Эта атмосфера, в частности, отражена в книге воспоминаний известной оперной певицы Галины Вишневской (Г. П. Вишневская, 1991).

Представляется парадоксальным, что самое сложное произведение М. А. Булгакова для зарубежного читателя оказалось и самым понятным. Как видим, однолинейной зависимости между понятностью и простотой изложения не существует, как нет ее между информативностью текста и степенью его художественной ценности для общества.

Читательское представление о меньшей сложности текстов К. Г. Паустовского по сравнению с текстами М. А. Булгакова можно обосновать тем, что в произведениях К. Г. Паустовского отсутствует или почти отсутствует недоговоренность, недосказанность, скрытый подтекст. Это связано с авторским кредо К. Г. Паустовского, изложение которого мы приводили в предисловии – все в тексте должно быть ясно, непонятных слов, которые "разрушают очарование прозы", не должно быть. "Непонятная, темная или нарочито заумная литература нужна только ее автору, но никак не народу" ("Золотая роза"). Следуя этому принципу, К. Г. Паустовский обильно вводит в авторский текст семантизацию лексических единиц.

Тем не менее было бы неверным полагать, что М. А. Булгаков, в отличие от К. Г. Паустовского, не стремился к тому, чтобы его произведения были понятны широким кругам читателей. Проблема понимания волнует любого литератора, который пишет не для славы в узком кругу и не из выгоды прослыть эстетом. М. А. Булгаков – не исключение.

Вот что пишет М. А. Булгаков, когда становится на позицию зрителей театральных спектаклей (эту позицию можно распространить и на читателя художественного произведения):

" – Мейерхольд – гений! (...) Не спорю. Очень возможно. (...) Но не следует забывать, что гений одинок, а я – масса. Я – зритель. Театр для меня. Желая ходить в понятный театр.

– Искусство будущего!! – налетели на меня с кулаками.

А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут" (Столица в блокноте).

М. А. Булгакова безусловно волновало, как будет воспринят смысл его любимого детища – романа о дьяволе. Писатель часто устраивал чтения

глав незаконченного романа, на которые приглашал друзей и близких знакомых (см. дневник Е. С. Булгаковой, 1990). Этими знакомыми – адресатами будущего произведения – были представители творческой, в том числе театральной, интеллигенции Москвы.

К этому кругу принадлежали и наиболее благодарные, понимающие читатели М. А. Булгакова и почитатели его таланта – зрители его спектаклей, слушатели его чтений. Писателя интересовала их реакция на его творчество, он прислушивался к их мнению, хотя, разумеется, не стремился ему потакать.

В. Я. Виленкин (1991, с. 380) вспоминает, как после чтения очередной главы романа, получившего впоследствии название "Мастер и Маргарита", М. А. Булгаков решил сыграть со слушателями в своеобразную игру – "угадайку", задавая всем один и тот же вопрос: кто такой Воланд? Е. С. Булгакова предложила всем написать ответы на листках бумаги, чтобы потом проверить, кто угадал. Сама она написала правильный ответ: "Сатана" (См. также отражение этого эпизода в дневнике Е. С. Булгаковой, 1990, с. 256.).

Таким образом, М. А. Булгакову важно было проверить, как понимают читатели некоторые особенности смысла его произведения. Писатель стремился стимулировать работу читательского сознания, задавая читателю "загадки", ответы на которые появляются в дальнейшем тексте.

Различия между представлениями о предполагаемом читателе у К. Г. Паустовского и М. А. Булгакова находят отражение в различных способах авторской семантизации в текстах этих авторов.

В произведениях К. Г. Паустовского преобладает авторская семантизация объективизированная, нейтральная, семантически достаточная для распознавания обозначаемых явлений, а значит, достаточная для адекватного понимания значения (а возможно, и для правильного словоупотребления – при отсутствии коннотаций). Это семантизация-тождество. Лакуны при семантизации, случаи нулевой семантизации, в которых заполнение пропусков предоставляется

самому читателю, игра известными и неизвестными смыслами, которую мы обнаруживаем в произведениях М. А. Булгакова, – все это в книгах Паустовского присутствует в крайне незначительном количестве. В основном у Паустовского семантизируется фоновая лексика. Ситуативно обусловленная семантизация связана с вопросами языковой нормы.

Эти особенности семантизации в книгах К.Г. Паустовского задают своеобразные отношения между автором и читателем: читатель – доверчивый, мало знающий о жизни и о мире, ученик; автор – добрый и зоркий, щедрый учитель, раскрывающий перед учеником мир.

В творчестве К. Г. Паустовского мы выявили особенность, которую считаем нужным обозначить как единство адресата. Оно заключается в следующем: хотя автор и предполагает, что у людей, читающих его, различные вкусы и характеры, но при создании своих произведений писатель ориентируется на один и тот же тип личности. Адресат К. Г. Паустовского – личность обобщенная, идеализированная, но, очевидно, имеющая свое воплощение в реальности. Данный тип личности, по-видимому, не так уж редок, поскольку произведения К. Г. Паустовского обладают немалой популярностью. Изображаемый К. Г. Паустовским тип характера – молодой человек, романтик, или человек среднего возраста, мастер-творец, влюбленный в свое ремесло, поэт своего дела, сохраняющий в душе черты ребенка – тип, близкий самому автору.

"Пишите так, как вы пишете письма близким вам людям, которых вам не нужно остерегаться", – этот совет К. Г. Паустовского вспоминает участник литературного семинара, руководимого писателем, – Л.Кривенко (1975, с. 202).

На материале творчества К. Г. Паустовского находят объективное подтверждение исследования, проводимые В. П. Беляниным (1988), доказывающие, что у литературы определенных жанров есть свой читатель, чьи психологические особенности похожи на личностные особенности авторов, пишущих в этих жанрах.

В произведениях М. А. Булгакова обнаруживаем противоположную тенденцию – тяготение к множественности адресатов. М. А. Булгаков адресует свои произведения минимум двум, максимум – четырем адресатам различных типов, и эти типы читателей в основном не связаны между собой или связаны только изредка в отдельных произведениях.

Четыре типа адресата мы считаем возможным обозначить следующим образом, расположив их по иерархии – по мере возрастания уровня компетенции предполагаемого читателя:

- 1) читатель, сходный с ребенком
- 2) читатель, сходный с героем (героями)
- 3) читатель, сходный с автором
- 4) читатель-нададресат.

Соответственно, уровни понимания информации и уровни компетенции, представляемые в произведении для каждого из указанных типов читателей, мы обозначим следующим образом:

- 1) уровень ребенка
- 2) уровень героя
- 3) уровень автора
- 4) уровень нададресата.

В произведениях К. Г. Паустовского можно проследить, помимо обращения к основному, указанному нами типу адресата, также и обращение ко всем названным четырем уровням. Однако К. Г. Паустовский, в отличие от М. А. Булгакова, стремится найти то общее,

что объединяет эти уровни, для того, чтобы по возможности добиться единства восприятия.

Как отмечали исследователи творчества К. Г. Паустовского, лирический герой писателя сходен с авторским "я", каким оно предстает на страницах автобиографических книг, а различные герои представляют собой тип одного и того же человека, или же вариацию одного и того же образа (В. Е. Ковский, 1963, с. 52, А. С. Ачкасова, 1977, с. 21).

Кроме того, в творчестве К. Г. Паустовского есть тенденция к объединению не только уровня автора и уровня героя (о чем свидетельствовалось выше), но и объединения этих уровней с уровнем ребенка. Отдельные произведения прямо адресованы детям (сказки "Растрепанный воробей" и др.). Повесть "Далекие годы" первоначально была задумана для юношества, предполагалось издание ее в "Детгизе" (см. об этом: В. А. Левицкий, 1977, с.192).

Вот что пишет сам К. Г. Паустовский о том, каким видит он своего адресата:

"Но я знаю, для кого я буду писать. Я буду говорить со всем миром. Трудно, почти невозможно зрительно представить себе это понятие – весь мир.

Всегда думаешь о ком-нибудь одном, хотя бы о девочке с нестерпимо сияющими глазами, что когда-то бежала мне навстречу по лугам (...)" (Золотая роза).

А вот как писатель мотивирует эстетическое требование ясности выражения мысли в художественном тексте:

"Для того, чтобы нам самим стали более или менее ясны некоторые понятия, лучше всего разобраться в них так, как идут разговоры с детьми. (...) Дети требуют ясности" (Золотая роза).

Таким образом, уровень ребенка объединяется также с уровнем наддресата – высшего судьи писательского творчества, – по критериям не только эстетическим, но и по развитому в детях и в молодых людях чувству нравственного максимализма.

Следует отметить, что именно точка зрения К. Г. Паустовского о необходимости писать так, чтобы было понятно ребенку, дала нам основание выделить первый уровень адресации – уровень ребенка.

Известно, что ребенку или человеку очень молодому, юному (мы намеренно объединяем относительно различные возрасты, чтобы подчеркнуть то общее, что им присуще) позволительно не знать в жизни многое, что должно быть известно взрослому. Следовательно, основываясь на тех же принципах, что используются при общении с ребенком, можно построить интересный и занимательный рассказ о чем-либо неизвестном, малоизвестном, непонятном – рассказ, который будет интересен и взрослому. На этом принципе основано, в частности, изложение нового в научно-популярной литературе.

Известно, что взрослые часто получают удовольствие от чтения литературы для детей, любят смотреть кинофильмы с по-детски простым сюжетом. В каждом взрослом читателе или зрителе "сидит" читатель или зритель – ребенок.

Американский психиатр Э. Берн в своей книге "Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры" (1992) постулировал идею о том, что в личности каждого взрослого индивида заключаются три относительно автономные личности с различным отношением к жизни и различными поведенческими реакциями. Это Взрослый, Родитель, Ребенок. Взрослый – самостоятелен, может не нуждаться в помощи и защите, стремится сам справиться с трудностями. Ребенок – несамостоятельный, наивно смотрящий на жизнь, нуждающийся в покровительстве и желающий его получить. Родитель – тот, кто оказывает покровительство, кто способен жалеть и прощать слабого, тот, кому необходимо опекать других, заботиться о ком-либо. В разных ситуациях один и тот же человек может проявлять черты то Взрослого, то Ребенка, то Родителя.

Таким образом, выделение нами по крайней мере трех уровней адресатов находит свое психологическое основание. Для понятия "наадресата" (термин М. М. Бахтина, 1979, с. 305-306) можно провести аналогию с понятием "сверх-Я", разработанным З. Фрейдом (1990).

Выделение уровня героя (аналогия со Взрослым в терминологии Э. Берна) обосновывается известной психологической особенностью сближения читательского "я" и "я" героя, сближения, которое в какой-то момент может доходить до полного отождествления (С. Т. Золян, 1988, с.98).

Выделение уровня автора (аналогия с Родителем в терминах Э. Берна) основывается на особенностях, проявляемых в произведениях, где присутствует лирическое начало: лирический герой максимально сближается с авторским "я", а читатель предполагается понимающим все тонкости лирического переживания. И, следовательно, максимально близким автору (см. лирическое повествование в романе М. А. Булгакова "Записки покойника").

Мы сближаем уровень автора с понятием Родителя, поскольку автор в какой-то мере "родитель", создатель своих героев, знает о них все, способен предсказать, объяснить и оценить их поступки, чего зачастую не могут сами персонажи. И несомненно, автор обладает более высоким уровнем знания.

Под термином "наадресат" мы, вслед за М. М. Бахтиным, понимаем личность (как реальную, так и обобщенную) или же группу лиц, которую автор считает вправе оценивать его произведения и его позицию, в них выраженную, подобно тому, как сам автор оценивает деяния своих героев, – по объективным критериям добра, справедливости, красоты, художественности и т. п.

Таким наадресатом для К. Г. Паустовского был, по крайней мере дважды, И. А. Бунин – в первый раз, когда прислал К. Г. Паустовскому,

тогда еще начинающему литератору, открытку с отзывом на стихи и советом перейти от стихов к прозе (см. об этом: Л. А. Левицкий, 1977, с. 65) и второй раз – прислав отзыв с высокой оценкой рассказа "Корчма на Брагинке" из повести "Далекие годы" (см. выше). Наадресатом для К. Г. Паустовского в раннем периоде творчества выступал А. М. Горький. Начинаящий писатель хотел отправить ему для чтения одну из своих первых несохранившихся повестей (см. об этом: Л. А. Левицкий, 1977, с. 67). Позднее А. М. Горький высоко оценил первые повести К. Г. Паустовского "Судьба Шарля Лонсевиля" и "Кара-Бугаз" (там же).

М. А. Булгаков в определенный период жизни хотел видеть в роли наадресата И. В. Сталина – самое высокопоставленное лицо в стране, не раз обращался к нему с письмами, где ставил вопрос о своей литературной судьбе (Правительству СССР 28 мая 1930 г; письмо И. В. Сталину, 10 июня 1934 г. и др.). Пьеса "Батум", где И. В. Сталин выведен в качестве главного героя, по существу обращена к тому же наадресату.

Б. М. Гаспаров усматривает в этих поступках М. А. Булгакова сознательную аналогию с поступком А. С. Пушкина, который обращался с письмом к Николаю I с просьбой быть его первым цензором (Б. М. Гаспаров, 1989, с. 87).

В творчестве самого М. А. Булгакова можно найти параллель к этому поиску реального наадресата-судьи – в обращении Мольера за покровительством к Людовику IV.

Однако несомненно, что И. В. Сталин – лицо, от которого зависела судьба М. А. Булгакова, – безусловно, не единственная личность, от которой писатель надеялся получить адекватную оценку своего творчества. Трагедия писателя, помимо других факторов, заключалась в том, что адекватного понимания среди современников он, за немногими исключениями, не находил.

4.2. СИСТЕМНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИССЛЕДУЕМЫХ АВТОРОВ

В повести К. Г. Паустовского "Золотая роза" (2-я ред., 1963 г.) обнаруживаем 828 семантизированных единиц (включая разные ЛСВ). Семантизированных имен собственных – 372. Группа семантизированной лексики, не включающая собственные имена (1), представлена в таких соотношениях: семантизация денотативного компонента (Д) – 131 ед., структурного (С) – 55 ед., коннотативного (К) – 59 ед., денотативного и структурного (Д,С) – 44 ед., денотативного и коннотативного (Д,К) – 84 ед., денотативного, структурного и коннотативного (Д,С,К) – 72 ед., структурного и коннотативного (С,К) – 11 ед. В группе собственных имен (2) – 372 ед., в т. ч. С архисемой в составе названия (типа Средиземное море) – 48, семантизированных с указанием на архисему – 159, семантизированных через структурный компонент – 29. Объективизированная семантизация в 1-й группе – 797 ед. (93,8%), во 2-й – 358 ед. (96,5%).

В романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита" группа семантизированной лексики, не включающая СИ, содержит 74 ед., группа СИ – 132 ед. Объективизированная семантизация в 1-й группе – 20 ед. (27%), во 2-й – 124 ед. (93,3%). Семантизация СИ с архисемой в составе наименования – 42 ед., семантизация с указанием на архисему – 78 ед., семантизация через структурный компонент – 14 ед. Конкретные особенности семантизации СИ в произведениях М. А. Булгакова рассматриваются в 5-й главе.

4.3. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИДИОЛЕКТА К. Г. ПАУСТОВСКОГО

4.3.1. Семантизация фоновой лексики

Анализ особенностей авторской семантизации в произведениях К. Г. Паустовского обнаруживает существенное преобладание семантизированной фоновой лексики.

Семантизация фоновой лексики может представлять историко-культурную информацию, при условии что данная семантизация – объективизированная, т. е. представляющая собой по возможности точное изложение сведений. Семантизация фоновой лексики служит для описания фона разворачивающихся событий, для создания у читателей образного представления о них. Сам термин "фондовая информация" принято использовать в теории перевода (А. И. Федоров, 1983, с. 146).

Фоновая лексика наиболее сложна для перевода на другой язык, ибо, как правило, она безэквивалентна, т. е. передает локальные (связанные с данной местностью и за пределами ее неизвестные) реалии и локальные характеристики некоторых понятий. Сходная особенность – локализация описываемых явлений и соответствующих лексических обозначений в определенной эпохе и забвение этих обозначений в живом словоупотреблении в последующие эпохи – позволила Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову (1980) объединить передаваемые фоновой лексикой смыслы в понятие "лексического фона", в котором ими выделяются синхронические и диахронические доли.

Безэквивалентность этой группы лексики (полная, когда в языке реципиента отсутствуют обозначения соответствующих реалий, или частичная, когда не совпадают только периферийные семы) и объясняет необходимость семантизации фоновой лексики.

Другая причина семантизации фоновой лексики кроется в том, что способностью воссоздавать конкретные образы в сознании реципиента обладают только известные ему слова.

В отличие от знаков в изобразительных искусствах, где можно передать изображения непосредственно при помощи самого знака, оставив в сознании реципиента соответствующие образы, словесный знак передает образ только тогда, когда имеется договоренность – сопоставление с ранее известными образами и фиксация образа в акте номинации. Незнакомое слово либо совсем не вызывает образов, либо может вызвать неверные, неточные или искаженные ассоциации, связанные с субъективным восприятием внутренней формы адресатом.

Именно путем демонстрации признаков или сравнением с уже известными образами (зрительными, слуховыми и др., но чаще всего зрительными) и усваивается значение слов, содержащих наглядно-образную информацию. Так, освоение основного значения слова красный ('обозначение цвета') происходит путем прямого указания на соответствующий цвет (А. Вежбицка, 1983, с. 240). Наглядно-образную информацию в семантике слова можно отождествить с эмпирическим компонентом значения.

Семантизация фоновой лексики производится К. Г. Паустовским при помощи указания на обобщающее понятие и сопровождается описанием объекта.

Таким образом, К. Г. Паустовский, семантизируя разнообразную фоновую лексику, рисует перед читателем образы описываемых явлений.

Большое количество семантизированной фоновой лексики присутствует во многих произведениях К. Г. Паустовского крупной формы. Семантизирующее сообщение вводится в ткань произведения. В некоторых ранних повестях (например, в повести "Судьба Шарля Лонсевилья") редкая лексика семантизируется при помощи авторских подстрочных примечаний. Впоследствии К. Г. Паустовский отказался

от примечаний, а стал вводить семантизирующую информацию непосредственно в текст. Высказывание об отношении К. Г. Паустовского к сноскам мы приводили во введении.

Семантизирующая информация в произведениях К.Г. Паустовского включается в текст в основном нейтрально, незаметно для читателя. Л. А. Левицкий, исследователь творчества К. Г. Паустовского, отмечает стилистическое мастерство писателя, с которым тот водит в текст информацию о незнакомых читателю словах: "Как правило, специальные термины научного и морского обихода и архаизмы поставлены в контекст общепринятых слов и выражений. Кроме того, они тут же сопровождаются синонимами. Когда мы, например, читаем такую фразу, как "До бухты Киндерли мы плыли, преодолевая южный ветер – моряну, несущий из пустыни пыль и запах серы", то понимаем, что пояснение слова "моряна" сделано и Жеребцовым (герой повести "Кара-Бугаз". – Н. С.) для адресата и Паустовским для читателя. Но сделано это без малейшей натяжки, естественно и убедительно" (Л. А. Левицкий, 1977, с. 102).

Семантизация фоновой лексики у К. Г. Паустовского – отражение опыта индивидуального познания мира. Автор делится с читателем также опытом познания языка, узнавания новых слов, дающих возможность описать мир во всем его многообразии.

Писатель непрерывно пополнял свой лексический запас, ведя собственные словарные записи. Об этом есть признание на страницах повести "Золотая роза":

"Мысль о том, чтобы собрать слова, имеющие отношение к природе, пришла мне в голову в тот день, когда на луговом озере я услышал, как хриловатая девочка перечисляла разные травы и цветы.

Словарь этот будет, конечно, толковым. (...)

Я даже начал делать кое-какие записи для этого словаря, но, как водится, растерял. (...)

У некоторых наших писателей, насколько я знаю, есть такие "личные"

словари. Но они их никому не показывают и упоминают о них неохотно".

По существу, подобный словарь представляет собой работу автора над формированием и фиксацией собственного идиолекта. Если подобные записи существуют в писательских архивах (сохранились ли такие записи в архиве К. Г. Паустовского, помимо тех, что цитируются им в "Золотой розе", нам установить не удалось), то сами по себе они представляют громадный интерес для текстологов и лингвистов, изучающих особенности писательских идиолектов. Однако следует учесть, что сами авторы не заинтересованы в сохранении и обнародовании подобных записей, потому что они представляют собой подготовительные материалы к произведениям – часть литературной "кухни", которая должна оставаться "за кадром" художественного текста и создаваемых образов.

Тот факт, что К. Г. Паустовский раскрывает некоторые особенности этой "кухни" – основу литературного мастерства – обусловлен темой книги "Золотая роза". Толчком к созданию книги послужили занятия семинара художественной прозы, которые проводил писатель в конце 1940-х годов в Литературном институте. Сама тема занятий приводила к необходимости рассказывать об основах литературного мастерства, о "тайнах ремесла", с тем, чтобы помогать молодым прозаикам исправлять неудачи, избегать провалов.

Как видно из содержания книги "Золотая роза", информация об особенностях процесса создания литературных произведений и, в частности, некоторых собственных книг К. Г. Паустовского, важна для автора не тем, что могла бы научить кого-то писать свои собственные произведения (можно ли научить человека быть писателем – вопрос спорный), а тем, что книга помогает читателю учиться понимать художественное произведение, глубже постичь его эстетические особенности, а значит, и глубже проникать в его смысл.

Таким образом, "Золотая роза" в существенной своей части представляет собой метатекстовое сообщение – информацию о том, как

надо воспринимать и понимать другие тексты, в том числе и произведения самого К. Г. Паустовского.

Фоновая лексика, семантизированная в единицах АС в произведениях К. Г. Паустовского, крайне разнообразна. Многие из семантизированных слов связаны с образами и представлениями, дорогими для писателя, а следовательно, присоединяющими личностный смысл, индивидуальный и оценочный (положительно-оценочный) компоненты. К этим словам принадлежат обширные группы лексики в "Золотой розе". Вот что говорит об этих словах сам писатель:

"Думая об этих словарях, особенно о словаре "природных" слов, я делил его на разделы: слова "лесные", "полевые", "луговые", слова о временах года, о метеорологических явлениях, о воде, реках и озерах, растениях и животных".

Группа морских терминов представлена в главе "Словари". Интересовали писателя также слова, связанные с различными профессиями. Сам К. Г. Паустовский переменил множество профессий, прежде чем почувствовал, что обладает достаточными знаниями того, чтобы стать профессиональным литератором. К. Г. Паустовский всегда испытывал уважение к человеку-труженику, мастеру своего дела, и отразил это уважение в своих книгах.

Писатель выделяет также группу лексики, связанную с обозначением различных товаров (семантизация слова товароведение и сопутствующая информация). Интерес к этой группе связан с возможностью точного обозначения различных предметов, а также с чувством восхищения людьми, придумывающими и создающими оригинальные вещи.

Итак, можно сказать, что фоновая лексика у К. Г. Паустовского представлена двумя большими группами:

природа творчество людей

ботаника, предметы быта

геология, особенности профессий

метеорология искусство

и т. п.

Взаимосвязь между этими группами устанавливается ключевым словом шедевр.

Среди семантизированных слов в произведениях К. Г. Паустовского нами почти не обнаружено лексем, авторская семантика которых отличалась бы от семантики этих слов в общенародном языке. Исключение составляют слова воображение, романтика.

В том, что писатель не трансформирует значения слов языка, которым пользуется, проявляется его стремление к классической чистоте и точности речи, знание богатств языка и умение ими пользоваться. Рассказывая о своем индивидуальном восприятии слов, означающих явления природы, писатель не придумывает коннотации, а раскрывает те поэтические ассоциации, которые уже есть в русском языке по отношению к этой группе лексики.

4.3.2. Ситуативно обусловленная семантизация

Ситуативно обусловленная семантизация представлена в творчестве К. Г. Паустовского, в отличие от произведений М. А. Булгакова (см. далее), немногочисленной группой лексики.

Среди лексем, семантизация которых обусловлена особенностями ситуации, некоторые слова представлены как лингвистические загадки: по форме словесного знака нужно угадать значение. Такие загадки придают повествованию занимательность. Как правило, "загадочные" слова расшифровываются в тексте сразу же, в пределах двух-трех абзацев.

"Объявление, начинавшееся с перечисления буфетов, столов и умывальников, кончалось так: "40 табурети, 138 здули (X)". Эти "здули (X)" не давали капитану покоя; спросить же прислугу он не решился – пожалуй, засмеют.

(...) В один из вечеров после этой встречи капитан был настроен радостно: загадочное (MP) слово (MT) было внезапно расшифровано. (...) "Да ведь это стулья (Y), подумал он и захохотал. – Сто тридцать восемь стульев (Y), черт их дери"" (Блистающие облака).

"Почему Есенин сказал "ветряный свей (X)"? Очевидно, это понятие (MT) было как-то связано (MP) с ветром (Y1). Но как?

Узнал я смысл этого слова (MT) от писателя-краеведа Юрина.

(...)

– Вы знаете, как это называется (MP)? – спросил меня Юрин и показал на песчаную рябь (Y2).

– Нет, не знаю.

– Свей (X), – ответил Юрин. – Ветер свевает (Y3) песок в эту рябь. Потому и такое слово (MT)" (Золотая роза).

Важнейшее значение придает писатель постижению связей между внутренней формой слов и особенностями их семантики. Раскрывая свое понимание этих связей в семантизирующих сообщениях писатель таким образом объясняет, на каких ассоциациях основывается его собственное чувство языка, требующее, чтобы эти слова употреблялись в определенных контекстах и запрещающее их употребление в других контекстах.

"Очень благозвучно слово (MT) "Стожары (X)" – так (...) народ называет (MP) созвездие Ориона (Y1). Это слово (MT) по созвучию

вызывает представление о холодном небесном пожаре (У2)" (Золотая роза).

Ср. также пример со словом **зарница**.

Многие единицы АС в тексте "Золотой розы" раскрывают смысловые особенности лексем, связанные с понятиями языковой нормы, правильности речи (см. Планерское, однако – примеры на с. 126, 131). Вопросам правильности речи посвящен рассказ К. Г. Паустовского "Живое и мертвое слово". Он свидетельствует о том, как важно было для писателя сохранить классическую чистоту собственного стиля повествования, классически-чистое, подчиненное нормам и традициям, словоупотребление.

В стиле К. Г. Паустовского прослеживается четкое разграничение "своего" и "чужого" слова. Отражение неправильностей разговорной лексики характерно только для диалогов персонажей, а в тех случаях, когда чужая речь проникает в повествование от лица автора, появляются кавычки и метапредикаты, служащие сигналом подобного включения (см. примеры на с. 102, 112, 114).

Для стиля К. Г. Паустовского нетипично использование игры слов. (Данный прием характерен для творчества А. М. Горького – М. А. Борисова, 1962, В. П. Ковалев, 1975, Т. В. Бузанова, 1991, и др.). У К. Г. Паустовского семантизация путем игры слов присутствует как отражение чужого высказывания:

" – Вот, – сказал Олеша, – все, в том числе вы, считают Диогена главой циников (X). А какой он циник (не-X)! Он робкий бестолковый (У) старик" (Золотая роза).

Здесь обыгрывается семантика слов **циники** (в современном языке: киники) – последователи философской школы, полагавшей смысл жизни исключительно в добродетели, проповедовавшие аскетизм и отвергавшие господствующую мораль; циник – циничный человек

(Словарь Ушакова), ср. **цинизм** – 'наглое, бесстыдное поведение и отношение к чему-н., проникнутое пренебрежением к нормам общественной морали, нравственности' (Словарь Ожегова).

4.3.3. Семантизация ключевой лексики

В группе индивидуально-значимой ключевой лексики, семантизируемой в произведениях К. Г. Паустовского, особенно выделяются слова, связанные с искусством, творчеством (в "Золотой розе"), с человеческими взаимоотношениями. "Дружба (У) (...) величайшее из человеческих чувств (У)", – говорит Невская, героиня повести "Колхида".

Высоко ценимое К. Г. Паустовским качество человеческой личности – героизм:

"Одесситы и сейчас (...) такие же мужественные (А1), веселые (А2) и смешливые (А3), как всегда. (...) И я могу поручиться, что где-нибудь мы увидим старых, ни перед чем не сдающихся (У) одесситов (У). А это тоже своего рода героизм (Х)" (Золотая роза).

Характерно, что когда речь идет о системе ценностей, К. Г. Паустовский семантизирует слова, относящиеся к положительному полюсу ценностей, а М. А. Булгаков – слова, относящиеся к отрицательному полюсу (трусость, зависть).

Для понимания особенностей мировоззрения К. Г. Паустовского следует обратить внимание на семантизацию слова **шедевр**:

"За несколько дней до встречи с журавлями один московский журналист попросил меня написать статью о том, что такое (МР) "шедевр" (Х) и рассказать о каком-нибудь шедевре (Х) (...)

Сейчас, на реке, я подумал, что шедевры (X) существуют не только в искусстве (A1), но и в природе (A2). (...) Каждый осенний лист (Y1) был шедевром, тончайшим слитком из золота, обрызганном кинovarью и чернью.

Каждый лист был совершенным творением природы (Y2), произведением (Y3) ее таинственного искусства, недоступного нам, людям. Этим искусством уверенно владела только она, только природа, равнодушная к нашим восторгам и похвалам" (Наедине с осенью).

Эта семантизирующая информация открывает нам К. Г. Паустовского как человека, чье мировоззрение приближается к религиозному. Проводится аналогия между природой и произведениями человеческого гения, мысль о том, что природа могла быть сотворена вдохновенным художником, чье искусство выше человеческих возможностей.

В семантизирующей информации о слове воображение, которая занимает целый рассказ (в повести "Золотая роза"), К. Г. Паустовский употребляет слова "святая святых". В центре мировоззрения К. Г. Паустовского – личность творца, демиурга, человека, вдохновленного высшей идеей – исправить мир к лучшему. Информация о слове воображение обогащена, по сравнению с общеязыковой информацией, индивидуально-авторским личностным смыслом, который восходит к идеям любимого К. Г. Паустовским Александра Грина.

Воображение, согласно К. Г. Паустовскому, не тождественно фантазии, то есть способности представить себе что угодно, – оно является положительным началом, творческой силой, зовущей воплощать прекрасную мечту в реальность. Понятие "воображение" в трактовке К. Г. Паустовского сближается с понятием "мечта" в произведениях Александра Грина.

Слово **романтика** представлено в "Золотой розе" фантастической семантизацией: это наименование некоего ветра.

"Этот ветер (Y) был назван (MP) Романтикой (X) (речь идет об атмосфере произведений В. Гюго)".

Прописная буква в слове романтика не придает лексеме статус имени собственного, а призвана подчеркнуть важность этого понятия в системе общечеловеческих ценностей, а также индивидуальную значимость его для автора.

"Приходит ночь, и постепенно оживает сила души (У), – ей пока нет имени (МТ). Как назвать (МР) ее? Воображением (Х1), фантазией (Х2), проникновением (Х3) в мельчайшие поры человеческого сознания, вдохновением (Х4)? Душевным восторгом (Х5) или спокойствием (Х6)?

Радостью (Х7) или печалью (Х8)? Кто знает!" (Золотая роза)

Очевидно, это ощущение, в котором сливаются мечта и порыв к творчеству, связано у К. Г. Паустовского с представлением о романтике. То, что данное понятие является индивидуально-значимым, ценностным для автора, подтверждается названием его первого романа – "Романтики", где отражен внутренний мир героя – литератора, мечтателя, поэта в душе, человека, влюбленного в красоту мира.

4.4. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИДИОЛЕКТА М. А. БУЛГАКОВА

4.4.1. Несемантизированная лексика

"Я знаю пять языков, кроме родного (...) – английский, французский, немецкий, латинский и греческий. Ну, немножко еще читаю по-итальянски". Эти слова Мастера – главного героя романа "Мастер и Маргарита" – применимы и к самому М. А. Булгакову. Писатель знал несколько языков, свободно говорил на французском и на немецком. К этому следует добавить знание украинского языка в объеме,

достаточном для того, чтобы отличить нормированную, кодифицированную речь от неправильной, некодифицированной.

В литературном даровании М. А. Булгакова несомненно присутствовала и филологическая жилка. Мы имеем в виду отношение писателя к слову не только как материалу, из которого создается ткань произведения, но и интерес к особенностям слова как отдельно взятого элемента знаковой системы: к происхождению слова, к многозначности, к способности слова передавать зрительные образы, к ассоциативным связям между словами, к проблемам языковой нормы.

В. Я. Виленкин (1991, с. 369) в своих воспоминаниях рассказывает, как поразило его обилие словарей на книжных полках в квартире писателя. Е. С. Булгакова (1990) в своем дневнике неоднократно отмечала, что М. А. Булгаков любил справляться о значении какого-либо необычного слова, заглядывая в словари, особенно в любимый им словарь В. И. Даля.

В своих произведениях М. А. Булгаков обнаруживает знание иностранных языков, вкрапляя в текст не только отдельные иностранные слова, но и фразы – варваризмы. Как правило, эти высказывания на иностранных языках автором не семантизируются. Например, в четвертом действии пьесы "Бег" звучат реплики на французском, турецком, английском, итальянском языках.

Иногда их значение устанавливается из контекста; а порой автор с помощью других действующих лиц подсказывает их расшифровку "в общих чертах".

"Милославский. (...) Интересно бы хоть в общих чертах узнать, что ему требуется... Так сказать, идея... смысл... (...) Я, как назло, в шведском языке не силен, а царь нездоров...

Дьяк. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!.." (Иван Васильевич).

Отсутствие семантизации высказываний на иностранных языках говорит о том, что писатель ориентируется по меньшей мере на два различных типа читателей, по уровню их знаний и образования. Первый тип читателя – читатель, понимающий данные высказывания без перевода, владеющий иностранными языками, обладающий высоким уровнем культуры и образования, приближающимся к уровню, которым обладал сам писатель. Второй тип читателя – читатель с низким уровнем образования, не владеющий иностранными языками и затрудняющийся объяснить семантику многих слов, но способный догадаться, о чем идет речь, и воспринимающий иноязычные слова как своеобразную музыку.

Образованному читателю известно значение французских выражений, употребляемых в романе "Мастер и Маргарита": "Мерси!" ('спасибо'), "Авек plezier!" ('с удовольствием'). На понимание образованного читателя рассчитаны реплики на немецком языке в повести "Собачье сердце", которыми пользуются Преображенский и Борменталь, чтобы их не понял Шариков.

Писатель не считал нужным упрощать свои произведения для понимания малообразованного адресата, а сочетал в них информацию, рассчитанную на разные уровни знания. (В самом сложном произведении – романе "Мастер и Маргарита" – можно выделить все 4 уровня (типа) читателей, о которых говорилось выше.)

Позиция писателя по отношению ко второму типу читателя неоднозначна. Иногда автор резко иронизирует над невежеством такого рода людей (рассказ "Неделя просвещения", реплика под названием "Иностранное слово "мотивировать"" в фельетоне "Самоцветный быт"), а порой становится на сторону малограмотного человека (фельетон "Золотые корреспонденции Федора Федоровича Капорцева", рассказ "Они образованность свою хочуть показать...", в котором речь идет о неуместности многочисленных иностранных слов в лекции о международном положении).

Такая неоднозначность отношения к читателю связана, на наш взгляд, с тем, что писатель, в отличие от многих его коллег по перу, исполнявших "социальный заказ", не обнаруживал среди малообразованных слоев населения некоего единого представителя социального типа, человека из народа, и потому не изображал в своем творчестве "типичных представителей народных масс". Каждый персонаж, даже эпизодический, обладает у писателя неповторимой индивидуальностью. (К. Г. Паустовский, говоря о том, что литература должна быть понятна народу, по-видимому, ощущал или хотел видеть в своих читателях такое единство.)

Самыми яркими представителями народа являются у М. А. Булгакова образы полярные: агрессивный, опасный для окружающих Шариков и страдающий, но внутренне вырастающий после всего пережитого Иван Бездомный.

Характерно, что прием включения в текст отдельных фраз – варваризмов, который мы бы назвали языковой полифонией, М. А. Булгаков намерен был использовать и в пьесе "Батум". В массовых сценах пьесы должны были звучать реплики на грузинском языке, дублирующие содержание русских реплик, о чем в пьесе есть соответствующие ремарки. Писатель стремился передать музыку иноязычной речи и таким образом воссоздать своеобразие атмосферы действия.

Еще одна характерная особенность авторских вкраплений иноязычной речи в русский текст у М. А. Булгакова – передача варваризмов преимущественно средствами русской графики. Это ведет к незначительному искажению фонетических особенностей чужого языка (это касается также и некоторых украинских слов и выражений), но достигается фонетическое единство с русским текстом.

Сходную особенность имеет в виду Б. М. Гаспаров (1988, с. 97), говоря о "языковом единстве" текста романа "Мастер и Маргарита": иноязычные слова не воспринимаются как чужие, оказываются понятными.

Однако в романе "Мастер и Маргарита" обращают на себя внимание два непонятных несемантизированных слова, представляющие собой архаизмы – лексемы, обозначающие хорошо знакомые реалии, называемые в современном языке по-другому. Это слово **кенкеты** и словоформа в выражении **дом покоем**.

В употреблении архаизмов, в отличие от использования историзмов, с точки зрения читателя нет необходимости, т. к., вводя непонятные обозначения привычных явлений – архаизмы, автор усложняет восприятие текста. Онм нужны автору, чтобы сообщить субъективно важную информацию.

В примечании к роману "Мастер и Маргарита" в пятитомном собрании сочинений, в соответствии с толкованием в Словаре Даля, имеется семантизация слова **кенкет**: 'комнатная лампа, в которой горелка устроена ниже масляного запаса'. Однако представляется, что вряд ли указанные светильники были масляными, поскольку слово **кенкеты** употребляется и в описании интерьеров Независимого театра – МХАТа в "Записках покойника". Очевидно, светильники были электрические, переделанные из масляных или стилизованные под них.

Выражение **дом покоем** повторяется в романе "Мастер и Маргарита" дважды (в главах 7-й и 27-й). В примечании к пятитомному собранию сочинений М. А. Булгакова дается его толкование: **покой** – старинное название буквы "П" в старославянской азбуке и в русском дореволюционном алфавите. Здесь ключевое для М. А. Булгакова слово **покой** выступает в необычном лексико-семантическом варианте. Оно вступает в авторскую ассоциацию со словом **дом**. Б. М. Гаспаров (1989, с. 84) толкует булгаковское **покой** как 'приют' (глава 32-я называется "Прощение и вечный приют"). Отметим, что такое толкование сопоставимо с семантикой: **покой** – 'комната, горница, палата' (Словарь Даля). Ср. также: **покои**, мн. ч. – 'внутренние помещения, комнаты' (Словарь Ожегова).

Психиатрическую лечебницу, где до того находился Мастер, писатель называет домом скорби. Мастер попадает из дома скорби в некий дом покоя, где получает избавление от скорби.

Слово **ПОКОЙ**, как полагает Б. М. Гаспаров, также выступает у М. А. Булгакова в том значении, какое оно обрело в классической русской поэзии: ср. пушкинское "На свете счастья нет, но есть покой и воля" (А. С. Пушкин. Пора, мой друг, пора. Покоя сердце просит...) Здесь **ПОКОЙ** – 'некое состояние, близкое к счастью', 'состояние, к которому стремится бунтующая душа', в то же время, добавим, – 'состояние, подобное смерти':

"Я ищу свободы и покоя./ Я б хотел забыться и заснуть" (М. Ю. Лермонтов. Выхожу один я на дорогу).

Обращает на себя внимание связь семантики данных архаизмов с ключевыми для писателя словами свет и покой (см. далее).

4.4.2. Авторская семантизация и семантизация в узком контексте

Авторская семантизация у Булгакова тесно смыкается с явлением, которое принято называть семантизацией в узком контексте (Г. В. Колшанский, 1985, с. 62). Это особое построение текста, дающее читателю возможность из содержания небольшого фрагмента уяснить смысл непонятого слова, хотя само слово непосредственно не расшифровывается. Как правило, при этом раскрывается содержание эмпирического (образного) компонента значения.

Так, в частности, это использование синонимов – лексем, указывающих на сходные реалии современной читателю эпохи, вместе с историзмами, непонятными читателю (**легат** – офицер и др.). На эту особенность текста "романа в романе" указал Б. В. Соколов (1991, с. 83).

Из семантизации в узком контексте, с которой связан только один случай авторской семантизации (слово сидеть) выявляется еще одна особенность восприятия лексического значения М. А. Булгаковым. Писатель видит создаваемый словом образ. Лексико-семантические варианты слов, различающихся прямым (образным) и переносным (абстрактным) значением, объединяются в его сознании в одно целое. Так, образ спрута, чьи щупальца тянутся к Мастеру в его кошмаре, несомненно, порожден переносным значением слова спрут ('мафия'). Эпизод с изображением женщин, оказавшихся раздетыми после сеанса в Варьете, является буквальной реализацией семантики слова **разоблачение**. Ср. **разоблачить** – 'раздеть, снять одежду с кого-н.' разг., шутол. (Словарь Ушакова), от разоблачить – 'снять облачения, ризы' (там же).

Из соединения прямого и переносного значения слова **сидеть** 'находиться в сидячем положении' и 'находиться в заключении' родился образ зала, где люди сидят по-турецки, в неудобных позах, на паркете ("Сон Никанора Босого").

Данную особенность человеческой психики – порождение ярких образов, порой неожиданных для самой личности, в сознание которой они приходят обычно в сновидении, под влиянием образного значения слов, употребляемых человеком в переносном значении в какой-либо важной для него ситуации, подробно описал З. Фрейд в своей книге "Толкование сновидений" в 1911 г. (см. З.Фрейд, 1991). Фантастические образные сцены, созданные М. А. Булгаковым в романе "Мастер и Маргарита" оказываются столь впечатляющими потому, что созданы с учетом механизма функционирования человеческого сознания, в частности, механизма восприятия слов родного языка.

Касаясь отражения писателем образного (эмпирического) компонента в семантике слова, нельзя не отметить также особенность, на которую обращают внимание почти все исследователи булгаковской прозы. Эта особенность заключается в возвращении буквального смысла многим устойчивым выражениям. Первоначальный смысл может реализоваться

и в образе. Так, фразеологизмы со словом **черт** – черт знает, черти взяли – переосмысливаются как действия с участием черта (чертей):

"Черт (X) знает (У1), что такое (...), и черт (X), поверь мне, все устроит (У2)".

Второй фразеологизм превращается в образ:

"Черти (X) чтоб взяли (У)? А что ж, это можно!" И, трах, я не успела вскрикнуть, смотрю (...) сидит... костюм (...) И пишет, пишет, пишет! (...) По телефону говорит! Костюм!"

Также, добавим, семантизируется путем указания на буквальный смысл внутренней формы – обращение **товарищи**: "Слово "товарищи" (X) вряд ли подходит к бандитам (не-У)" и формула приветствия **здравствуй**: (...) "Я не хочу, чтобы ты здравствовал".

Касаясь описания образов, связанных с отражением тех или иных реалий, исследователи обнаружили одну ошибочную деталь. М. А. Булгаков пишет, что фалернское вино (семантизирующая информация об этом сорте вина: "то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи"), разглядывали на просвет, "видели, как все окрашивается в цвет крови". Б. В. Соколов подчеркивает, что фалернское вино – белое. В первой части романа писатель, отмечает Б. В. Соколов (1991, с.77), – внес изменения в первоначальный текст: фалернское вино, которым Пилат угощает Афрания, заменил сортом цекуба (оно красное). Вторая часть романа, как известно, осталась без авторской правки. Таким образом, не была изменена ошибочная информация об образном компоненте в семантике слова фалернское (вино). Название фалернское, как считают исследователи, важно было для М. А. Булгакова потому, что ассоциировалось с античностью и с пушкинской поэзией. Ср. стихотворение А. С. Пушкина "Мальчику" (вольный перевод из Катуллы): "Пьяной горечью Фалерно/ Чашу мне наполни, мальчик (...)".

4.4.3. Семантизация фоновой лексики

Семантизация фоновой лексики у М. А. Булгакова характеризуется преобладанием экспрессивного начала. Приведем несколько примеров.

Фернампиксы – оригинальные камешки на берегу моря в Коктебеле ("Путешествие по Крыму"). Возможно, это искусственное слово – оно отсутствует в СССРЛ (но есть: фернамбуковое дерево, см. БСЭ). Не исключено, что слово фернампикс – выдумка М. А. Волошина или кого-либо из круга его друзей.

Также требует семантизации слово **зунд** – ветер в Коктебеле. ("Выбор курорта"). Без семантизации трудно догадаться, что зунд – 'ветер'. "Зунд – такого и ветра-то (У1) нет (У2)", – говорит один из персонажей. Немецкое слово Sund означает 'пролив'. Вероятно, в сознании тех, кто пользовался им, произошла контаминация: зюйд (нем., а также голл. морской термин) – 'южный ветер' + рус. зуд 'неприятное физиологическое ощущение, связанное с чувством раздражения'. Зунд – это ветер, который действует на нервы. Писатель указывает его настоящее название – "крымский сирокко". *

* У К.Г. Паустовского в "Романтиках" приводится текст песенки: "Дул свирепый зунд прямо в Трапезунд". Из контекста песенки следует семантика: зунд – 'ветер'.

В "Записках покойника" сообщается, что герою понравилось необычное значение слова **предбанник**:

"Что касается предбанника (X), то это актерская шутка. Так они прозвали (MP) (и это привилось) комнату перед верхним директорским кабинетом (У) (...)" (Записки покойника).

В Словаре Ожегова отмечается сходное переносное значение: 'помещение, через которое входят, проходя куда-н., прост.' Но это толкование обладает меньшей экспрессией: в нем нет информации, где возникло данное слово, в какой среде употреблялось.

Любопытно сопоставить булгаковскую семантизацию этого слова с толкованием, которое приводит в своей книге певица Галина Вишневская:

"Вот только в царскую – центральную – ложу Сталин не садился. Царь не боялся сидеть перед народом, а этот боялся и прятался за тряпкой. В его аванложе (У) (артисты ее называли (МР) предбанником (Х)) на столе всегда стояла большая ваза с крутыми яйцами – он их ел в антрактах" (Г. П. Вишневская, 1991, с. 112).

Очевидно, в обоих случаях авторской семантизации представлен несколько иной инвариант, чем отмеченный в словаре: 'помещение возле входа в другое помещение, где находится начальство'. Здесь ощущается связь с корневой лексемой **баня** и с фразеологизмом **здать баню**, который употребляется по отношению к начальству.

Семантизация слова **нэпо** 'новая экономическая политика' любопытна тем, что автором схвачен, очевидно, самый ранний вариант этой аббревиатуры, в период возникновения данной номинации, которая затем была вытеснена вариантом, получившим более широкое распространение – **нэп**.

Таким образом, при семантизации фоновой лексики писатель дает не просто объяснение значений слов, непонятных читателю – а подчеркивает в этих словах нечто необычное: редкость или искусственность самих слов, редкость данных ЛСВ, употребление ЛСВ в несвойственных им ситуациях, неизвестное значение, интересные коннотации.

В ершалаимских сценах романа "Мастер и Маргарита" эта закономерность нарушается. Фоновая лексика в романе Мастера семантизируется по-иному, без фиксации внимания на экзотических словах, т. е. нейтрально: **ала** – "вспомогательный кавалерийский полк", **гемикрания** – "болезнь, при которой болит полголовы", **нисан** – "весенний месяц". Практически все исследователи отмечали классический, строгий стиль этих глав, с максимальной нейтрализацией образа рассказчика, – в отличие от "фельетонного" стиля изложения этих же эпизодов в ранней редакции романа и такого же стиля повествования в московских эпизодах. Г. А. Лесскис (1991, с. 617) не совсем удачно называет стиль изложения событий "романа о Мастере" "фамильярным": рассказчик ярко выражает свое "я", обильно используя разговорные выражения, создает образ собеседника-читателя.

4.4.4. Ситуативно обусловленная семантизация

Ситуативно обусловленная семантизация часто служит у писателя для игры слов: **беривтон** – имеется в виду баритон, подразумевается: голос, который берут в тон – (Неделя просвещения), **зайцы** – безбилетные пассажиры' – "не тигры", т. е. 'безобидные млекопитающие животные' – (Беспокойная поездка).

Другая роль ситуативно обусловленной семантизации – освещение вопросов правильности речи, вопросов языковой нормы, в том числе нормы других языков.

"Надо говорить не кок (У), а кук (Х)" (Адам и Ева).

Действительно, слово соок – 'повар' в английском языке произносится [kuk].

Один из случаев ситуативной семантизации следует рассмотреть особо. Как правило, писатель не семантизирует украинские слова (за небольшим исключением: **варта** – "полиция" и нек. др.) В романе "Белая гвардия" среди множества украинских слов и выражений семантизируется слово **кіт** (вместе с общим по происхождению словом русского языка – кот):

"Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицького, он, изволите ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицький... Так вот спрашиваю: как по-украински "кот" (У1)? Он отвечает: "Кит"(Х1). Спрашиваю: "А как кит (У2)?" А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется...

Николка с треском захохотал и сказал:

– Слова (МТ) "кит" (Х2) у них не может быть (У2), потому что на Украине не водятся (У3) киты, а в России всего много. В Белом море (У4) киты есть..." (Белая гвардия).

В этом семантизирующем сообщении, охватывающем 4 слова **кот, кит** (рус.) – **кіт, кит** (укр.) заключается богатейшая информация, выделяющая узел проблем, возникающих при параллельном функционировании близкородственных языков. Эти проблемы весьма актуальны для современной языковой ситуации в Украине. В данном семантизирующем сообщении освещается проблема изучения редкой лексики, проблема различия историко-культурного компонента значения близкородственных слов разных языков (Курицкий не знает соответствия: **кит**, рус. – **кит**, укр.). Это также проблема неразличения некоторых фонетических особенностей чужого языка, обусловленных восприятием этих особенностей с точки зрения фонетики родного языка. В украинском языке различаются пары слов **кіт** и **кит**. Эти слова не являются омонимами. В русском языке звуки [ы] и [и] представляют собой позиционные варианты фонемы <и>, [к'] и [к] – варианты фонемы <к> (См. М. В. Панов, 1979).

Далее в романе лексическая пара **кот-кит** семантизируется как субъективное восприятие героем звука тиканья часов (индивидуально-

авторская информация). ИмPLICITно вводится указание на ассоциативную связь между этими словами, из которой читатель может вынести неожиданную информацию: **кот-кит** – это 'некий кот огромный, как кит', 'кот очень больших размеров'. Но, если вдуматься, в этой ассоциации ничего неожиданного нет, потому что здесь мы можем проследить, как из индивидуально-авторской ассоциации впоследствии возник образ кота Бегемота – огромного кота. Таким образом **кот** – слово, обладающее в идиолекте писателя индивидуальным компонентом значения, с необычным, присущим только идиолекту данной личности, образным наполнением.

На данном примере также можно проследить, как ситуативно обусловленная семантизация переходит в семантизацию ключевых слов, важных для понимания мировосприятия автора, для изучения своеобразия особенностей его идиолекта. Слово **кот** принадлежит к таким ключевым словам.

4.4.5. Смысловая роль лагун в авторской семантизации

Особую роль в творчестве М. А. Булгакова играет семантизация, содержащая лагуны, т. е. пропуски семантизирующей информации, в том числе нулевая семантизация. Такая семантизация подразумевает адресацию к читателю-другу, способному понять самый сложный смысл, вкладываемый в пропуски, догадаться о подтекстах. Это адресат третьего уровня.

Среди ключевых слов также имеются слова с лагунами семантизирующей информации. При заполнении лагуны обнаруживается связь с важнейшими смысловыми акцентами произведений, с особенностями мировоззрения писателя, с его биографией.

Уже упоминавшееся слово **гомоза** означает 'беспокойный человек'. Это толкование открывает связь с ключевым словом покой. Смысловой

акцент умножается переключкой с названием романа – "Записки покойника". Герой романа – Максудов – наделен автобиографическими чертами самого М. А. Булгакова. Семы 'покой', 'беспокойство' связаны между собой указанием на личность автора.

Фамилия Булгаков происходит от тюркского прозвища Булгак (Род Булгаковых ведет начало от Ивана Булгака, потомка рода Гедиминовичей, ведущих свою родословную от князя Владимира Святого. Родоначальник фамилии носил тюркское прозвище, но был русским. – См. об этом: Н.А. Баскаков, 1979, с. 47,50). Тюркское слово *bulğaq* означает: 1 'смятение', 2 'гордо ходящий (вертящий головой в разные стороны) гордый' (с. 50). Это производное от глагола *bulğa*: 1. 'махать, перемешивать, взбалтывать', 2 'мутить', 3 'махать, качать, биться' (с. 49-50).

В русский язык вошло слово **булга** со значением 'склока, тревога, суета, беспокойство' (Словарь Даля). В Словаре Даля отмечены и значения производных: **булгатить**, **булгачить** – 'тревожить, беспокоить, будоражить, полошить, баламутить'. Очевидно, семантика этих русских слов М. А. Булгакову была известна.

В значении лексико-семантических вариантов тюркского слова *bulğaq* прослеживается инвариант. Это сема кругового движения.

С этой семантикой интересно сопоставить внутреннюю форму фамилии любимого персонажа М. А. Булгакова Турбин. Латинский глагол *turbo* и ведущее происхождение от него украинское слово *турбота* обладают близкой семантикой. Они содержат семы: 'волнение, беспокойство, тревога, забота'. В основе латинского корня опять же – сема кругового движения (отсюда слово *турбина*).

Данные сопоставления ведут нас к выделению авторского акцента на лексико-семантическом варианте **покой** – 'смерть', хотя, разумеется, это не единственное значение, которое придает слову автор. Но это и не совсем та смерть, которая пугает всех нас. Сама смерть понимается как переход в потусторонний мир, в бессмертие.

Такой точный подбор близких по смыслу слов разных языков свидетельствует о незаурядном лингвистическом чутье, глубоком проникновении писателя в тонкости семантики языковых знаков.

4.4.6. Семантизация ключевой лексики

Особенность авторской семантизации у М. А. Булгакова в том, что, по сравнению с семантизацией у К. Г. Паустовского, в булгаковских текстах значительно чаще подчеркивается индивидуальное отношение к слову. Среди семантизированных единиц у М. А. Булгакова более значительную долю, чем у К. Г. Паустовского, занимают ключевые слова.

Авторские указания на особенности семантики вводимых им ключевых слов и особенности их индивидуального восприятия писателем могут оказать существенную помощь исследователям и комментаторам в вопросе интерпретации смысла произведений. Однако не следует думать, что писатель проделает за комментатора всю работу по объяснению своего текста и что после выявления и анализа значений единиц АС при интерпретации текста не останется никаких загадок и разночтений. Единицы АС, как мы увидим ниже, помогают лишь сконцентрировать и уточнить интерпретацию, ввести ее в русло значений, задаваемых самим автором, устранить как неадекватные те интерпретации, которые существенно расходятся с авторским смыслом и потому представляют собой читательский домысел.

В романе "Мастер и Маргарита" безусловно ключевыми являются слова свет и покой. Без их правильной интерпретации затруднительно понять ключевую фразу, в которой подытоживается судьба мастера, – важную для понимания смысла романа в целом: "Он не заслужил света, он заслужил покой". В исследованиях, посвященных роману, смысл этого высказывания интерпретируется самым различным, порой

противоположным образом (см. обзоры литературоведческих интерпретаций романа "Мастер и Маргарита" – Т. Н. Красавченко, 1991, И. Л. Галинская, 1991).

Тем не менее в объеме изученных нами текстов М. А. Булгакова мы не нашли семантизации этих интересующих нас слов. Не исключено, что для обнаружения соответствующих семантизирующих сообщений необходимо изучить все тексты, принадлежащие перу М. А. Булгакова, а также записи его устных высказываний. Не исключено также, что и полный анализ всех текстов не даст искомого результата.

Однако мы обнаруживаем а) семантизацию однокоренного, а значит, близкого по значению, слова покойный, б) семантизацию слов с близкими семами.

Рассмотрим сначала слова с более отдаленной семантикой, чтобы затем перейти к слову с близким значением.

Понятие "покой" в физическом значении связано отрицательной семой с понятием "время". Покой в одном из значений – 'состояние отсутствия движения', а характеристика движения связана со временем.

О понятии "время" словами героя фантастической пьесы "Блаженство" автор сообщает:

"Дело в том, что время (X1) есть фикция (У1), что не существует (У2, У3) прошедшего (X2) и будущего (X3)... Как я вам объясню (MP) идею (MT) о пространстве (X4), которое, например, может иметь пять измерений (У4)?"

Говоря, что время – фикция, булгаковский герой – изобретатель машины времени тем самым утверждает, что координата времени не может быть ограничением для свободного передвижения человека. Это фантастическая идея. Но она приобретает метафорическую, переносную окраску: никакие обстоятельства времени не должны подчинять себе человека, заставляя его делать то, что противно его

достоинству. Человеку всегда следует оставаться верным своим принципам и долгу. С этим представлением связан и булгаковский смысл слова никогда.

Общезыковое значение слова **никогда** указывает на то, что 'некое событие не совершается', 'ни в какое время', 'ни при каких условиях'. М. А. Булгаков вносит в это значение дополнительную информацию, связанную с модальностью долженствования: 'люди не должны совершать некие поступки', 'ни в какое время', 'ни при каких обстоятельствах'. Это значение вычисляется из следующих контекстов:

"Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!" (Мастер и Маргарита).

"Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй пробежкой на неизвестность от опасности" (Белая гвардия).

Само слово **никогда** вовлечено в нулевую семантизацию: "Значение (МТ) слова (МТ) "никогда" (Х) понимаешь (МР) ли?" – говорит в пьесе "Кабала святош" кардинал Шаррон, требуя, чтобы Мадлена Бежар раскрыла тайну рождения своей дочери Арманды. Слово никогда приобретает значение морального императива, долга: скрыв тайну, Мадлена никогда не сможет покаяться. В том же тексте семантизируется слово всегда: Мадлена всегда будет мучиться сознанием своего греха.

Итак, данные ключевые слова приобретают в индивидуально-авторской интерпретации ценностный компонент значения.

Герои, которые резко меняются под влиянием обстоятельств времени, несимпатичны автору – например, Тальберг и Курицкий в "Белой гвардии".

Семантизация слова **покойный** 'недавно умерший', однокоренного с ключевым словом покой, дает информацию о писательской точке зрения на вопрос о связи понятий "мертвое" и "живое".

"И сразу поэт запутался, главным образом, из-за слова (МТ) "покойным" (X1). С места выходила какая-то безлевица: как это так – пришел (А) с покойным (X1)? Не ходят (не-А) покойники (X2)!" (Мастер и Маргарита).

Смерть М. А. Булгаков рассматривает с философской точки зрения. В отличие от материалистического взгляда, в художественном мире М. А. Булгакова со смертью не прекращается существование личности, смерть – не конец. "Смерти нет", – читает Пилат запись слов Иешуа, сделанную Левием Матвеем. Из семантизации слова покойный (слово было употреблено Иваном первоначально правильно, и лишь затем возникло сомнение) получается, что по нормам русского языка это слово употребляется в таких контекстах, как если бы говорилось о живом. Человек живет, пока о нем помнят – в представлениях знавших его людей он останется живым. Одна и та же личность в художественном мире предстает в двух "ипостасях": и как реальность, и как легенда, как живая и как ушедшая в мир иной (подробнее эта особенность рассматривается в главе 5).

"Миф (У1) Петлюра (X1). Его не было вовсе. Это миф, столь же замечательный, как миф о никогда не существовавшем (У2) Наполеоне (X2), но гораздо менее красивый" (Белая гвардия).

Среди слов, выделяющихся индивидуально-авторским компонентом, т. е. несущих некоторую дополнительную авторскую информацию по сравнению с их общезыковым значением (о понятии "индивидуальный компонент значения" см. Б. А. Плотников, 1984, с. 61), кроме рассмотренного слова никогда, выделяется слово собака. В авторской семантизации прослеживаются два ЛСВ: **собака** - 'плохой человек' и **собака** – 'хорошее животное'. Добавляется индивидуально-авторский вариант: **собака** – 'хороший человек'.

Общеупотребительная пейоративная семантика слова **собака**, употребляемого применительно к человеку, по-видимому, связана с тем, что если назвать человека животным – это само по себе может восприниматься как оскорбление. (В монотеистических религиях подчеркивается, что человек по своей организации и предназначению выше животного.) Фактически же в индоевропейских языках мы находим и положительную и отрицательную коннотацию названий животных, используемых применительно к человеку. Оскорбительно назвать человека обезьяной, лисой, ослом, шакалом. Напротив, **лев**, **орел** применительно к человеку – положительная оценка. Обращает на себя внимание тот факт, что при использовании названия животного по отношению к человеку переносно подчеркиваются некие качества, присущие данному виду животных и, с точки зрения говорящего, конкретному человеку, которого называют обозначением животного. **Обезьяна** – перен. 'кривляка', 'подражатель', **лиса** – 'хитрый человек', **орел** – 'отважный' и т. д. В значении слова собака не находим указаний на такие качества, и этим данное слово отличается от слов, приведенных выше.

В. И. Жельвис (1991), изучая бранные выражения различных народов, указывает на связь инвективы, где упоминается соитие и мать человека, которого хотят оскорбить, с другими выражениями, где упоминаются демон и собака. Второе оскорбление является продолжением первого (с. 270-271). Исходя из этого, мы предположили, что в бранном выражении со словом **собака** есть намек на неизвестное (низкое, неблагородное) происхождение человека, которого желают оскорбить.

Известно, что животное собака, в отличие, например, от кошки, по происхождению не представляет собой единый биологический вид, а произошло от скрещивания разных видов одомашненных псовых: шакала, гиены, волка, енота и др. (А. Брем, т. 1, с. 288), т. е. собака – животное, в котором первоначально не было чистых генетических линий.

По-видимому, подобную семантику (собака – 'человек низкого происхождения') ощущал и М. А. Булгаков, поскольку ввел в роман

"Мастер и Маргарита" упоминание об оскорблении Иешуа словом собака. Иешуа, согласно тексту романа, согласно тексту романа, – "сын неизвестных родителей".

Поэтому, учитывая подобную глубинную семантику ЛСВ **собака**, понятно, что назвать собакой царя – не просто оскорбление, но кощунство. С точки зрения монархической идеологии царь – потомок рода, осененного божественной благодатью, принадлежность к которому дает законное право на престол. В системе ценностей эти понятия (царь – собака) полярны по координате "высокое – низкое".

"Гусяры (поют). (...) Куда едет собака (X) крымский царь (Y)...
Бунша. Какая это собака (X)? Не позволю про царя (Y) такие песни петь! Он хоть и крымский, но не собака!" (Иван Васильевич)

Слово **собака**, употребляемое в качестве бранного, оказывается определенным знаком биографии писателя. Оно использовалось для его травли.

М. А. Булгаков в письме Правительству СССР (28 марта 1930 г.) приводит выдержки из рецензий, в которых писателя ругали бранными выражениями, используя слово собака: А. Турбина называли "сукиным сыном", автора рекомендовали как "одержимого собачьей старостью", его герои не нужны, "как бюстгальтер собаке", в его произведениях – "атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-то рыжей жены приятеля".

Отсюда, видимо, возникло индивидуально-авторское переосмысление этого слова, изменение его коннотаций на положительные:

"(...) я лично не вижу ничего дурного (Y1) в этом звере (Y2), чтобы обижаться на это слово (MT)..." ("Мастер и Маргарита").

Заметим, что подобное переосмысление значения слова собака нередко – с положительными оценочными коннотациями наблюдается в молодежной среде. Слово **собака** употребляется в значении 'молодец',

'хороший друг'. В частности, по сообщениям наших информантов, такое значение существовало в студенческой среде в 50-е годы.

О том, что данное слово является для писателя ключевым, свидетельствует сюжет повести "Собачье сердце".

4.4.7. Семантизация понятий, связанных с системой общечеловеческих ценностей

К ценностным понятиям для всей человеческой цивилизации принадлежит понятие "истина". Сообщение о семантизации этого понятия в романе "Мастер и Маргарита" дано в форме нулевой семантизации. Нельзя признать ответом на вопрос "Что такое истина (X)?" – сообщение: "Истина в том, что у тебя сейчас болит голова". Это частное сообщение представляет собой не ответ, а уход от ответа, но в то же время участливое внимание к собеседнику. Данный эпизод диалога Пилата и Иешуа имеет свое соответствие в событиях, описанных в Евангелии от Иоанна, в котором сказано, что на вопрос Пилата "Что есть истина?" Иисус ничего не ответил (Иоан, 19, 38).

В романе есть семантизация ценностного слова трусость. Это определение с незначительными вариациями повторяется 4 раза: трусость – "самый страшный порок". Данное высказывание можно сопоставить с эпизодом, описанным в воспоминаниях В. Я. Виленкина о М. А. Булгакове:

"Скажите, какой человеческий порок, по-вашему, самый главный? – спросил он меня однажды совершенно неожиданно. Я стал в тупик и сказал, что не знаю, не думал об этом.

– А я знаю. Трусость (X) – вот главный порок (У1), потому что от него идут все остальные (У2)" (с. 374).

Сопоставление этих двух высказываний подтверждает, что, хотя высказывание о трусости принадлежит в тексте романа персонажам

(Пилату и Иешуа), а не рассказчику, в нем выражается авторская мировоззренческая позиция.

Среди понятий, выражающих общечеловеческую систему ценностей особую важность представляет субъективизированная интерпретация понятий **добрый** и **злой** (см. далее), также авторская интерпретация слова зависть – оценивая это чувство как отрицательное, автор говорит о том, что такое чувство можно понять, видя, как несправедливо распределяются общественные блага в писательской организации.

4.4.8. Авторская семантизация и проблема интерпретации смысла текста

Смысловые акценты, обнаруживаемые нами при авторской семантизации, позволяют опровергнуть, как неправомерные, многие интерпретации булгаковских произведений, в которых происходит явное навязывание писателю своей, читательской, точки зрения. Так, В. В. Петелин (1989, с. 448 и след.) предлагает, как мы бы сказали, школьно-пионерскую оценку событий романа "Мастер и Маргарита". Автор не только не замечает религиозности М. А. Булгакова (утверждая, что писатель считает историю Христа легендой) (с. 454), но и отказывает писателю, а также тем читателям, которые откроют роман вслед за В. В. Петелиным, в праве серьезно относиться к идее существования ирреальных сил. Между тем на этой идее держатся многие литературные произведения, и без нее они утратили бы свой стержень ("Буря" В. Шекспира, "Демон" М. Ю. Лермонтова, "Вечера на хуторе близ Диканьки" Н. В. Гоголя, сказки, некоторые произведения фантастического жанра и др.). В. В. Петелин стремится объяснить появление ирреальных сил и мистических чудес в романе искаженным восприятием окружающего мира героями: похмелье Степы Лиходеева, шизофрения Ивана Бездомного, жара, разморившая Берлиоза (с. 451-453)... Чувствуя, что далее подобная логика не срабатывает, автор говорит о покоряющей силе фантазии М. А. Булгакова.

Сам М. А. Булгаков утверждал (в письме к Правительству СССР, от 28 марта 1930 г.): "Я – МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ (выделено автором. – Н. С.)". Роман "Мастер и Маргарита" писатель называл "фантастическим романом".

В произведениях М. А. Булгакова обнаруживаем эксплицитную семантизацию с использованием метапредикатов означать, называться.

В функции метапредиката писатель использует также индивидуально-авторское слово **окрестить** в, казалось бы, известном значении: – 'обозвать, прозвать' разг. (Словарь Ушакова).

"Иван (...) тут же мысленно окрестил (MP) кабинет (У) "фабрикой-кухней" (X)" (Мастер и Маргарита).

Однако булгаковское употребление данного метапредиката нельзя считать только шутивным, каким оно могло бы быть в речи людей, выросших при советской власти. Это слово связано с христианской религией, с обрядом крещения. Оба значения данного глагола восходят к инварианту – 'дать имя при крещении'. Авторское употребление этого слова хоть и содержит элемент иронии, но не потеряло связь с представлением о христианском таинстве – обряде приобщения к церкви и одновременно обряде наречения именем.

Мы с полным основанием полагаем, что это слово в идиолекте М. А. Булгакова – одно из неслучайных свидетельств, доказывающих связь мировоззрения писателя с идеологией православного христианства. Это подтверждается и содержанием его произведений. В "Белой гвардии" есть образ поэта Ивана Русакова – человека, наказанного судьбой за отступничество от Бога; через страдание Иван Русаков пришел к раскаянию и к вере. Сходный мотив: отступничество – наказание – страдание – переосмысление собственной жизни – составляет эволюцию характера Ивана Бездомного в "Мастере и Маргарите".

Отец М. А. Булгакова был профессором священной истории Киевской духовной академии. Основы православной религии были заложены при воспитании детей в семье.

"Булгаков, сын православного богослова, писал, глядя на мир сквозь призму религии. Роман ("Мастер и Маргарита". – Н. С.) шире, нежели сугубо литературное произведение. В нем проявление подлинного религиозного сознания в среде русской интеллигенции, нашедшей своего выразителя – после Достоевского – в Булгакове" (А. Krzeminsky, 1987, с. 114).

Подтверждение религиозности М. А. Булгакова мы находим и в характере самой информации, передаваемой семантизированными единицами, особенно в семантизации собственных имен (см. гл. 5).

Среди ключевых слов, связанных с системой ценностей в романе "Мастер и Маргарита" семантизируются слова злой и добрый, передающие важнейшую для любой религии и для каждой философской системы информацию о соотношении понятий добра и зла.

Булгаковский Иешуа, образ которого отстает от всех привычных человечеству канонов в изображении Иисуса Христа, с точки зрения выдающегося православного теософа о. Александра Меня (1935-1990), не похож на Спасителя и по самой своей сути (см. устное высказывание А. В. Меня, зафиксированное в воспоминаниях Фазиля Искандера – Ф. Искандер, 1992, с. 323). Между тем семантизация ключевых для мировоззрения всего человечества понятий добра и зла в словах Иешуа весьма точно отражает самую суть христианской идеологии. Это идея о преимуществе добра. Само слово Евангелие в переводе с греческого означает 'добрая весть'.

В религии зороастризма силы добра и зла понимаются, как противоборствующие на равных: доброе божество Ормузд (Йездан) постоянно сражается с дьяволом, носителем зла – Ахриманом (Ангхра-Манью). Эта борьба происходит и в людских сердцах.

В христианстве утверждается победа добра над злом, в том числе над смертью. Сатана считается хотя и падшим, но слугой Господа, его свобода в совершении злых дел ограничена волей Божьей. Он посылается к людям для того, чтобы искушать их сердца, испытывая их верность добру и Богу (см. об этом: С. С. Аверинцев, МНМ, т. 2, с. 412-414).

Не случайно булгаковский Воланд (в главе 29) получает приказы от Иешуа и вынужден им повиноваться. Так возникает в романе идея силы зла, которая покоряется добру. Главной причиной того, что люди направляют свою волю к совершению зла, а не добра, писатель считает страх: "трусость – (...) это самый страшный порок". Страх перед императором Тиберием помешал Пилату спасти Иешуа.

Исходя из фактов авторской семантизации, следует более осторожно относиться к фигурирующей во многих исследованиях интерпретации булгаковского неологизма **пилатчина** (в зарубежных переводах: пилатизм, – Г.И. Юрченко, 1991, с. 90; P. Kuncemcz, 1977, p.5). Аналогично другим подобным словам с суффиксом -чин- (-щин-), это слово справедливо интерпретируют как отрицательно-оценочное слово с семантикой: 'некое отрицательное явление, связанное с деятельностью носителя собственного имени, на которого указывается в производящей основе'. Однако отрицательная оценка принадлежит враждебному, по отношению к Мастеру, лагерю – критикам Лавровичу, Латунскому и Ариману; она больно ударила и по самому мастеру. Следовательно, знак оценки нужно изменить на противоположный: 'некое положительное явление, связанное с носителем собственного имени, и получившее отрицательную оценку во враждебном лагере'. Итак, возможно, что **пилатчина** – не 'трусость', не 'малодушие', как трактуют исследователи, но 'сочувствие невинно осужденному, стремление облегчить его участь', 'милосердие' ("Люди есть люди (...), – говорит Воланд в главе "Черная магия и ее разоблачение", – и милосердие иногда стучится в их сердца"). Возможно, это также – 'способность пересмотреть свои взгляды под влиянием чувства

сожаления о случившемся', т. е. покаяние – духовная эволюция, которая происходит с Пилатом.

Для сравнения вспомним слово **булгаковщина**, пущенное критикой конца 20-х годов, начавшей травлю писателя в печати и в конце концов вынудившей М. А. Булгакова обратиться с письмом к И. В. Сталину с просьбой разрешить ему продолжать заниматься литературной деятельностью.

Такое разногласие в интерпретации слова пилатчина, несмотря на наличие семантизирующего сообщения, возникло потому, что в авторской семантизации имеются лакуны. Это не семантизация-тождество. Семантизируются только оценочный компонент и историко-культурный (указание на то, кем было создано слово, с какими событиями связано его появление).

К этому присоединяется нулевая семантизация (осуществляемая читателем) внутренней формы, поскольку словообразовательная модель, по которой образовано слово пилатчина, хорошо известна.

Оценка подкрепляется словом **протащить**, которое также семантизируется мастером как слово, принадлежащее к враждебному лагерю.

При анализе авторской семантизации в произведениях М. А. Булгакова подтверждается наше положение о том, что единицы авторской семантизации содержат некий смысловой акцент, несущий субъективно важную для автора информацию, обусловленную особенностями его мировосприятия и индивидуально-авторской системой ценностей. В художественном мире М. А. Булгакова это связь с религией, особое отношение к понятиям "время", "смерть", мотивированное не только фантастическими гипотезами, но и идеалистической философией, в основе которой – идея бессмертия души, примата идеального над материальным, представление о вечности тех ценностей, которые сумела создать творческая личность, идея торжества добра.

Для булгаковского отношения к лексической семантике характерно выявление образного эмпирического компонента, объединение разных ЛСВ в один инвариант, объединение в единый смысловой ряд – по признаку общих сем – слов самого различного происхождения, понимание глубинных сторон семантики слова – связи происхождения того или иного значения и особенностей употребления лексемы. Характерно выделение необычного (экспрессивного) момента в оценке значения слова и фактах словоупотребления.

Г Л А В А 5. ОПЫТ АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ АВТОРСКОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ (на материале произведений М.А.Булгакова)

5.1. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИКИ СИ И АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ СИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А.БУЛГАКОВА

Семантизация собственных имен и названий в художественном тексте заключается в актуализации смысла, передаваемого хотя бы одним из указанных нами основных компонентов лексического значения: денотативным, структурным и коннотативным макрокомпонентами.

Для комментаторов художественных текстов семантизация значения денотативного макрокомпонента заключается в указании на прототип литературного персонажа, по возможности – единственный, или, если это позволяет смысл произведения, в указании на конкретное лицо, изображенное в тексте. В отношении к топонимам этот же принцип заключается в указании реального географического объекта, который фигурирует под вымышленным обозначением. Естественно, что в случае изображения собирательных образов, вымышленных персонажей, созданных с

высокой степенью обобщения, круг возможных прототипов становится все более широким, а указания на конкретное лицо невозможны. То же относится к проблеме поиска реальных топографических объектов, послуживших основой для создания образов вымышленных объектов.

В принципе, поиски реальных объектов как оригиналов для отраженных объектов, описанных в литературном произведении и обозначенных вымышленным СИ, правомерны для любого имени собственного в художественном тексте. Однако вероятность обнаружения конкретного объекта, обозначенного СИ, зависит от степени конкретности информации, которую автор вкладывает в

описание данного объекта. Может оказаться, что описанный в произведении объект является плодом художественного вымысла, подобно тому, как в реальности не существуют мифические существа – кентавр, русалка и т.п. В частности, являются фантастическими объектами города, описанные в произведениях А.С. Грина – Гель-Гью, Зурбаган, Лисс и др., хотя описанные автором черты этих городов можно увидеть в облике реальных городов Черноморья – Одессы, Севастополя, Феодосии.

Изображение литературных персонажей почти всегда несет черты художественного вымысла, и в большей степени, нежели изображение топографических объектов. Например, возможно, чтобы фантастические персонажи действовали во вполне конкретном городе. Так, действие "фантастического романа" (по определению автора) "Мастер и Маргарита" разворачивается в Москве. Указания же на конкретных лиц в художественных текстах редко даются с такой степенью точности, чтобы изображение реального лица не претерпело никаких изменений. Тем не менее, такие конкретные указания и портреты реальных лиц возможны.

"Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут (...)" (В.В.Маяковский. Хорошо!).

Семантизация структурного компонента заключается в том, что расшифровываются так называемые "говорящие имена". В структуре имени обнаруживается связь с именами нарицательными, с некими морфемами, словосочетаниями, фразами, могущими придать имени смысл обобщенного высказывания. Естественно, эта связь может быть отражением реальных языковых процессов, легших в основу номинации (и тогда расшифровка имени раскрывает его истинную этимологию) или же результатом произвольного осмысления звукового комплекса имени – и тогда расшифровка представляет собой ложную ("народную") этимологию, этимологизацию, реэтимологизацию.

Для правильной номинации, правильного употребления имени решающую роль играет истинная этимология, а если она забыта, ее

роль берет на себя историко-культурный компонент значения. Для толкования смысла собственного имени в художественном тексте важной может оказаться как истинная, так и ложная этимология.

Семантизация коннотативного компонента заключается прежде всего в указании на историко-культурные ассоциации, связанные с данным СИ, хотя, разумеется, нередки и указания на стилистические, частотные и другие особенности функционирования СИ в языке и в конкретном социуме.

Особенность семантизации историко-культурного компонента собственных имен комментаторами художественных текстов состоит в выделении ими особого пласта информации – информации о том, в каких художественных произведениях других авторов или в каких других известных в истории цивилизации текстах употреблялись эти либо сходные с ними имена. Этот пласт информации, как мы уже упоминали, Ю.Н.Караулов называет "уровнем прецедентных текстов". Семантизация историко-культурного компонента, в том числе уровня прецедентных текстов, позволяет выявить темы-лейтмотивы произведения. Образец такого "мотивного" анализа, представлен в исследовании Б.М.Гаспарова (1988 и след.), раскрывающем богатую историко-культурную семантику собственных имен и названий в романе "Мастер и Маргарита".

Характерной особенностью булгаковской прозы, как отмечают все булгаковеды, а также лица, знавшие писателя, является включение в его книги большого количества автобиографических деталей. Высокая точность описания, которая в принципе необязательна в художественном тексте, где царствует художественный вымысел, обнаруживается во всех значительных вещах М.А.Булгакова. Отсюда неудивительно появление на страницах булгаковской прозы изображений конкретных лиц. В образе Ивана Васильевича (Записки покойника) вполне конкретно опознается главный режиссер МХАТа К.С. Станиславский. Исследователями отмечается близость изображения булгаковских персонажей к их прототипам; иногда понятие прототипа сливается с понятием отражения конкретного лица.

А.И Смелянский (1990), основываясь на материале дневников Е.С. Булгаковой, проводит отождествление 30 персонажей романа "Записки покойника" с конкретными лицами, окружавшими писателя. Однако он же отмечает, что один из главных персонажей, актер Бомбардов, очевидно является собирательным образом, и прототип к нему указать крайне трудно.

Другая особенность, отмеченная исследователями, касается структурного компонента собственного имени. Б.М. Гаспаров отмечает у М.А. Булгакова наличие информации об "установлении имен", т.е. указание на то, что некое имя существует в другом варианте, который признается более правильным или более соответствующим смыслу некоей ситуации. Таково, например, соотношение вариантов Иерусалим – Ершалаим, Иисус – Иешуа и даже Иван – Иоанн (автор четвертого Евангелия). Мы сочли необходимым этот пласт информации трактовать как информацию об искажении имен, которое произошло ранее необходимости "установления" имен. Отметим, что в данном пласте информации помимо структурной (варианты имени) действует еще и компонент коннотативной информации – смысловое значение, т.е. информация о правильности, адекватности либо неправильности, неадекватности употребления имени.

Анализ авторской информации о значении и функционировании собственных имен дает возможность выделения более тонких семантических структур в значении имени, а также выявления особенностей индивидуально-авторского восприятия ономастического знака в произведениях М.А. Булгакова.

На основании проведенных нами исследований мы считаем необходимым выделить следующие особенности семантизации собственных имен в произведениях М.А. Булгакова. Писатель подчеркивает следующие параметры смысловой информации, передаваемой именем собственным:

1. Связь между синхроническим и диахроническим компонентами лексического фона. Актуализируется компонент денотативной структуры "явление" и историко-культурный компонент коннотативной структуры значения (Явл + ИК). Можно сказать, что эти семантические структуры СИ в произведениях М.А. Булгакова представлены вместе как лексический фон имени без разделения на синхронические и диахронические доли (пользуясь терминологией В.М.Верещагина и В.Г.Костомарова). Примером подобного соединения синхронической и диахронической информации в романе "Мастер и Маргарита" может служить предложение одного из персонажей – Иванушки сослать Канта в Соловки, хотя известно, что философ Кант умер. Связь прошлого и будущего объясняется через систему ценностей (СЦ).

2. Реальность/ирреальность носителя собственного имени.

"Имейте в виду, что Иисус существовал", "Никаких Караибских морей нет на свете" (Мастер и Маргарита). Осуществляется актуализация компонента-индекса денотативной структуры значения с указанием на положительное или

отрицательное наполнение содержания этого компонента (И+, И-).

3. Известность/неизвестность носителя имени.

"Знаменитый Тузбубен", "Менее известный грозный бог Вицлипуцли" (Мастер и Маргарита); "неизвестный, оказавшийся Плисовым, заведующий поворотным кругом в театре около сорока лет" (Записки покойника). Актуализируется информация о частотности имени в пределах определенного социума – частотный компонент коннотативной структуры в соединении с социальным компонентом (Ч + Соц).

4. К этому же ряду примыкает информация о личном знании говорящим носителя собственного имени. "Знакомый Понтия Пилата" (Мастер и Маргарита), "А кто это – Аполлон Акимович?" (Адам и Ева). Актуализируются частотный и индивидуальный компоненты коннотативной структуры значения (Ч + Инд).

5. Множественность носителей данного имени.

В пьесе "Иван Васильевич" данное имя и отчество принадлежат Иоанну Грозному и управдому Бунше; фамилию Милославский носят вор из XX века и преступник, казненный во времена Иоанна Грозного. В данной информации о множественности носителей одного и того же СИ мы видим выделение реляционного компонента денотативной структуры значения (Отн).

6. Множество имен у одного персонажа.

"Скажи мне, любезный Фагот, – осведомился Воланд у клетчатого гаера, носившего, по-видимому, и другое наименование, кроме "Коровьев", – как по-твоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось?" Также активизируется реляционный компонент значения (Отн).

7. Использование говорящих имен. При этом мы включали в рассмотрение только те говорящие имена, семантика внутренней формы которых носит характер не индивидуализирующий, а обобщающий, причем обобщение связано с актуализацией главных тем произведения. Так, например, в "Записках покойника" один из критиков носит имя Волкодав. Акцентируется мотив травли героя-писателя на страницах печати. Актуализируется системно-структурный компонент денотативного значения (СС).

8. Включение собственных имен в ассоциативные ряды, связанные с выделением архисем и с лейтмотивами произведения. Так, в "Мастере и Маргарите" мы считаем нужным выделить три такие темы, являющиеся лейтмотивами произведения: история античного мира, музыка, религия. Каждая из этих тем представлена большой группой собственных имен. Активизируется компонент "картина мира" (КМ) и компонент "абстракция"(Абс) в денотативной структуре лексического значения;

также историко-культурный компонент (ИК) в коннотативной структуре.

9. Выбор наименования и обоснования причины выбора. В романе "Мастер и Маргарита" главный герой не хочет, чтобы называли его

фамилию (ее "нет больше"), а предпочитает называться "мастер". Данный апеллятив заменяет в романе его собственное имя. Не случайно в критической литературе о романе "Мастер и Маргарита" это слово принято писать с большой буквы, как собственное имя героя – Мастер.

Активизируется компонент коннотативной структуры "смысловое значение" (СМЗ). Такая же активизация смыслового значения происходит при замене некоего известного именованного новым.

10. Оценка собственного имени. М.А.Булгаков прибегает к данному виду коннотативной информации редко. Как правило, оценка сопутствует информации о правомерности использования СИ. Например, имя Полиграф (Собачье сердце) оценивается отрицательно, поскольку оно не принадлежит к системе собственных имен, а является обозначением прибора.

Активизируется оценочный компонент коннотативной структуры лексического значения (Оцн).

11. Стилистическое значение. Указание на использование синонимического (дублирующего) обозначения денотата в ситуации, обладающей другими признаками. Указание на стилистическую дифференциацию синонимических обозначений денотата. Актуализируется стилистический компонент коннотативной структуры значения (Ст). К стилистическому компоненту прибавляется информация о правомерности либо неправомерности использования СИ в конкретной ситуации: "Не смей называть Зину Зинкой" (Собачье сердце). Актуализируется компонент коннотативной структуры "смысловое значение" (СМЗ).

Таким образом, спектр значения собственного имени в представлении М.А.Булгакова, отраженный в его произведениях, можно представить следующей формулой:

Д: И - Суб - Об - Явл - КМ - Абс - Отн - СС

К: Ч - Инд - Соц - ИК - СЦ - Ст - Оцн - СмЗ

Спектр информации о возможном значении собственного имени представлен в произведениях М.А.Булгакова максимально полно. Это говорит о богатстве художественной палитры писателя, но также позволяет сделать вывод, что вся информация, которую потенциально способно передавать собственное имя, осознается писателем и сознательно используется им в художественном тексте. Также обнаруживается особенность булгаковского восприятия СИ, которая выражается в максимальном сближении семантики собственного и нарицательного имени.

5.1.1. Семантизация денотативного макрокомпонента: множество денотатов одного СИ

Для использования собственных имен М.А.Булгаковым характерны указания на то, что имя обладает множеством денотатов, а также и на то, что разные имена служат для обозначения одного и того же денотата. Подчеркивая, что имя принадлежит разным денотатам, М.А.Булгаков не делает явных обобщений и не приводит доказательств того, что денотаты, носящие одинаковые СИ, обладают чем-то общим. И тем не менее, мысль об их сходстве, общности, возникает.

"Толстому подражаете, – сказал Рудольфи.

Я рассердился.

– Кому именно из Толстых? – спросил я. – Их было много... Алексею ли Константиновичу, известному писателю, Петру ли Андреевичу, поймавшему за границей царевича Алексея, нумизмату ли Ивану Ивановичу или Льву Николаевичу?" (Записки покойника).

" – (...) Кроме того, он подражает...

– Кому? – спросил Рудольфи.

– Аверченко! – вскричал молодой человек, вертя поворачивая книжку и пальцем раздирая слипшиеся страницы, – самому обыкновенному Аверченко" (Записки покойника).

Помимо пейоративного оценочного значения, имя Аверченко в устах персонажа несет информацию о частотности этого имени ("обыкновенный"), и, кроме того, имплицитно подразумевается, будто писателей Аверченко существует несколько, и тот Аверченко, которому "подражает" герой, хуже и проще, чем другие Аверченко.¹

1 Местоимение **самый** означает выделение из множества

"Установилась традиция, – говорил даже Коровьев, – хозяйка бала должна непременно носить имя Маргариты, во-первых, а во-вторых, она должна быть местной уроженкой. (...) Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы в Москве, и, видите ли, – (...) ни одна не подходит" (Мастер и Маргарита).

Еще одна разновидность ситуации смешения имен представлена, когда персонажи забывают чьи-то имена, и, пытаясь их воспроизвести, эти имена искажают. Такая ошибка может стать привычной.

В "Записках покойника" режиссер Иван Васильевич никак не может воспроизвести имя и отчество главного героя – писателя Сергея Леонтьевича Максудова. Он называет его Леонтий Сергеевич, Леонтий Леонтьевич, Сергей Пафнутьевич и т.п. (Всего неправильных наименований – 6, и два раза неправильно названо имя, без отчества.) Главного героя пьесы, написанной Максудовым, – фамилия которого Бахтин, Иван Васильевич "просто перекрестил в Бехтеева". Таким образом, писатель не узнает своего героя, герою меняют не только имя, но и поступки – требуют, чтобы тот избрал другой способ самоубийства и т.п. У Максудова возникает отчуждение к режиссеру, только один раз назвавшему его имя и отчество правильно.

В тексте передано не только ощущение отсутствия контакта между людьми, которым следовало бы понимать друг друга – режиссером и автором пьесы, но и ощущение того, что человека принимают за другого, а он сам как бы не существует.

В пьесе "Иван Васильевич" управдом Бунша, вынужденный выдавать себя за Ивана Грозного, путает имя и отчество царицы, тем самым открывая, что он с нею незнаком.

Общее между разными людьми с одинаковыми или сходными именами – это сходство зрительных образов, обобщенное представление об их характере. По-видимому, такие обобщенные представления – не плод воображения М.А.Булгакова, а отражение реальных особенностей восприятия собственного имени в лингвокультурной общности, в социуме. Имена порождают ассоциации, вызванные сходством их звучания с другими именами, известными в культуре и в истории человечества. З.Фрейд (1991) приводит примеры таких ассоциаций; в частности, имена наполеоновских маршалов ассоциировались у него с именами библейских персонажей (с. 135). Одну из причин возникновения таких ассоциаций выдающийся психиатр видит в индивидуальном опыте человека, в фиксации впечатлений раннего возраста при первом восприятии этих имен. Однако в обобщенных образах, которые способны передавать СИ, есть и отражение коллективных знаний социума. В.Д.Бондалетов (1983, с. 70), подытоживая информацию об экспериментальных исследованиях, направленных на выявление и описание обобщенных представлений, отражаемых СИ, отмечает, что в языковом сознании русской лингвокультурной общности присутствуют представления о качествах типичных носителей имен Александр, Андрей, Надежда и др., и каждое имя порождает относительно устойчивый в своих постоянных чертах образ.

Мы полагаем, что наличие обобщенного образа у собственного имени отражает то свойство языкового знака, которое в самом общем виде охарактеризовал Ф. де Соссюр: связь между звуковым ("акустическим")

образом и неким представлением о реальном явлении, образом объекта. Эта связь возникает в человеческом сознании; языковой знак "насквозь психичен" (Ф. де Соссюр, 1977).

5.1.2. Семантизация денотативного макрокомпонента: множественность наименований одного денотата

Другая особенность использования собственных имен М.А.Булгаковым состоит в подчеркивании противоположного явления – наличия нескольких имен у одного лица или нескольких названий у одного объекта.

В реальном мире эта ситуация типична. Один и тот же объект описывается не только различными собственными именами, но и различными апеллятивами в зависимости от ситуации и конкретного смысла высказывания. Неединственность означаемого для одного означаемого характерна для всех естественных языков. Это свойство принято называть асимметрией языкового знака (см. С.Карцевский – в кн.: В.А.Звегинцев, 1962, с. 87).

В частности, в русской антропонимической системе принято официальное трехчленное наименование лица, состоящее из имени, отчества и фамилии. Кроме того, в неофициальном общении используется уменьшительное имя – одно или несколько. Человек может иметь также прозвище, каким-либо образом его характеризующее.

Особенность различной номинации одних и тех же лиц (объектов) у М.А.Булгакова состоит в том, что писатель использует имена и Названия не только официальные и общепринятые, но также и каким-либо образом трансформированные (искаженные). В этом случае возможно, что имя нуждается в семантизации, которая проявляется в отождествлении трансформированного варианта с известным,

неискаженным: Пэтурра – Петлюра (Белая гвардия), Абырвалг – Главрыба (Собачье сердце).

В основном искажения носят окказиональный характер. Но есть и типичные, т.е. такие, которые могут быть при прочих равных условиях осуществляемы разными людьми, поскольку образы подобных трансформаций распространены в языковой системе: Палосич – Павел Иосифович (Мастер и Маргарита). Р.И.Аванесов (1972, с.176) считает подобные сокращения имени и отчества (типа Сан Саныч) нормативными, хотя и допустимыми не во всех стилях речи. Однако отметим, что эта форма характерна только для Москвы. За ее пределами обращение при помощи сокращенного имени используется редко, т.к. считается фамильярным, невежливым.

При трансформации СИ трансформированная форма вступает с первоначальной в определенные смысловые отношения, которые помогают дополнительно характеризовать денотат. Так, трансформация имени домовладельца Василия Лисовича в Василису (из подписи Вас.Лис.) подчеркивает в персонаже "женские" черты – боязливость, слабодушие, осторожность и т.п. (Белая гвардия).

М.А.Булгаков часто использует прием, когда носителя имени смешивают с его тезкой, однофамильцем, а название одного объекта путают с названием другого. Крайним проявлением этой особенности, видимо, можно считать такие обстоятельства, при которых тезки и однофамильцы внешне похожи друг на друга, и оказываются почти двойниками. Иван Васильевич Бунша, попавший в эпоху Ивана Грозного, оказывается похож на царя и выдает себя за царя. Аналогично и царя Ивана Грозного, попавшего в XX век, путают с управдомом Буншей. Вор Жорж Милославский, также попавший в прошлое, был принят за своего однофамильца. Но тот казнен. И, стало быть, Милославский не существует.

"Милославский. (...) Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыпемся (...). А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?"

Дьяк. Ванька-разбойник.

Милославский. Ага. А я, наоборот, Жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него отмежевался" (Иван Васильевич).

Михаила Александровича Берлиоза, председателя Массолита, смешивают с французским композитором Гектором Берлиозом (1803-1869). Город Ялту смешивают с подмосковной чебуречной "Ялта" (Мастер и Маргарита).

Разновидностью данной ситуации можно считать эпизоды, когда человека неправильно идентифицируют с другим, носящим похожее имя. Однофамильцами эти люди не являются.

"В числе других задержанных на короткое время оказались: в Ленинграде– граждане Вольман и Вольпер, в Саратове, Киеве и Харькове – трое Володиных, в Казани – Волох, а в Пензе , и уж совершенно неизвестно почему, – кандидат химических наук Ветчинкевич... Правда, тот был огромного роста, очень смуглый брюнет.

Попались в разных местах, кроме того, девять Коровиных, четыре Коровкина и двое Караваевых" (Мастер и Маргарита).

Первая группа людей ассоциировалась с фамилией Воланд, вторая – с фамилией Коровьев. В первую группу попала фамилия Волох, ассоциирующаяся с именем славянского языческого бога – Волоса (Велеса). Это божество отождествлялось позднее с нечистой силой. Похожую фамилию носит персонаж романа И.А.Гончарова "Обрыв" нигилист Марк Волохов.

Если именем собственным обладает уникальный денотат, то при описании он опознается. Если автор обозначает этот денотат другим именем, то новое наименование также входит в смысловые отношения с известным именем объекта. Так, в "Белой гвардии" Киев именуется Городом (с прописной буквы). Это наименование, по справедливому наблюдению М.О.Чудаковой (1988), "соотносит его с такими

столицами мировых империй, как Рим и Москва" (с.615), придает описываемым событиям апокалиптическое звучание.

В названии "дачного литературного поселка Перелыгино на Клязьме" угадывается поселок литераторов Переделкино. Сопоставление двух названий выводит на первый план сему 'ложь' в качестве характеристики деятельности литераторов, за которую они получают награду в виде дачи.

"– Естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас (...) – Лаврович один в шести (комнатах. – Н.С.), (...) и столовая дубом обшита!" (Мастер и Маргарита).

В образе главного режиссера Независимого театра Ивана Васильевича, Как мы уже отмечали, узнается Константин Сергеевич Станиславский. Имя и отчество Иван Васильевич вызывает ассоциацию с царем Иваном Грозным.*

* В русской истории был также великий князь Иван Васильевич – Иван III (1440-1505), но он значительно менее известен.

Имя литератора Мстислава Лавровича, по мнению исследователей, указывает на В.В.Вишневого, участвовавшего в травле М.А.Булгакова, посредством ассоциации с лавровишневыми каплями (Г.А. Лясскис, 1991, с. 632). Общий смысл имени: 'некто мстит за славу и получает лавры', соответствует роли персонажа в произведении.

На основании семантизации внутренней формы имени Рюхин необходимо опровергнуть утверждаемое исследователями (Б.М.Гаспаров, 1988 и след.) сопоставление этого персонажа с В.В.Маяковским. Аппеллятив рюха трактуется в Словаре Даля как 'чурка для игры в городки', 'яма для волка', 'неудача', но самое яркое и "красноречивое" значение этого слова – 'свинья'. Бесспорно, это последнее значение и имел в виду М.А.Булгаков, давая имя своему

персонажу. Поэт Рюхин, поторопившийся отконвоировать своего друга в сумасшедший дом, уважения не вызывает. Его злобная ненависть к талантам, к культуре, к Пушкину далека от новаторства Маяковского, в творчестве которого присутствуют и знание классики, и уважение к ней. Отношение М.А.Булгакова к стихам В.В.Маяковского было непростым, но самого поэта он безусловно уважал. По воспоминаниям Л.Е.Белозерской-Булгаковой (1990, с. 214-215), писатель часто проводил вечера с Маяковским, они вместе играли в бильярд. М.А.Булгаков неоднократно хотел пригласить поэта в гости, но Л.Е.Белозерская-Булгакова противилась этому. Остается выразить сожаление, что информация о Маяковском – якобы прототипе Рюхина – попала в массовое пятитомное издание собрания сочинений М.А.Булгакова.

Подобные сопоставления персонажей произведения с конкретными личностями определенной эпохи правомерны лишь в том случае, если денотат действительно является уникальным, но не тогда, когда мы имеем дело, как это часто бывает в художественном произведении, с собирательным образом. Масштабы личности Маяковского и булгаковского героя Рюхина несоизмеримы.

В отношении имен нарицательных наличие различных означаемых для одного означающего представляет собой явление многозначности либо омонимии. В отношении СИ, учитывая тот факт, что основным значением СИ является указание на единичность объекта, целесообразно говорить об омонимии.

Сама по себе информация о наличии множества денотатов одного СИ не является чем-либо оригинальным – это обычная реальность Существования СИ. Однако в художественной литературе имя – знак исключительного персонажа. В контексте одного произведения редко встречаются лица, носящие одно и то же имя. А если это происходит, возникает необходимость дополнительного именованья, переименования. Так, например, в детской повести А.Г.Алексина "Саша и Шура", одному из персонажей, мальчику Саше, когда он

знакомится с другим персонажем, тоже Сашей, предлагают стать Шурой, чтобы не было путаницы.

Имя литературного героя предполагается настолько исключительным, что позволяет стать опознавательным знаком произведения. Например, имя Сбогар в "Барышне-крестянке" А.С.Пушкина – кличка, данная героем собаке, вызвала у современников поэта представление о Жане Сбогаре, герое одноименного романа Шарля Нодье. Герой романа И.А.Гончарова "Обрыв" Райский называет женщину, которой увлечен, – Армида. Это имя носит героиня романтической поэмы Т.Тассо "Освобожденный Иерусалим".

Имя известного литературного героя, если оно редкое, будучи дано рядовому члену общества, звучит претенциозно (Л.В.Успенский, 1960, с.100).

Указание на множество носителей данного имени в литературном произведении выражает более тесную связь художественного и реального мира, чем это обычно отражается в художественной литературе. Кроме того, возникает необходимость дать больше информации о конкретном персонаже, носителе СИ, и это повод развернуть повествование.

Информация о множестве имен (в том числе наличии прозвищ) у данного персонажа семантизирует реляционный компонент. Цели включения этой информации аналогичны.

5.1.3. Семантизация структурного компонента: говорящие имена

Говорящими именами в системе художественного произведения принято называть собственные имена, внутренняя форма которых дает

Существенную дополнительную информацию для понимания характера персонажа и смысла произведения. Говорящее имя – это "имя, семантически прозрачное, созданное автором для характеристики объекта номинации, подчеркивающее, преувеличивающее его качества" (Подольская Н.В., 1988, с.109). Статья о функциях "говорящих имен" в художественном тексте Э.Б.Магазаника "Ономастика поэтическая" в КЛЭ (т.5, с.441-444), а также монография Э.Б.Магазаника (1978), подробно освещающая проблемы интерпретации внутренней формы СИ в контексте художественного произведения.

Использование говорящих имен можно считать разновидностью имплицитной семантизации в том случае, если в тексте имеется информация, дублирующая значение, вкладываемое автором во внутреннюю форму СИ.

Так, имя секретарши Лапшенникова может быть семантизировано информацией о вульгарном выражении, в котором упоминается лапша, означающем, что некто беззастенчиво и грубо обманывает другого. Такая трактовка фамилии оправдана контекстом.

"Я пришел через две недели и был принят какой-то девицей со скошенными к носу от постоянного вранья глазами. – Это Лапшенникова, секретарь редакции, – усмехнувшись, сказал Иван, хорошо знающий тот мир, который так гневно описывал его гость.

– Может быть, – отрезал тот, – так вот, от нее я получил свой роман, уже порядочно засаленный и растрепанный. Стараясь не попадать своими глазами в мои, Лапшенникова сообщила мне, что редакция обеспечена материалами на два года вперед и что поэтому вопрос о напечатании моего романа, как она выразилась, отпадает" (Мастер и Маргарита).

В контексте оказываются связанными единой ассоциативной цепью слова вранье, фамилия секретарши и слово засаленный (ассоциация с жиром, с пищей).

Имя кота Бегемот семантизируется автором через указание большого размера: кот, "здоровый, как бегемот". Истинная причина выбора номинации для данного персонажа, как отмечают исследователи (Б.Г.Соколов, 1991) кроется в том, что слово бегемот в средневековых европейских и арабских текстах служило одним из обозначений дьявола.

Говорящие имена можно считать авторской семантизацией, если в семантике внутренней формы имени содержится обобщение, позволяющее распространить указанные характерные черты персонажа на большой круг людей или явлений. Так, имя одного из критиков (очевидно, псевдоним), начавшего травлю мастера в печати – Ариман. Как известно, это обозначение дьявола в персидской религии зороастризма. (Другие транскрипции – Ахриман, Ангхра – Манью). Таким образом гонение на мастера сравнивается с делами дьявола.

Такое же обобщение обнаруживается в прозвище Аннушки – Чума. Старинное обозначение чумы – мор. Это слово содержит тот же корень, что и слова смерть, мертвый. Следовательно, Аннушка – носитель бедствия, связанного со смертью, ее также можно причислить к дьявольской силе.

Другие имена, также говорящие, подобного обобщения не содержат, поэтому мы выводим их из круга изучаемых нами явлений. Например, внутренняя форма фамилии Варенуха расшифровывается через соответствующий апеллятив как 'пьяный напиток из наvara водки и меда на ягодах и пряностях'. Однако такая расшифровка мало что прибавляет к образу героя, который не похож на пьяницу. Фамилия вызывает ассоциацию с персонажами Гоголя.

Фамилия же другого персонажа – Лиходеев – вписывается в ту семантику, о которой мы сказали ранее – 'люди, связанные с дьявольской силой'.

Семантизация внутренней формы имени Маргарита (лат. 'жемчужина') поддерживается эпитетом в обращении – "алмазная донна" (общая архисема – 'драгоценность').

5.1.4. Семантизация коннотативного макрокомпонента: историко-культурный компонент, система ассоциативных связей

Актуализации ассоциативных связей способствует включение собственного имени в определенный ассоциативный ряд. Иногда это может быть "подсказка" в виде характеризующего имени нарицательного, которое в таком случае выполняет роль архисемы.

Так, например, фамилия персонажа Соков (Мастер и Маргарита) актуализирует информацию о его профессии – буфетчик. Имя и отчество директора ресторана Арчибальд Арчибальдович, напротив, не связывается с представлениями о работнике питания, а вызывает ассоциацию с романтическим персонажем книг о рыцарях. Сам автор вводит ассоциацию с книжной романтикой, называя своего героя флибустьер, подчеркивая его сходство с капитаном пиратского брига.

ИмPLICITная семантизация может проявляться в актуализации ассоциативных связей, которые образуются наличием в произведении определенных ассоциативных полей. В этом случае имена, связанные с этими полями наличием определенных сем, выстраиваются в сознании читателя в ассоциативный ряд.

Наиболее полно ассоциативные связи актуализируются в романе "Мастер и Маргарита". Здесь они выступают в виде тесно сплетенных между собой узлов единой сети. Б.М.Гаспаров (1988 и след.), как уже было отмечено нами ранее, в разделе 3.3.1., выделяет в романе множество тесно связанных между собой лейтмотивов. На основании авторской семантизации мы считаем необходимым выделить из этих мотивов три наиболее важных: античность (история), музыка, религия.

Эти же мотивы прослеживаются и в других произведениях М.А.Булгакова, но в них они представляют собой информацию, связанную с индивидуально-авторскими ценностями и не образуют взаимосвязанной структуры. Отнесение конкретного имени к одному из ассоциативных рядов, выделение таких рядов тем более вероятно, чем больше в произведении имен, содержащих семы, сигнализирующие о наличии подобного ряда. Причем, помимо количественной информации, о реальности выделения таких рядов свидетельствует качественная информация – реальная связь данных сем с тематикой произведения, с его идейным содержанием, ключевыми понятиями.

Так, например, кличка собаки Банга в "Мастере и Маргарите" позволяет включить данное СИ в ассоциативное поле, связанное с медициной: болезнь Банга 1 – бруцеллез. К этому же ряду можно отнести фамилию эпизодического персонажа – Пролежнев. Однако в пространстве романа "Мастер и Маргарита" этот ряд не имеет оснований для выделения – он немногочислен и не связан с идейным содержанием. Можно указать лишь источник возникновения этих наименований – медицинское образование М.А.Булгакова. К трактовке самого произведения это почти ничего не прибавляет.

1 В.L.F.Bang (1848-1932) – датский врач (ЭСМТ, т.I, с.121), описавший эту болезнь; в честь него она получила свое наименование. Л.Е. Белозерская сообщает, что Банга, Любанга были ласкательными прозвищами, которыми ее наделял М.А. Булгаков (Л.Е. Белозерская-Булгакова, 1989, с. 161)

Тема античности подчеркивает связь двух миров и двух текстов – повествование о мастере и "романа в романе", связь прошлого и настоящего. Античная история продолжается в современности. В диалоге Воланда и Азазелло Москва прямо связывается с Римом:

"Воланд заговорил:

– Какой интересный город, не правда ли?

Азazelло шевельнулся и ответил почтительно:

– Мессир, мне больше нравится Рим".

К этому же ряду ассоциаций примыкает фамилия Римский, имя ведьмы Гелла, заимствованное из греческой мифологии, греческое имя Амвросий, имя и отчество эпизодической героини Иды Геркулановны Ворс (мартовскиеиды – древнеримский праздник; в 44 г. до н.э. в дни празднования мартовских ид был убит Юлий Цезарь. Геркуланум – название древнеримского города, погибшего одновременно с Помпеями при извержении Везувия, Ворс может быть интерпретировано через английское worse – 'хуже'.)

Тема античности возникает еще в "Белой гвардии". Среди эпизодических персонажей появляется дворник, похожий на Нерона – "дворник Нерон".

Другой ряд ассоциаций, важный для идейной концепции романа, – музыкальный. Вместе с музыкой в роман входит тема прекрасного. Л.Е.Белозерская-Булгакова говорила о влиянии классической музыки на выбор М.А.Булгаковым имен для своих героев. Фамилия профессора-психиатра Стравинский совпадает с фамилией выдающегося композитора Игоря Стравинского. Фамилия одного из героев "Белой гвардии" Тальберг дана ему М.А.Булгаковым в соответствии с фамилией знаменитого певца XIX века Зигмунда Тальберга – с. 191.

"Музыкальной" является также фамилия Берлиоз. В этот ряд попадает прозвище Коровьева – Фагот, имя Афраний (Афранио – изобретатель фагота¹), уже упоминавшаяся фамилия Римский (композитор Н.И.Римский-Корсаков).

В этом же ряду находятся и ассоциации, которые вызваны именем главной героини – Маргарита². Исследователи отмечают генетическое

сходство Маргариты с гетевской Маргаритой – Гретхен (Г.А.Лескиис, 1990).

1 См. об этом: Б.В.Соколов, 1991.

2 В гностической литературе так называлась драгоценная человеческая душа, или, в своей глубинной основе, душа мира – София (Г.Круговой, 1979).

Однако обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от Гете, Булгаков постоянно употребляет полное имя героини (и только два раза – уменьшительное: Марго), и это сразу вызывает ассоциации не с "Фаустом" Гете, а с оперой "Фауст" Ш.Гуно, где героиня носит полное имя. Название романа "Мастер и Маргарита" звучит как имена главных героев оперы – Фауст и Маргарита. Название оперы Ш.Гуно актуализируется в словах мастера, обращенных к Иванушке: "Вы, может быть, и оперу "Фауст" не слыхали?" В одной из первоначальных редакций романа герой, впоследствии ставший мастером, был назван Фауст.

Музыкальный ряд имеет в романе глубокие корни. Исследователи отмечают, что многие сцены романа (шествие на казнь, отрубленная голова, бал, шабаш ведьм) совпадают с эпизодами, указанными в программе "Фантастической симфонии" Гектора Берлиоза. У Гектора Берлиоза есть также разработка сюжета "Фауста" Гете – симфоническая оратория "Осуждение Фауста" 1. Знаменитая фраза из куплетов Мефистофеля (в опере Ш.Гуно) "Сатана там правит бал" развивается М.А.Булгаковым в повествование о бале сатаны.

1 Б.В.Соколов, 1991.

Обратим внимание, что поверхностным фоном изображаемых событий в романе "Мастер и Маргарита" часто служит плохая музыка: фокстрот с кощунственным названием "Аллилуйя" ("Алилуйя" в переводе с греческого – "Хвалите Бога") – в ресторане и на балу у Воланда, отвратительный пошлый марш – в Варьете. Но звучит и хорошая музыка – полонез и ария Гремина из оперы П.И.Чайковского "Евгений Онегин". Звучат легкие вальсы Штрауса. В символическую сцену перерастает эпизод с исполнением песни политкаторжан о свободе – "Священный Байкал".

Булгаков дополняет убогий и неприятный музыкальный фон, соответствующий изображаемой действительности, ассоциативной информацией о самых лучших творениях музыкального гения человечества. Тем самым поддерживаются связи с прошлым не только в историческом, но и в культурном аспекте.

Третий ассоциативный ряд – религия. В романе "Мастер и Маргарита" к нему можно отнести уже упоминавшиеся имена, указывающие на связь с нечистой силой – Ариман, Лиходеев. Сюда же относятся имя эпизодического персонажа – поэта Богохульского, название фокстрота "Аллилуйя" (реально существующее музыкальное произведение).

В других произведениях к этому же ряду примыкают: фамилия профессора Преображенский ("Собачье сердце"), фамилия литератора Ликоспастов ("Записки покойника") и др.

5.1.5. Семантизация коннотативного макрокомпонента: экспрессивная и оценочная информация, нормативность употребления имени

Экспрессивной следует считать такую информацию о СИ, которая выходит за рамки обычных представлений о денотате, если денотат и Собственное имя известны. В этом случае возникает гиперсемантизация.

Примером может служить семантизация имени Нерон.

" – Виноват, а это кто же? – удивился я, глядя на жестокое лицо человека с лавровыми листьями в кудрявой голове. Человек был в тоге и в руке держал пятиструнную лиру.

– Император Нерон (X), – сказал Бомбардов (...). – Нерон был певец и артист(У)" (Записки покойника).

Общеизвестно, что Нерон был римский император, прославившийся своей жестокостью, особенно в отношении первых христиан. Добавляется информация о том, что он был певец и артист, причем деятельность Нерона в качестве актера оценивается как положительная, и потому его портрет помещен в галерею Независимого театра. Подобная оценка вызывает удивление у героя. Очевидно, герой и автор разделяет нравственную позицию, высказанную А.С.Пушкиным: "Гений и злодейство – две вещи несовместные".

Информация об известности носителя СИ может и не соответствовать информации о том, что именно следует знать о его носителе. Факт известности рассматривается как нечто отдельное от прочей информации. См., например, несоответствие знаний о Пушкине у Никанора Босого тем знаниям, которые следовало бы иметь о великом русском поэте, при наличии общей информации об известности имени Пушкина.

Информация о реальности ирреальности и об известности неизвестности субъекта-носителя СИ интересует врача-психиатра Стравинского. Профессор задает вопрос: "А кто такая Аннушка?" – и получает ответ, что это лицо реальное, но неизвестное говорящему. Главная информация об Аннушке заключается в оценке ее роли в событиях: "Дура какая-то с Садовой (У)". Со степенью осведомленности о субъекте (объекте), обозначенном собственным именем, связана возможная оценка данного явления, которая отражается на отношении к ономастическому знаку.

Оригинальной является информация о Карибском море.

"Лгут оболъстители-мистики, никаких Караибских морей (X) нет на свете (У), и не плывут в них отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними корвет, не стелется над волною пушечный дым. Нет ничего и ничего не было!" (Мастер и Маргарита).

Актуализируется ассоциация Карибского моря с романтикой морских приключений, предполагается, что это море – вымышленное, так же, как вымышлены многие морские приключения, описанные романтиками. Отрицается множество вымышленных литературой миров, объединенных по признаку приукрашивания действительности. Это подчеркнуто множественным числом (Карибские моря) и архаической транскрипцией. Между тем мир, который встает на страницах "Мастера и Маргариты", не менее фантастичен.

Экспрессивной семантизацией является и переосмысление известных соотношений между формальной оболочкой и содержанием собственного имени, ложная этимологизация, игра слов, основанная на преобразовании значения языковых единиц, положенных в структуру некоего наименования. Так, например, в романе "Роковые яйца" переосмыслено название, типичное для совхозов – "Красный луч". В этом названии слово красный, в соответствии с принципами ономастики в советском государстве, означает 'относящийся к большевистской (коммунистической) идеологии'. Из контекста М.А.Булгакова название "Красный луч" расшифровывается как название хозяйства, где проводят эксперименты с неким фантастическим красным лучом. Луч красного цвета, ускоряющий развитие живых организмов, согласно вымыслу автора, открыт профессором Персиковым.

В этом же романе семантизируется название журнала "Красный ворон". Указано, что это "сатирический журнал издания ГПУ". Журнал "Красный ворон" существовал в 1922-1924 гг., но это не было издание ГПУ. В названии переосмысливается слово *ворон*. Подразумевается 'машина, в которой увозили арестованных'. Как правило, это была

машина черного цвета. В этом случае слово красный понимается как 'связанный с идеологией'.

Сведения из БСЭ дают возможность восстановить логику, по которой название ворон было перенесено на машины, принадлежащие органам ГПУ.

"Ворон, приспособление, применявшееся в древности для разрушения крепостных стен, переброски внутрь крепости вооруженных воинов и для облегчения abordaжа кораблей. В первом случае ворон имел форму массивного крюка, приводившегося в движение несколькими воинами; во втором – форму колодезного "журавля" с ящиком для воинов; и в третьем – форму перекидного моста (бревна) с большим металлическим крюком на конце"¹. Как видим, общее в этих различных машинах – не столько форма, сколько функция. Инвариант данного обозначения, по-видимому, заключается в понятии 'орудие, при помощи которого брали в плен'.

¹ Т.5, с. 361.

Наиболее экспрессивной является информация об Иисусе Христе (Иешуа Га-Ноцри). Роман мастера об Иисусе Христе по существу является сверхразвернутой семантизацией, раскрывающей смысл фразы, сказанной сатаной: "Имейте в виду, что Иисус существовал".

Разумеется, целью написания "романа в романе" была не семантизация. Однако, по-видимому, желание рассказать об Иисусе Христе и убедить неверующих в том, что Он существовал, было у М.А.Булгакова давно.

"В лето от рождества Христова... в соседней комнате слышен комсомольский голос: "Не было его!!" Ну, было или не было, одним словом, в 1921 году, въехав в Москву, (...) страдал я, граждане, завистью в острой форме" (Москва 20-х годов).

Отметим, что роман мастера об Иешуа так же, как семантизирующая часть многих единиц АС, представляет собой "текст в тексте", интекст. При введении повествования об Иешуа используется тот же прием, что мы наблюдаем в "Золотой розе" К.Г.Паустовского, когда писатель предваряет рассказ серией вопросов, позволяющих ему перейти к раскрытию темы.

Роман об Иешуа предваряется столкновением различных точек зрения на вопрос о том, действительно ли существовал Иисус Христос.

Оценка собственного имени может быть связана не только с представлениями о денотате, но и с представлением о семантике внутренней формы СИ, об историко-культурном компоненте его значения,

а

в целом – с обоснованием адекватности или неадекватности наименования конкретного лица или объекта данным собственным именем. Вместе с оценочным компонентом актуализируется компонент "смысловое значение".

"Сейчас же он явился и счастливым матерям предложил имена для их крошек: Баррикада и Бебелина. Так что первая выходила Баррикада Анемподистовна, а вторая просто Бебелина Иванна, от чего обе матери отказались с плачем (...)

Тогда Ванькин обменял на два других имени: Мессалина и Пестелина, и только председатель завкома его осадил, объяснив, что "Мессалина" (X) – такого имени нет (Y1), а это картина в кинематографе (Y)" (Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева).

(Мессалина – вторая жена римского императора Клавдия (10 век до н.э. – 54 н.э.), вошедшая в историю своим развратным поведением.)

Экзотические личные имена могут обладать как положительными, так и отрицательными оценочными коннотациями. Это зависит от того, как по-разному оценивается говорящими тот факт, что собственное имя

принадлежит к антропонимической системе, чуждой для данной лингвокультурной общности. Положительная оценка экзотического или искусственного личного имени может возникать у людей, которые интересуются необычным, новым. Отрицательная оценка может возникнуть не только при отрицательном отношении к чужим антропонимам, вносимым в нехарактерную для них систему, но и вследствие возникновения нежелательных ассоциаций с апеллятивами и их значением. У привычных имен эти ассоциации минимальны или отсутствуют. Такие ассоциации часто не учитываются лицами, осуществляющими акт номинации. Примеры новоизобретенных имен, оказавшихся неудачными, приводятся в книгах К.И. Чуковского "Живой как жизнь", Л.В. Успенского "Ты и твое имя".

В повести "Собачье сердце" Шариков избирает себе имя Полиграф, которое ему кажется красивым, и поэтому он его дублирует аналогичным отчеством Полиграфович. В имени Полиграф персонаж явно выделяет морфему – граф, – которая, с его точки зрения, указывает на благородное происхождение. Многие личные имена в русской антропонимической системе начинаются элементом Поли- (греч. 'много'): Поликарп, Поликрат, Поликсена и др. (напр. Поликсена Торопецкая в "Записках покойника").

У других персонажей повести – профессора Преображенского и доктора Борментеля – имя Полиграф вызывает отрицательную оценку, поскольку они знают, что имени Полиграф не существует ни в русской, ни в какой-либо другой национальной антропонимической системе.

Словом полиграф обозначаются два прибора: 1) копирующий прибор (Словарь Ушакова), 2) в медицинских лабораторных исследованиях – многоканальный осциллограф, позволяющий записывать показания нескольких физиологических функций организма (БСЭ). Выбор данного апеллятива Шариковым в качестве личного имени показывает, что Шарикову все это неизвестно, и знать об этом он не хочет. Знание семантики внутренней формы личных имен, истории их происхождения, понимание семантики общераспространенных

иностранных слов является элементом культуры, а Шариков – противник культуры.

Все эти сведения, связанные с именем Полиграф, присутствуют в повести имплицитно, а эксплицитно М.А.Булгаков указывает на две различные оценки вымышленного собственного имени. Указывает писатель также и на то, что имя было занесено в календарь, и тем самым ошибка в употреблении данной лексемы в качестве имени собственного стала узаконенной.

Подводя заключение об общих особенностях семантики ономастического знака, в произведениях М.А.Булгакова, отметим, что в авторском восприятии значение собственного имени, не теряя своих индивидуализирующих свойств, существенно сближается со значением имени нарицательного. Огромной важностью для М.А.Булгакова обладают параметры: реальность/ирреальность объекта, известность/неизвестность имени, внутренняя форма, историко-культурный компонент, смысловое значение. Многие имена связаны с индивидуально-авторской системой ценностей.

5.2. АВТОРСКАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РОМАНЕ "МАСТЕР И МАРГАРИТА"

5.2.1. Отражение философской концепции романа при семантизации

Важнейшая особенность употребления собственных имен у М.А.Булгакова следующая: связь между синхроническим и диахроническим компонентами лексического фона (Явл + ИК). Вследствие этого граница между прошлым и настоящим размыта или исчезает. Между бытием и инобытием нет существенной разницы.

Подобное восприятие мира в романе "Мастер и Маргарита" мотивируется существованием фантастических персонажей, и прежде всего Центрального фантастического героя – Воланда, который, согласно религиозным представлениям о сатане, наделен вечным бытием. В романе Воланд сообщает, что лично видел Понтия Пилата и разговаривал с Иммануилом Кантом, тем самым делая этих давно умерших людей живыми в воображении невежественного, но впечатлительного Ивана Бездомного. Интересна реакция Иванушки на рассказ о Канте. Как мы уже упоминали, Иванушка предлагает сослать Канта в Соловки, как если бы великий философ был жив. Это означает, что в картине мира Иванушки отсутствует знание о Канте как о философе прошлого – время жизни философа ему даже приблизительно неизвестно. Отрывочны и его знания о Понтии Пилате и об Иисусе Христе. Это не помешало, однако, Ивану выполнить "социальный заказ" и написать поэму об Иисусе Христе, в которой Спаситель предстал хотя и несимпатичным, но вполне реальным.

Характерен для идейной концепции романа следующий диалог, отражающий роль собственного имени в культурном сознании различных персонажей и помогающий раскрыть авторское представление о связи великих имен с историей цивилизации, с культурой и вечностью:

" – (...) Так вот, чтобы убедиться в том, что Достоевский (X) – писатель (У), неужели нужно спрашивать у него удостоверение?

– Вы – не Достоевский, – сказала гражданка, сбиваемая с толку Коровьевым.

– Ну, почему знать, почему знать, – ответил тот.

– Достоевский умер, – сказала гражданка, но как-то не очень уверенно.

– Протестую! – горячо воскликнул Бегемот. – Достоевский бессмертен".

Актуализируются сведения:

1. КМ1 – Достоевский – писатель (Явл)

2. ИК – Достоевский – великий писатель прошлого (Оцн)

3. КМ2 – Достоевский давно умер, в современной картине мира его нет (И)

4. СЦ – Творчество Достоевского принадлежит к величайшим ценностям, и поэтому Достоевский бессмертен (КМ+)

Т.о. 5. КМ3 – Достоевский – "наш современник"

Происходит как бы воскрешение Достоевского, а с ним и прошлого. Прошлое "восстанавливается в правах", оказывается связанным с настоящим тысячами нитями.

Диалог о Достоевском воспринимается как шуточный. Его глубинный серьезный смысл проступает не сразу. Аналогичную информацию, построенную целиком на серьезных тонах, М.А.Булгаков оценивает как грубую риторику или плохую литературу. Ср. сходные диалоги в других произведениях писателя, приведенные как чужие тексты или чужая речь, где высказывания даны сквозь призму авторской оценки.

" – (...) А где теперь живет Карл Маркс?

Молодой человек (...) кричит по поводу Маркса:

– Он умер!

А председатель рявкнул:

– Нет! Он живет в сердцах пролетариата!" (Египетская мумия).

"Кто пишет трогательнее, чем дамы? Разве что иные мужчины: русский автор Владимир Рафаилович Зотов даст не менее чувствительный финал.

– Король идет. Он хочет видеть Мольера. Мольер! Что с ним?

– Умер.

И принц, побежав навстречу Людовику, воскликнет:

– Государь! Мольер умер!

И Людовик XIV, сняв шляпу, скажет:

– Мольер бессмертен!" (Жизнь господина де Мольера)

Подобно семантизации, связанной с именем Достоевского, где текст Носит юмористически-гротескный характер, писатель неоднократно обращается к теме возвращения "вечных" имен в юмористически-ироническом тоне. Таков, например, эпизод, где семантизируется имя Пушкин в восприятии Никанора Босого. Этот персонаж никогда не читал Пушкина. Текст маленькой трагедии "Скупой рыцарь" он воспринимает как незнакомый. И однако, сообщает автор-повествователь, "самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: "А за квартиру Пушкин платить будет?" или "Лампочку на лестнице стало быть, Пушкин вывинтил?", "Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?"" Имплицитная семантизация подчеркивается использованием архисемы поэт Пушкин.

"Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта (У) Пушкина (X)..."

Архисему поэт при имени А.С.Пушкина в русской лингвокультурной общности использовать нет необходимости, поскольку эта информация является общеизвестной, тривиальной. Хотя у великого поэта были и есть родственники и однофамильцы, практически никто из них не стал,

подобно Александру Сергеевичу Пушкину, частью национального сознания.

Шуточная фраза о том, что Никанор Иванович знал Пушкина, родилась под влиянием некогда распространенных фразеологических выражений "А кто за это заплатит – Пушкин?"¹ и т.п. Эти выражения писатель Борис Тимофеев в книге о русском языке "Правильно ли мы говорим?" (1963, с. 259) приводит как пример языкового кощунства. Аналогичным образом относится к подобным выражениям и М.А. Булгаков.

¹ "А платить кто будет – Пушкин?" – реплика из кинофильма "Веселые ребята" (1934 г., авторы сценария В.З.Масс, Н.Р.Эрдман, Г.В.Александров, режиссер Г.В.Александров). Отметим, что драматург Н.Р. Эрдман был другом М.А. Булгакова.

В романе "Мастер и Маргарита" создается своеобразная картина мира, знаками которой являются не живые и умершие (соотнесенность с прошлым и соотнесенность с настоящим), а живые и бессмертные. Время – только настоящее. Смерть есть переход в бессмертие. Прошлое является таким же реальным, как и настоящее.

Подобная картина мира безусловно фантастична с точки зрения изображения объективной реальности. Но она отражает, если можно так выразиться, внутренний мир человечества, его самые сокровенные идеи.

Между тем подобную фантастическую картину мира представляет в своей беседе с психиатром Иван Бездомный. В его ответах реально существующими в настоящем времени являются: человек, лично знавший Понтия Пилата, сам Понтий Пилат, Берлиоз (это имя психиатр интерпретирует как имя композитора Гектора Берлиоза), Грибоедов (имя писателя смешивается с названием ресторана). Такое соединение живых и мертвых в один "коктейль" в психике Ивана становится одним из оснований для диагноза шизофрении. Как отмечает исследователь биографии и творчества М.А.Булгакова, Ю.Г.Виленский (1990),

кандидат медицинских наук, этот диагноз ошибочен. Собственные имена выдающихся людей оказываются частью культурного сознания, которое противопоставлено сознанию "девственному", "невежественному" (характеристики, данные Иванушке мастером).

В невежественном сознании прошлое представлено в виде сказки, мифа и отделено от настоящего. Оно перечеркнуто, неизвестно, предано забвению. Таким делала мир в глазах наивных молодых людей вроде Иванушки идеологическая пропаганда (вспомним призывы разрушить старый мир, сбросить Пушкина с парохода современности и т.п.). В романе "Мастер и Маргарита" идеологом, сознательно внушающим искаженную картину мира, представлен редактор атеистического журнала Михаил Александрович Берлиоз. Данные, которые он сообщает Иванушке – о том, что сведения об Иисусе Христе в исторических сочинениях Иосифа Флавия и Тацита якобы представляют собой позднейшие вставки, – распространялись официальной пропагандой 30-х годов. В настоящее время эти сведения признаны подлинными свидетельствами реальности Иисуса Христа. (См. об этом: Г.А.Лесскис, 1991, А.В.Мень, 1991б, Б.В.Соколов, 1991).

Невежественное сознание отличается разорванностью и стремлением к созданию поверхностных связей. Не случайно информация, которую сообщает Иванушке Воланд, приводит молодого человека к глубокому потрясению. Его ум не в состоянии справиться с новой концепцией мира. Еще одно потрясение – смерть Берлиоза, происшедшая у него на глазах, – и у Иванушки возникает психическое заболевание.

Одна из существенных идей романа – о том, что нельзя безнаказанно порывать с прошлым, с памятью о нем. Эта идея прямо противоположна идеологии, распространявшейся советской пропагандой.

Центральным, интегрирующим началом является в романе идея религии. (Не случайно в переводе с латинского *religio* означает 'восстановление связи'). События романа представляют собой доказательство от противного в пользу религиозной идеи: плохо, когда

в обществе нет веры в Бога. В романе Воланд обещает представить героям "седьмое доказательство" бытия Божия. (В первоначальном варианте романа – "шестое доказательство".)

В окончательной редакции романа идея религии выражена автором не так прямолинейно, как в первоначальных вариантах. В последней редакции отсутствуют православная символика и атрибуты православного культа, описание которых имеется в первоначальных вариантах (см. текст романа "Черный маг"¹). В первоначальной редакции романа Иванушка купается не просто в Москве-реке, а возле храма Христа-Спасителя, впоследствии взорванного. Сведено к минимуму упоминание о церковной утвари в квартире, где поселился Воланд. Вычеркнута сцена, которая нравилась Л.Е.Белозерской-Булгаковой – о том, как в здании бывшей церкви бывший протоиерей продает с аукциона шубу царя Александра III (Л.Е.Белозерская-Булгакова, 1991, с. 181).

¹ "Черный маг" – под таким заглавием В.И.Лосевым были опубликованы главы из первой и второй редакции романа "Мастер и Маргарита". Это – часто повторяющийся в булгаковских черновиках один из первоначальных вариантов заглавия.

Писатель отдавал себе отчет, что первыми читателями романа будут люди, похожие на Иванушку Бездомного, т.е. малообразованные, несведущие в идеологии прошлого. У нового поколения атеистов символика и атрибуты православного культа вызывают прежде всего мысль о том, что религия в прошлом являлась орудием угнетения масс, "опиумом для народа". Поэтому тяжесть религиозных идей приняли на себя образы, связанные с романтической сказкой; усилилась связь некоторых зрительных образов и деталей с оперой Ш.Гуно "Фауст", которая оставалась известной, т.к. не была запрещена и не сходила со сцены.

Можно согласиться с точкой зрения П.В.Палиевского (1979) о том, что роман адресован людям, подобным Иванушке Бездомному – все события разворачиваются как бы для него. Восприятие мира Иваном Бездомным – это один из уровней типичного восприятия мира новым поколением людей, воспитанных советской властью. Это адресат первого уровня, его можно соотнести с "уровнем ребенка". "Уровень ребенка" подчеркивается введением уменьшительного имени – Иванушка. Наши исследования семантизированных единиц подтверждают, что писатель реально ориентировался на этот уровень. Другой адресат – более высокого уровня – предполагается во многом равным автору. Отношение к адресату, как к личности, равной самому автору, характерно для лирических произведений (И.И.Ковтунова, 1986).

Читатель, близкий к автору, способен понять многие намеки и недомолвки. Такому читателю не надо объяснять, что говорил мастер на ухо Иванушке, где находился мастер во время своего трехмесячного отсутствия, почему оторваны пуговицы пальто мастера, с какими событиями связан сон Никанора Босого и т.п. Этот читатель понимает, что "весеннее полнолуние" – намек на христианскую Пасху.

Многие исследователи отмечают в романе присутствие лирического Начала (В.И.Сахаров, 1988). В отношении собственных имен это лирическое начало можно увидеть в том, что автор незаметно подменяет имя героя, называя его сначала Иван Николаевич, затем Иван, а после – Иванушка. Этим проявляется сначала отчуждение и осуждение, затем приближение к герою, к его восприятию мира, а впоследствии – сострадание, сочувствие к своему герою рассказчика – человека более сильного и опытного, глубже понимающего мир и причины всего происходящего с героем. В результате перенесенных страданий герой становится для автора близким человеком. Такое же отношение к герою автор пробуждает и в читателе, рассчитывая на читательское понимание.

Сходным образом можно интерпретировать различные именованья главной героини – Маргариты: отсутствие ее имени в рассказе мастера

о своей возлюбленной (мастер называет ее незнакомка, женщина, она), затем, при первом представлении повествователем героини после обращения к читателю ("За мной, читатель!"), в 19-й главе впервые появляется имя героини. Автор именует ее в этой главе официально – Маргарита Николаевна (33 раза), чередуя имя и отчество с наименованием героини по имени – Маргарита. При этом внешнее изображение событий сочетается с отражением внутреннего состояния героини, но преобладает внешнее описание событий – зрительные образы, описывающие героиню со стороны. Начиная с 20-й главы автор переходит на изображение событий глазами героини. С этого момента автор именует ее только Маргарита. Свита Воланда называет Маргариту королева и королева Марго. Мастер называет ее Марго. Воланд обращается к Маргарите донна и по имени и отчеству. Маргарита и Иван наиболее полно представляют собой "уровень героя".

М.М.Бахтин, кроме двух предполагаемых участников диалога (автора и читателя) выделяет еще и адресата высшего уровня. "...Автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего наадресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени. В разные эпохи и при разном миропонимании этот наадресат и его идеально верное ответное понимание принимает разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п.)" (М.М.Бахтин, 1979, с. 305-306).

Представляется любопытным, что идеальный наадресат в романе "Мастер и Маргарита" присутствует в тексте. Это Бог, вернее – Иисус Христос, вторая ипостась Святой Троицы, верховное Божество, к которому Обращаются христиане в своих молитвах. "Он прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем". "Ваш роман прочитали, – заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, – и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен". "Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой, которого вы сами только что

отпустили, прочел ваш роман. (...) То, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас – еще лучше".

Восклицание мастера "Как я угадал!" относится к образу Пилата, "угаданного сына короля-звездочета". Насколько верно угадан Иисус Христос, остается неизвестным. Можно трактовать это так, что его изображение не слишком далеко от истины, поскольку текст романа мастера совпадает с рассказом Воланда и накладывается на этот рассказ. Многие исследователи склонны считать, что подобное изображение Иисуса – точка зрения сатаны и Пилата. Поэтому, отразив данную точку зрения, мастер поддался искушению дьявола.

В романе есть и другой Христос – Божество, которое, так же, как и сатана, обладает вечным бытием. Мы не видим Его облика, но видим, что Он более могущ, чем сатана, и сатана вынужден ему подчиниться. Как мы уже упоминали, Он прочитал роман мастера. В качестве оценки произведения мастера Им была сказана фраза, которую трактуют по-разному: "Он не заслужил света, он заслужил покой". Не все было правильно в романе и в жизни мастера.

Есть и третий Христос – образ человека, продолжающего после смерти свое существование в потустороннем мире. Согласно представлениям о бессмертии души, этот образ видится не слишком отличающимся от того облика, какой запомнился живущим при жизни. Таким он приходит в потустороннем мире к ставшему бессмертным Понтию Пилату, жаждущему с ним беседовать.

Любопытно, что мастер называет свой роман не романом об Иисусе Христе, а "романом о Понтии Пилате". Изображение Пилата, которому в романе уделено значительно больше текста, чем Иешуа, производит впечатление меньшей экспрессии, возможно, потому, что реальность существования Пилата никогда не подвергалась сомнению. Евангелия информируют о Пилате как об обычном человеке, только наделенном властью. Информация, которую сообщает мастер о Пилате, интересна, но в ней нет ничего удивительного, сверхъестественного. В отличие от

информации об Иисусе, она в основном совпадает с евангельской трактовкой этой личности.

Мы полагаем, что одной из причин, почему роман мастера называют "романом о Понтии Пилате", является необходимость подтвердить реальность Иисуса Христа. Подтверждением его реальности становится сам Пилат, свидетель и участник евангельских событий. В христианском Символе веры, который, как известно, является кратким изложением основных концепций этой религии (в четвертом его члене), сказано о вере в Иисуса Христа, "распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна" (распятого за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего, и похороненного).

А.В.Мень (1992) объясняет включение имени Пилата в Символ веры следующим образом:

"В древности не было единого календаря, и поэтому точные даты Его (Иисуса Христа. – Н.С.) жизни, совсем точные, люди не могли привести, но заметьте, что сказано было, что Он был распят при Понтии Пилате.

Почему, зачем имя прокуратора, этого человека, который отдал распоряжение о казни Иисуса Христа, введено в Символ? Чтобы новокрещаемый не думал, что Он распят где-то в мифическом времени, что Он распят где-то между вселенной и землей, что это произошло где-то вне нашего бытия. Нет, назван конкретно тот правитель, который в то время управлял страной и который подписал Его приговор, – это было в конкретном времени. Поэтому все христианские богословы подчеркивают, что наше учение историческое по преимуществу, потому что для нас Бог явился в реальной конкретной истории" (с. 110).

Таким образом, семантизация имени Понтия Пилата, выражающаяся в утверждении его реальности как исторического лица, служит также и косвенной семантизацией реальности существования Иисуса Христа.

Другая причина переноса акцента повествования в романе мастера с образа Иешуа на образ Понтия Пилата заключается, с нашей точки зрения, в художественном такте М.А.Булгакова. Писатель не претендует на то, что Иешуа в романе мастера – изображение подлинного Христа. Заслуга М.А.Булгакова в том, что он показал, что облик Того, Кого христиане называют Спасителем человечества, мог существенно отличаться от привычных представлений, канонизированных ортодоксальной религией. "Пришел Сын Человеческий, и нет в нем ни вида, ни величия". Сына Божия можно и не узнать.

Иешуа у М.А.Булгакова на первый взгляд производит впечатление душевнобольного. Но затем в романе возникает ощущение чуда, и чудо – в Его слове.

И чудо – в преображении души Пилата, в его стремлении спасти арестованного, в последующем раскаянии, когда это намерение не осуществилось.

А.В.Мень (1991а) отмечал, что беллетризованное изображение Христа еще никому не удавалось, хотя попытки отразить образ Спасителя в литературе XX века осуществлялись неоднократно. Причина этих неудач, как полагает А.В.Мень, заключается в том, что художественное мышление стремится сделать изображаемые объекты близкими их создателям и адресатам путем подчеркивания информации о сходстве Божества с себе подобными, обыкновенными людьми. Между тем Божественная Личность не тождественна личности человеческой.

5.2.2. Семантизация имен центральных персонажей.

Как справедливо отмечает Б.В.Соколов, главными персонажами романа следует считать шесть действующих лиц: это поезде всего герои, имена которых вынесены в название произведения – мастер и

Маргарита, затем следуют два центральных персонажа романа мастера – Пилат и Иешуа, далее важнейшими героями являются Воланд и Иван Бездомный.

Имена каждого из этих центральных персонажей семантизируется автором, причем семантизирующая информация обладает глубиной и экспрессивностью. Автор не ограничивается сведениями нейтрального характера, типа Y – род занятий X-а (поэтесса Тамара Полмесяц). Подобного рода нейтральная семантизация используется в романе 70 раз.

Обозначение главного героя – мастер –, которое, как мы уже отметили, служит заменителем собственного имени, играет роль, аналогичную псевдониму Ивана Поньрева. Это именование, которое добровольно принимает сам герой, отказываясь от использования наследственного, фамильного имени. Следовательно, носитель псевдонима или добровольно избранного имени согласен со смыслом и с характеристикой, которую может нести избранное имя по отношению к его личности. Такого согласия может и не быть в отношении возможной интерпретации семантики собственной фамилии, унаследованной от предков, поэтому в обществе не так редки случаи добровольной смены фамилий.

Видимо, близкие причины действуют и при отказе от личного, данного родителями, имени: носителя имени могут не устраивать фонетические ассоциации или социальные коннотации, связанные с именем. Но в акте перемены фамилии обращает на себя внимание другое – желание порвать с прошлым. Это может оцениваться как не всегда достойный поступок, в зависимости от причин, побудивших к разрыву. Так, один из персонажей романа В.А.Дудинцева "Белые одежды" Прохор Бревешков, сын кулака, стал Кимом Красновым (имя Ким в антропонимической системе советского государства принято было расшифровывать – 'Коммунистический интернационал молодежи'). Молодой человек, демонстрируя лояльность к Советской власти и желая сделать карьеру, отрекся от своего отца.

Ср. также высказывание Марины Цветаевой об использовании псевдонимов.

"Каждый литературный псевдоним прежде всего отказ от отчества, ибо отца не включает, исключает. Максим Горький, Андрей Белый – кто им отец? Каждый псевдоним, подсознательно, – отказ от преемственности, потомственности, сыновности. Отказ от отца. Но не только от отца отказ, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от веры, в которую был крещен, и от собственного младенчества, и от матери, звавшей Боря и никакого "Андрея" не знавшей, отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных. *Avant moi le deluge!* (До меня – потоп! (фр.) – Н.С.) Я – сам!

Полная и страшная свобода маски: личины: не-своего лица. Полная безответственность и полная беззащитность" (М.И.Цветаева. Пленный дух).

С другой стороны, акт обретения нового имени-прозвища, употреблявшегося наряду с личным и фамильным именем, согласно обычаю, известному еще во времена Древнего Рима, служил признанием личных заслуг человека перед обществом (P. Lebel, 1959). Например, в имени древнеримского полководца Сципиона Африкана Африкан – почетное прозвище, данное ему за победы в Африке (Л.В.Успенский, 1960, с.165).

По всей видимости роль такого почетного прозвища играло именование героя мастер, когда он заканчивал писать роман и еще не собирался отказываться от своего имени. М.А.Булгаков сообщает, что мастером начала называть героя Маргарита, и это сообщение можно считать семантизирующим (указание на источник и ситуацию номинации). К нему примыкает и указание на тот смысл, который вкладывала героиня в значение прозвища.

"– А скажите, почему Маргарита вас называет мастером? – спросил Воланд.

Тот усмехнулся и сказал:

– Это прощительная слабость. Она слишком высокого мнения о том романе, который я написал".

Таким образом, в слове мастер М.А.Булгаков выделяет сему 'высокая оценка творчества, труда'.

Комментаторами и исследователями романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" справедливо было отмечено, что значение слова мастер следует понимать в связи с латинским словом *magister*, от которого ведет происхождение русское слово мастер (Г.А.Лесскис, 1990). Также отмечено, что у старообрядцев мастер означает учителя, обучающего грамоте по церковным книгам (Словарь Даля), и это значение Вписывается в смысл, который придает этому слову М.А.Булгаков в своем романе (Б.В.Соколов, 1991).

Слово мастер в системе русского языка обладает различными оценочными коннотациями, не только положительными, но и отрицательными. Это связано с различными оценками понятия "профессионализм", которое входит в значение данного слова. Например, глагол мастерить, производный от данного слова, несет отрицательную коннотацию: "Мастерить, (...) ладить что как умеешь, не быв мастером" (Словарь Даля). Ср. также употребление слова мастер в следующем высказывании, принадлежащем известному советскому художнику Д.Н.Кардовскому: "Если нет таланта, то никакой прекрасный руководитель его не привьет: будет хороший мастер, но художника не выйдет" (Д.Н.Кардовский. 1960, с.268). Здесь сема 'профессионал' противопоставляется семе 'художник' по признаку отсутствия дарования: предполагается, что мастер, будучи высоким профессионалом, никогда не достигнет совершенства, которого способны достичь только обладатели большого таланта.

Отметим, что в указанном значении мастер – 'профессионал', 'ремесленник', противопоставленном 'художнику', 'таланту', 'совершенству труда' слово существовало еще в середине 70-х - начале 80-х годов. Нам приходилось слышать отзывы о романе "Мастер и Маргарита", когда прочитавшие роман недоумевали, почему

М.А.Булгаков так низко оценивает творчество своего героя, называя его не художником, не писателем, а мастером, то есть ремесленником.

По-видимому, такие возможные противоречия в интерпретации ключевого понятия мастер были известны М.А.Булгакову, поэтому он ввел роман дополнительные семантизирующие указания, чтобы при выборе между значениями 'квалифицированный ремесленник' и 'специалист, достигший высокого умения, искусства, мастерства в какой-н. области' (Словарь Ушакова) читатель остановился на последнем значении.

В значении 'художник, писатель, наделенный высокой мерой таланта' слово мастер последовательно употребляется в идиолекте М.А.Булгакова. Мастером М.А.Булгаков называет Мольера, о котором, как известно, сказал, что Мольер – "гений, не знающий, что он гений" (М.О.Чудакова, 1988). Однако нам представляется, что было бы натяжкой отнести это значение к индивидуально-авторскому. По-видимому, это значение существовало в русском языке в 20-е – 30-е годы. Об этом свидетельствует, в частности, известное высказывание М.Горького о том, что "литературный язык – это язык, (...) обработанный мастерами" (М.Горький. О том, как я учился писать).

История донесла до нас факт телефонного разговора И.В.Сталина с Б.Л.Пастернаком, в котором Сталин спрашивал поэта о О.Э.Мандельштаме: "Но он мастер?". Как отмечает М.О.Чудакова (1988), об этом разговоре было, скорее всего, известно М.А.Булгакову. В истории ареста мастера и его последующей душевной болезни исследовательница видит отчетливую параллель с фактами биографии О.Э.Мандельштама. М.А.Булгаков был знаком с О.Э.Мандельштамом по Владикавказу, а впоследствии поэт незадолго до своего ареста проживал в том же доме, что и М.А.Булгаков (М.О.Чудакова, 1988). Таким образом, трагическая судьба художника и высокая оценка его творчества, произнесенная устами его мучителя, оказались связанными в единый ассоциативный ряд в слове мастер, что, по-видимому, оказало решающее влияние на выбор М.А.Булгаковым именованья для своего героя.

Именованье мастер в отличие от других возможных псевдонимов несет черты глубокого обобщения: по нему нельзя установить ни национальность, ни другие особенности, связанные с чертами личности или биографии героя. Подчеркивается одержимость мастера собственным творчеством и в то же время отрешенность, оторванность от всего остального в жизни.

Обобщая сказанное о слове мастер, отметим, что в современном русском языке получило широкое распространение значение, которое придавал ему М.А.Булгаков, что мы считаем свидетельством широкой популярности романа "Мастер и Маргарита". В то же время слово Мастер стало "почетным прозвищем" и самого М.А.Булгакова – так называют писателя во все возрастающем потоке статей и исследований, посвященных его творчеству.

Еще один герой, так или иначе отказавшийся от своего имени – "поэт Иван Николаевич Понырев, пишущий под псевдонимом Бездомный". В данном сообщении автор говорит о том, что отказ от фамильного имени все-таки не был полным, и, следовательно, разрыв с прошлым – не окончателен. По-видимому, по документам поэт Иван Бездомный остается Иваном Николаевичем Поныревым. "Бездомным" он становится, обращаясь к своим читателям. Характерно, что в финале романа Иван Николаевич, отказываясь от профессии сочинителя стихов, возвращается к своему подлинному имени.

Псевдоним Бездомный, бесспорно, относится к числу говорящих имен, более того, он несет информацию, которую хочет сообщить о себе окружающим сам носитель имени. Исследователями отмечено, что имя Иван Бездомный вписывается в ассоциативный ряд, образованный реальными псевдонимами Максим Горький, Демьян Бедный, И.Голодный и др. (Г.А.Лесский, 1990, Б.В.Соколов, 1991). Как нетрудно заметить, все эти псевдонимы содержат сему 'лишенный чего-л.' или 'не имеющий чего-л.'

Однако оригинальность имени Бездомный состоит в том, что внутренняя форма по существу дублирует информацию об отказе от фамильного имени, об акте отречения, о котором писала М.И.Цветаева. 'Лишенный дома' можно понимать и как 'лишенный семьи, рода'. К информации об отказе, или, возможно, об утрате связи с прошлым, не прибавляется ничего, в отличие, например, от информации, которую несет собственное имя Ким Краснов. Иван Бездомный, отказавшись от фамильного, родового имени, ничего не получил от власти, которая побуждала его так поступить, кроме, разве что, права вхождения в семью литераторов ("Братья во литературе!" – обращается Иван к коллегам.)

Слово бездомный вступает, таким образом, в ассоциацию с близким по значению словом безродный. (В черновых редакциях автор называет Ивана то Бездомным, то Безродным.) Фамилия Безродный в сочетании с именем Иван прямо ассоциируется с известной поговоркой об "Иванах, не помнящих родства". В окончательном варианте автор отодвигает эту ассоциацию на задний план, позволяя читателю вывести ее самостоятельно.

Представляется важным отметить связь между именем и поступками героя, которая прослеживается в романе. Доктор спрашивает Ивана, желая доказать ему, что тот болен, не хочет ли он пойти домой переодеться. Накануне Иван искупался в Москве-реке, у него украли верхнюю одежду, и поэт был вынужден идти по городу в нижнем белье. Однако сознание Ивана целиком захвачено преследованием Воланда, и поэт, ни в тот день, когда его доставили в психиатрическую больницу, ни в последующий, не испытывает желания вернуться к себе на квартиру, чтобы привести себя в достойный вид. По-видимому, жилье Ивана психологически не ассоциировалось у него с домом.

Б.В.Соколов отмечает, что Иван, судя по описаниям, даваемым М.А.Булгаковым, идет от Патриарших прудов к Тверскому бульвару, где находится Дом литераторов, кратчайшим путем, поскольку для этого пути требуется не меньше двух часов ходьбы, а именно столько времени, судя по тексту романа, и находился Иван в пути. Мы

предполагаем, что Дом литераторов занял в сознании Ивана место того дома – родного крова, убежища, места обитания близких и любящих людей – который необходим каждому человеку. Отсюда естественное стремление Ивана, оказавшегося в беде, в Дом литераторов – место, где должны находиться близкие ему люди.

Еще одно семантизирующее сообщение, относящееся к образу Ивана – Слово дурак, которое он слышит в ответ на вопрос, обращенный к самому себе: "Так кто же я такой выхожу в этом случае?" Это слово ассоциирует героя с персонажем русских сказок Иванушкой Дурачком, который, согласно сказочной традиции, сначала оказывается неудачником, а потом, окрепнув духовно, одерживает победы над силами зла.

Исследователи часто проводят параллели между различными персонажами романа, подтверждая при этом стройность архитектоники булгаковского замысла. Например, очевидна связь между мастером и Иешуа (страдание), между Левием Матвеем и Иваном (ученики), между Маргаритой и собакой Банга (преданность) – (Г.А.Лесскис, 1990). Более спорна параллель между мастером и Пилатом (Б.В.Соколов, 1991) – отказ от того, что им дорого, малодушие.

Фамилия Бездомный дает нам авторскую эксплицитную параллель между Иванушкой и Иешуа¹. Слово бездомный синонимично слову бродяга, а бродягой Пилат называет Иешуа, причем делает это в форме семантизирующего сообщения:

" – Где ты живешь постоянно?
– У меня нет постоянного жилища (У), – застенчиво ответил арестант, – я путешествую из города в город.
– Это можно выразить короче, одним словом(МТ) – бродяга(Х), – сказал прокуратор (...)"

¹ Подобную параллель по другим дополняющим деталям выделяет также Б.М.Гаспаров (1988 и след.)

Далее оказывается, что Иешуа еще и сирота (безродный):

" – Родные есть?

– Нет никого. Я один в мире".

" – Кто ты по крови?

– Я точно не знаю, – живо ответил арестованный, – я не помню моих родителей".

Параллель Иванушка – Иешуа находит эксплицитное подтверждение в авторской же параллели Стравинский – Пилат:

""И по-латыни, как Пилат, говорит..." – печально подумал Иван".

В семантизации имен Иисус Христос – Иешуа Га-Ноцри, как уже было сказано, автор подчеркивает, прежде всего, реальность носителя имени. Однако тождество имен Иисус – Иешуа не утверждается прямо в тексте – автор предоставляет читателям самостоятельно осознать эту связь. На определенном этапе повествования эта связь, уже явная для читателей, не осмыслена героем – Иваном, что делает героя проще, примитивнее читателя. Ивана продолжает волновать вопрос, что стало с арестованным Га-Ноцри. События евангельской истории переживаются им заново. Читатель становится по отношению к герою объективным судьей – наадресатом.

Отметим, что М.А.Булгаков утверждает тождество имен и принадлежность их одному историческому лицу; но это не утверждение тождества образа. Известно, что Иисуса на его родном языке звали Иешуа (или Егошуа) Ха-Ноцри. Последняя часть имени означает 'житель города Ноцри (Назарет)' (А.В.Мень, 1991, с.108). Это знание не было широко распространено в период создания романа М.А.Булгакова. Писатель представляет читателю самостоятельно судить о мере сходства образов Иешуа и Христа, увидеть инвариант – личность, всей своей жизнью утверждающую идеи добра, чего бы ему это ни стоило; человека, не знающего трусости – "худшего из пороков".

Сходным образом тождество лиц – носителей имен Левий и Матвей утверждается автором путем соединения их имен в имя одного персонажа – Левия Матвея. А.В. Мень полагает, что основания считать евангелиста Матфея и мытаря Левия, о котором говорится в одном из евангелий, одним лицом (А.В.Мень, 1991, с.60).

В семантизации имени Понтия Пилата имплицитно подчеркивается возможная этимология имени:

" – (...) Это я тебе говорю – Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!" (лат. pilum означает 'копье').

Другая семантизация, также имплицитная, указывает на легенду, Согласно которой Пилат был сыном короля германцев по имени Ат и дочери мельника Пилы. От соединения имен родителей якобы возникло имя Пилат (см. Б.В.Соколов, 1991):

"прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат".

С именем Понтия Пилата связана семантизация географического названия, как говорит Б.В.Соколов, "загадочного слова" – Идиставизо. "Это было в бою при Идиставизо, в Долине Дев", – говорит Понтий Пилат о битве, в которой был искалечен Марк Крысобой. Как отмечает Г.А.Лесскис, среди источников, которыми пользовался М.А.Булгаков, есть книга Я.Гримма, где указывается, что в долине Идиставизо в 16 г. н.э. римский полководец Германик нанес поражение племенам херусков. Название Идиставизо переводится как 'Долина Дев'. Для тех, кому известна семантика названия, семантизация имплицитна и выражает смысловое отношение тождества. Для тех, кому это неизвестно, семантизация остается семантизацией, но эксплицитно передает неточную информацию – отношение не тождества, а включения: некая местность Идиставизо находится внутри местности под названием Долина Дев.

1 Б.В.Соколов обнаруживает те же сведения в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, т. XII (в архиве М.А.Булгакова).

Роль историко-культурной информации, связанной с этим "загадочным названием", по мысли Б.В.Соколова, заключается в том, что автор видит Пилата германцем, сражавшимся на стороне Рима против германцев. Таким образом в роман вводится параллель с событиями двадцатого века, мотив участия героя в гражданской войне.

В имени Маргарита автор подчеркивает не только сходство с Французскими королевами, но и утверждает генетическое родство, происхождение героини от одной из французских королев. Историческая информация, которую актуализирует этим сообщением писатель, входит в некоторое противоречие с историко-культурной информацией уровня прецедентных текстов. Как сообщает Б.В.Соколов, история знает несколько французских королев, носивших имя Маргарита. Это Маргарита Французская (1523-1574), Маргарита Ангулемская (1492-1549), автор книги "Гептамерон". Однако у читателя возникает ассоциация прежде всего с королевой Маргаритой Валуа, супругой Генриха IV, известной по роману А.Дюма "Королева Марго". Но ее кровь не могла быть передана булгаковской героине, потому что Маргарита Валуа умерла бездетной.

В семантизации имени Воланд актуализируется следующая информация. Утверждается тождество: Воланд – дьявол, сатана. Тем самым утверждается реальность существования дьявола, которая косвенным образом подтверждает реальность существования Бога, аналогично тому, как соположение Пилат – Иешуа призвано подтвердить реальность Христа.

"Все это замирающая от страха Маргарита разглядела в коварных тенях от свечей кое-как. Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших убеждал в том,

что дьявола (X) не существует (У). Этот несуществующий и сидел на кровати".

Обращает на себя внимание информация о трудности воспроизведения имени, под которым сатана действует в романе, для людей, столкнувшихся с ним. Ивану не удалось прочесть имя на визитной карточке, он запомнил только, что фамилия начинается на "Ve", и пытается подобрать похожую фамилию.

В первоначальной редакции Иван читает на визитной карточке имя и фамилию "инженера": "D-r Theodor Voland". Сатана обладал именем Теодор, т.е. 'божий дар'. Из окончательной редакции автор устранил этот эпизод, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть невежество Ивана, его неспособность читать текст, написанный латинскими буквами.

В окончательном варианте романа М.А.Булгаков оригинальным образом семантизирует структурный компонент имени Воланд – орфографию имени. Автор указывает, что фамилия, которую не успел прочесть Иван, начинается с двойного "Ve" - "W". Это противоречит написанию немецкого слова *der Voland* – 'черт', которое пишется через V.

В этом случае автор задает читателям (конечно, тем, которые обладают хотя бы минимальными знаниями западноевропейских языков) загадку. Отодвигается на задний план ассоциация с французским глаголом *voler* 'летать' и утверждается некая связь с понятиями, обозначаемыми знаком W.

Ю.А.Сорокин предполагает, что здесь имела место ошибка писателя, подобная тем ошибкам и неточностям, которые нередко встречаются в классических произведениях литературы и являются результатом недостаточной "защищенности изнутри" (Ю.А.Сорокин, 1989) – продуманности, разработанности в деталях – авторского текста. Такие противоречивые детали есть в тексте романа "Мастер и Маргарита": мастер брит и мастеру подстригают бородку, Варенуха вылетает в окно спальни, а Аннушка видит, как он вылетает в окно лестничной клетки.

Эти противоречия можно объяснить тем, что автор не успел осуществить окончательную редакторскую правку второй части романа. Однако в деталях, связанных с именем главного героя романа, над которым писатель работал и который обдумывал более двенадцати лет, случайностей и ошибок быть не может. К тому же, как мы видим, в ранней редакции романа было представлено написание фамилии в соответствии с этимологией.

Л.М.Яновская (1987, с. 229-230) предполагает, что знак двойного "Be" возник как отражение буквы М – знака имен главных положительных героев – мастера и Маргариты. Эта версия нам представляется убедительной.

Кроме того, мы предлагаем собственное толкование знака в контексте романа "Мастер и Маргарита", которое включает в себя несколько не противоречащих друг другу, взаимодополняющих версий.

1). Отклонение в некоторых нормативных особенностях употребления, в том числе в грамматике и орфографии, есть один из распространенных способов отличия ономастического знака от сходного с ним апеллятива (А.К.Кайдалова, А.И.Калинина, 1976, Б.Л.Успенский, 1960). Ср. напр. отсутствие склонения фамилии дирижера Клавдия Птица, правописание притяжательных прилагательных на -цын и фамилий, где существует написание -цын и -цин: Птицын, Цицин. Ср. также орфографию названия группы "Beatles", придуманную ее создателями для отличия от апеллятива beetles (англ. 'жуки').

2). Отклонение от некоторых фундаментальных норм человеческого общежития рассматривается писателем как вмешательство дьявольской силы. См. сцены, описанные в главах "Черная магия и ее разоблачение", "Сон Никанора Босого", "Дело было в Грибоедове". Писатель крайне отрицательно относился также к искажению языковых норм, к введению сокращений и т.п.

Искажение неких знаков-символов также рассматривается в религиозном сознании как знак дьявольского вмешательства (перевернутый крест, перевернутый треугольник). Искажение орфографии, в особенности орфографии слов, связанных с историко-культурными и духовными ценностями, можно с этой точки зрения рассматривать как торжество мировоззрения, связанного с утверждением ценностей, враждебных религии, духовности, идее Бога. Эту точку зрения высказал в 1928 году Д.С.Лихачев в докладе-сообщении, посвященном новой орфографии (Д.С.Лихачев, 1993).

3). Знак W мы рассматриваем не только как искажение знака V, но также, поддерживая версию Л.М.Яновской, как искажение знака M, его противоположность. Однако обращаем внимание, что буква M указывает на имена не только мастера и Маргариты, но и самого автора – Михаила Афанасьевича Булгакова. (На обложке романа мы видим три заглавные буквы M.)

Имя Михаил адресует нас к представлению о Михаиле-архангеле, архистратиге (предводителе небесных воинств). В христианской идеологии Михаил – основной противник сатаны. Согласно легендам, Михаил был первым учителем Адама и Евы, обучил Авраама земледелию. Он также записывал в священную книгу имена праведников¹. Его роль сопоставима с ролью писателя. Однако имя Михаил в романе носит отрицательный персонаж. Возникает загадка, почему писатель отдал не только свое имя, но и другие свои инициалы персонажу отрицательному – Михаилу Александровичу Берлиозу. Ответ может быть таким: Берлиоз – человек, присвоивший чужое – фамилию композитора, квартиру ювелирши, должность главы литературной организации в доме, где некогда жила тетка Грибоедова. Человек, не имевший ничего своего и не создавший ничего хорошего, уходит не в бессмертие, а в небытие. Берлиоз по своему мировоззрению, по своему отношению к смерти – двойник-антипод М.А. Булгакова: взгляды автора и персонажа диаметрально противоположны.

1 См. об этом: Б.В.Мейлах (МНМ, т. 2, с. 159-160).

Знак W указывает на слова, по смыслу связанные с содержанием образа и начинающиеся с этого знака. Ассоциация с фамилией Вульф дает английское слово wolf 'волк'. В Словаре Даля указано, что одно из значений слова волк – 'черт'. Очевидно, волк является одним из эвфемистических обозначений черта, о чем свидетельствует, например, украинская поговорка *Про вовка промовка, а він і тут*. Известно, что имена нечистой силы, в том числе языческих божеств, опасались произносить, чтобы не вызвать появления самих духов.

Ассоциация с фамилией Володин дает имплицитное указание на распространенное в Западной Европе имя Woldemar, от которого, как предполагают, произошло русское имя Владимир. Имя Владимир согласно народной этимологии расшифровывается как 'владеющий миром'. А сатана – "князь мира сего". Возможна также ассоциация с немецким словом wollen 'хотеть, желать', имеющим общий индоевропейский корень с русским словом воля.

Б.В.Соколов указывает на сходство некоторых мотивов, окружающих Образ Воланда, с историческими мотивами, связанными с биографией В.И.Ленина (Ленина называли "немецким шпионом", его искала полиция при помощи собаки Треф и т.п.). Эта параллель, мы полагаем, может иметь свое подтверждение в авторском указании на ассоциацию с фамилией Володин. Отметим также, что противники большевистской идеологии называли В.И.Ленина антихристом.

Краткие выводы

Семантика собственного имени, по утверждению исследователей, характеризуется значительной степенью произвольности связи означаемого и означающего и способностью передавать более широкое поле смыслов, чем сходные с собственным именем апеллятивы. Смысловое значение собственного имени в акте номинации и в интерпретации его носителями языка варьируется в широких пределах.

Но диапазон этих вариаций не бесконечен. Ограничение в использовании и понимании значения собственного имени накладывается традициями употребления данного имени в лингвокультурной общности, особенностями коннотативного значения, связями данного знака с обозначением неких классов объектов картины мира.

В функционировании СИ в художественном произведении, в сфере повышенной знаковости, обнаруживается стремление писателей к реализации возможно большего количества смысловых связей СИ с предполагаемыми смысловыми акцентами и ключевыми понятиями текстов, в которые они включаются. Исследователи, изучающие роль СИ в контексте художественного произведения, стремятся к раскрытию и эксплицированию максимального количества связей возможной семантики СИ со смысловыми структурами текста.

Особую роль в художественном произведении приобретает структурный компонент – "внутренняя форма" имени. Если при характеристике объекта действительности при помощи его СИ связь внутренней формы имени с указанием на некие признаки объекта, с обнаружением его характерных особенностей весьма проблематична, то в художественном произведении структурная информация приобретает значения "говорящего имени", прямо или косвенно характеризующего объект.

Акцентом многих исследований роли СИ в художественном тексте является обнаружение скрытой семантики внутренней формы СИ, которая в явном виде может и не обнаруживаться читателем, если семантика СИ мотивируется лексикой ограниченного употребления (иноязычной, диалектной, терминологической и др.). Разумеется, адекватной интерпретацией будет только та, которая найдет себе подтверждение в данном художественном тексте, представляя собой один из существенных элементов его смыслового содержания.

Целиком правомерно то, что объективные и адекватные интерпретации СИ находят свое место в комментариях, предназначенных для

широкого читателя, в массовых изданиях известных и популярных литературных произведений, становясь таким образом существенной частью лингвокультурных знаний общества.

Примером таких удачных комментариев применительно к нашему исследованию могут служить комментарии Б.В.Соколова к роману М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита", которые переросли в отдельное фундаментальное исследование; комментарии Г.А.Лескиса к этому же роману в пятитомном издании собрания сочинений М.А.Булгакова, в которых отражены как собственные сведения, так и данные других исследователей.

Идеал каждого отдельного исследования СИ – выход на проблемы, отражающие особенности функционирования СИ в лингвокультурной общности, выход на комментирование СИ для широкого читателя.

Выделение понятия авторской семантизации в аспекте его применения к собственным именам и обращение к изучению авторской семантизации СИ позволяет выявить особенности семантической структуры СИ, на которых делает акцент сам писатель. Это может быть выделение и поддерживание конкретных сем, но также выделение более общих аспектов существования СИ в контексте произведения, функционирования СИ в речевом употреблении в данной лингвокультурной общности.

Выделение конкретных сем позволяет исследователям объективизировать описание семантики предполагаемых "говорящих имен", позволяет уточнить, какие акценты вносит в произведение сам автор при помощи СИ, помогает отсеять интерпретации СИ, характеризующиеся субъективностью, не подтверждающиеся текстом произведения и авторской семантизацией. Правомерность же выделения тех или иных смыслов при комментировании СИ можно также подтвердить при помощи авторской семантизации.

Изучение зарегистрированных в семантизирующих сообщениях общих аспектов функционирования СИ с точки зрения автора текста позволяет

выявить особенности мировоззрения автора, его отношение к реальному миру. В частности, в мировоззрении М.А.Булгакова эти аспекты функционирования СИ выявляют: утверждение бессмертия человеческой личности, единство прошлого и будущего, связь реального и ирреального мира, их взаимный переход. Таким образом, можно говорить об отражении фантастической и религиозной картины мира в творчестве М.А.Булгакова.

Утверждение о множестве наименований одного лица и о множестве лиц с одним наименованием ведет в творчестве М.А.Булгакова к утверждению идеи о смешении наименований, путанице, искажении имен, что понуждает к необходимости "установления" имен – информации об их правильной первоначальной форме, об их взаимном соотношении. Отсюда – ключ к сквозной во всем творчестве М.А.Булгакова теме – нарушению глобального миропорядка и важнейших норм бытия, поисков пути возвращения к этому порядку и ошибок на этом пути, осознания невозможности гармонии в окружающем состоянии мира.

Особенности выделения реальной/ирреальной информации при трактовке смыслового значения СИ в творчестве М.А.Булгакова, необычайная конкретность его описаний реальных объектов и указания на то, что в его книгах изображены реальные объекты, предопределяют особый тип комментариев к произведениям М.А.Булгакова и особые задачи при их составлении. Это прежде всего указания в комментариях на конкретные лица, изображенные в произведении, конкретные объекты местности и некоторые другие реалии, являющиеся также непосредственным отражением реальных объектов, обозначаемых собственными именами. Соотношение знаний читателя о реальном объекте и сопоставление этих знаний со способом описания объекта в произведениях М.А.Булгакова дает, по замыслу писателя, экспрессивную контрастную информацию, основанную на эффекте узнавания и догадки. При составлении комментариев следует ориентироваться на предоставление читателю подобных сведений, связанных главным образом с реалиями ушедшей эпохи, а также

информацию, позволяющую читателю восстановить лакуны, сознательно вводимые автором.

Авторская семантизация собственного имени позволяет также существенно уточнить представления об особенностях семантики собственного имени, изучаемых лингвистикой. Помимо выделения индивидуализирующей (идентифицирующей) и классифицирующей семантической информации, носителями которой являются СИ, можно выделить информацию о реальности либо ирреальности объекта, известности либо неизвестности его, информацию о роли объекта в обществе, значении его для человечества. В целом семантика собственного имени способна содержать те же компоненты значения, что и аппеллятив, с той разницей, что наполнение их конкретным содержанием, закрепление того или иного значения за конкретным СИ характеризуется большей степенью произвольности, условности в акте номинации. При этом доминирует главная особенность семантики СИ – индивидуализация объекта номинации, выделение его из множества, утверждение его уникальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Филологические науки на современном этапе стоят перед необходимостью решения практических задач описания языковой системы не в статическом состоянии, что уже достигнуто, а в процессе функционирования. Филология, будучи единой отраслью знания в XIX веке, в нынешнем столетии подверглась закономерному дроблению и дифференциации на ряд смежных дисциплин в зависимости от особенностей объекта изучения. В настоящее время ощущается актуальная необходимость в поисках и разработке интегрирующих основ для различных филологических дисциплин, в разработке узлов связи между ними, в выработке системных закономерностей, позволяющих, используя углубленное описание отдельных особенностей языковых и текстовых структур, изучаемых в различных отраслях филологии, обобщить закономерности филологических знаний применительно к изучению языка в его функциональном состоянии – в виде целостных сообщений.

Теория знаковых систем и лингвистика текста пришли к необходимости включения в систему характеристик текста таких параметров, как характеристика индивида, производящего сообщение – адресанта, говорящего, автора текста, и характеристика индивида, воспринимающего сообщение – адресата, слушающего, читателя. Эти параметры являются основанием введения такого понятия, как язык индивида, язык личности – идиолект. Особенности функционирования текстового сообщения в системе "автор – текст – читатель" определяются не только содержанием и формальными особенностями текста, но и особенностями взаимодействия идиолекта автора и идиолекта предполагаемого (или реального) читателя.

Проблема изучения идиолекта читателя – наиболее сложная, и комплексное освещение этой проблемы лежит далеко в будущем. Однако некоторые ее аспекты уже раскрыты, поскольку разработано понятие языкового узуса – общепотребительных языковых средств, в т.ч. кодифицированной лексики, которая является словарным запасом,

соотносимым с уровнем языковой компетенции предполагаемого читателя. Проблема особенностей лингвистических и экстралингвистических знаний читателя в зависимости от его этнокультурной принадлежности рассматривается в рамках лингвострановедческой теории слова.

В нашем исследовании вопрос об особенностях параметра адресата связан с выделением нами четырех типов читателей, в зависимости от уровня их компетенции: читатель, сходный с ребенком, читатель, сходный с героем, читатель, сходный с автором, читатель-надресат.

Основной же акцент нашего исследования сосредоточивался на изучении параметра "автор текста", на вопросе об особенностях идиолекта писателя.

Существуют и продолжают создаваться словари писательских идиолектов, однако вопрос о принципах выделения в них ключевых слов, несущих важную смысловую нагрузку, помогающих адекватному прочтению и уяснению смысла текста, разработан явно недостаточно.

Изучение идиолекта писателя связано также с изучением особенностей лексической семантики важных для писателя слов, с особенностями авторского отношения к той или иной семантике, с особенностями подчеркивания (или доминирования) той или иной семантической особенности в конкретной лексической единице.

В нашем исследовании мы также попытались пролить свет на вопрос, какая именно информация необходима для адекватного комментария к тексту.

Проблемы понимания/непонимания на семантизирующем уровне восприятия текста связаны с возможностью различной интерпретации значения языковых единиц.

Выяснению этих вопросов должен был, в соответствии с целью нашего исследования, способствовать новый выделяемый нами объект

исследования, описываемый нами в целостном понятии – "единица авторской семантизации", обобщенную характеристику которого, подытоживая сказанное в работе, приводим ниже.

Описываемая впервые с помощью системного подхода и разработанной нами классификации, текстовая единица авторской семантизации позволяет выявить узлы пересечения многих актуальных филологических проблем, пролить свет на особенности функционирования идиолекта писателя, на особенности индивидуально-авторской семантики слова в узком или широком контексте.

Разработанный нами системный подход в форме классификации и в виде выявления связей между семантикой эксплицируемой лексемы, особенностями идиолекта автора, его биографией и его мировоззрением, содержанием и идейным смыслом текстов, позволяет уточнить, скорректировать некоторые неадекватные интерпретации этих текстов другими исследователями в пользу более точной, целостной интерпретации, исходящей из глубинных смыслов, – интерпретации с последующей возможностью создания адекватного комментария.

Наше исследование может быть существенным для последующей разработки комментариев к массовым изданиям рассматриваемых текстов.

Исследование семантики языкового знака при помощи семантической классификации позволяет выявить релевантность компонентов значения для конкретной семантизируемой лексемы.

Семантическая характеристика лексем помогает выявлению ключевых смыслов в идиолектах авторов и служит средством их системного описания.

Материалы нашей работы подтверждают точку зрения тех исследователей, которые считают, что лексическое значение

представляет собой в своей существенной части знание о мире. Точнее говоря, это знание отражается денотативным макрокомпонентом лексического значения. Однако четкую границу между знанием о мире, передаваемом денотативным макрокомпонентом, и собственно лингвистической информацией провести невозможно, да и в ряде случаев, как мы полагаем, в этом нет необходимости. В сознании же говорящего и слушающего размежевание информации происходит не по критерию, связанному с лингвистическим знанием, а по признаку известности/неизвестности сообщаемых сведений.

С этой особенностью лексической семантики знаменательных слов связано, в частности, и использование нами разнообразных источников, необходимых для подтверждения и уточнения семантики рассматриваемых лексем. Среди этих источников – не только словари, но также справочники и специальная литература по различным отраслям знаний, данные энциклопедий, высказывания деятелей культуры.

Процесс человеческого познания окружающего мира непрерывен, и, следовательно, знание о мире постоянно углубляется, уточняется. Это обуславливает появление в различных текстовых сообщениях особого вида информации, состоящей в указании на связь некоего означающего, понимаемого как единица знаковой системы, с означаемым или системой означаемых – объектом, явлением, понятием, другим знаком. Эту информацию мы назвали семантизирующей информацией, или семантизацией. Семантизирующая информация необходима для уточнения пресуппозиций, которые нужны слушающему (адресату) для адекватного понимания основного сообщения.

Семантизирующее сообщение – семантизация – является, с нашей точки зрения, важным фактором поддержания стабильности семантики и состава единиц того или иного языка (или, возможно, подязыка), т.к. семантизирующее сообщение закрепляет в сознании адресата информацию о соотношении некоего означающего (лексической единицы) с неким означаемым (фрагментом знания о мире). С другой

стороны, семантизирующее сообщение позволяет дать информацию об изменении как знаний о мире, так и особенностей семантики языковых структур.

Семантизирующее сообщение в художественном тексте мы назвали авторской семантизацией (АС), поскольку в художественном произведении оно несет также информацию о личности, порождающей сообщение – об авторе: о его индивидуальном отношении к явлению, его мировоззрении, его отношении к проблемам языка и к проблеме выбора языковой единицы и, наконец, об особенностях авторского идиолекта.

Косвенно авторская семантизация несет также информацию о предполагаемом читателе, главным образом, об уровне его знаний, о его компетенции.

Единица авторской семантизации обладает стабильными структурными особенностями. Она состоит из трех частей: 1) семантизируемая единица – лексема или другая единица языка и, шире, – любое явление, которому приписывается свойство знака; 2) семантизирующая часть – слово, словосочетание, предложение, текст любого объема, сообщающий информацию о значении семантизируемой единицы; 3) метаязыковые структуры – метапредикаты с семантикой 'означать', 'называться', 'быть неизвестным' и т.п., метатермины – лексемы, сигнализирующие о том, что семантизируемую единицу следует рассматривать не только как обозначение явления действительности, но и как языковой знак: слово, термин, синоним и т.п.

С точки зрения передаваемой информации содержание текстовой единицы АС представляет собой семантический повтор, и поэтому АС является неким смысловым акцентом в тексте. Сообщение о семантике лексической единицы может быть связано: 1) с описанием атмосферы действия, 2) с особенностями развития действия, если в ходе действия делается попытка получить или уточнить некое знание, 3) с некоей ключевой информацией текста. И в том, и в другом, и в третьем случае изучение авторской семантизации помогает углубить наше понимание

целостного сообщения большой сложности, каковым является текст художественного произведения.

Информация, на которой при помощи авторской семантизации делает акцент сам автор, в некоторых случаях нуждается в комментарии. Это случаи сообщения неточной, ложной, фантастической информации (независимо от того, являются ли отклонения от истинной информации случайностью или авторским намерением). Нуждаются в комментариях и сообщения, в которых содержится лакуна – пропуск семантизирующей информации, предназначенный автором для того, чтобы его заполнил сам читатель. Разумеется, комментарий, связанный с заполнением лакуны, необходим не к тривиальной информации, а к редкой, связанной, главным образом, с историко-культурным компонентом значения.

В произведениях К.Г.Паустовского такие пропуски немногочисленны: – автор стремится сам сообщить читателю как можно больше историко-культурной информации и сведений из различных отраслей знания. Писатель адресуется к читателям с не слишком большим уровнем компетенции: к детям, подросткам, молодым людям. Рассказ о мире, о событиях, происходящих с другими людьми, связан у писателя с рассказом о том, как он сам познавал мир в его многообразии. Сообщая знание в форме семантизируемых единиц, писатель как бы делится с читателем радостью открытия, радостью собственного познания мира. В произведениях К.Г.Паустовского преобладает объективизированная, нейтральная семантизация.

М.А.Булгаков обращается преимущественно к читателю, которого полагает близким или почти равным самому себе по уровню знаний об окружающем мире. Отсюда преобладание (по сравнению с текстами К.Г.Паустовского) экспрессивной, субъективизированной семантизирующей информации, наличие лакун – пропусков семантизирующей информации, в том числе нулевой семантизации, при которой делается сообщение о поиске значения, а информацию о значении предлагается найти самому читателю. В таких пропусках мы обнаруживаем ключевую информацию, объясняющую важные

особенности авторского миропонимания, помогающие правильно интерпретировать смысл его произведений.

В некоторых произведениях (фельетоны, пьесы) М.А.Булгаков обращается также и к читателям, обладающим меньшим уровнем компетенции. Это читатели, которые могут найти в себе сходство с героями его произведений (а "героя своего надо любить", – отмечал М.А.Булгаков), и читатели, по психологии и уровню знаний сходные с детьми.

В последнем произведении М.А.Булгакова – философском романе "Мастер и Маргарита" мы обнаруживаем адресацию ко всем четырем уровням возможной читательской компетенции, выделяемым нами: к уровню ребенка, уровню героя, уровню автора и уровню наадресата. Мы полагаем, что такая множественность адресации, помимо других особенностей произведения, объясняется способствовала успеху и популярности этого романа во всем мире.

Все перечисленные особенности художественных произведений этих авторов оказалось возможным выявить благодаря выделению и использованию единиц авторской семантизации при анализе смысла текста. АС открывает возможность в системе "автор – текст – читатель" анализировать ключевые особенности всех трех составляющих системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Алексин А.Г. Саша и Шура // Алексин А.Г. Очень страшная история и другие повести.– М.: Дет. лит., 1969.– С. 149-302.

Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. / Ред. кол.: Г.С. Гоц и др.– М.: Худож. лит.– Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах.– 1989.– 621 с. Т. 2: Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны.– 1989.– 750 с.– Т. 4: Пьесы; Жизнь господина де Мольера; Записки покойника: /Театральный роман/.– 1990.– 684 с.– Т. 5: Мастер и Маргарита; Письма.– 1990.– 733 с.

Булгаков М.А. Избранные произведения / Сост., предисл., коммент. В.И.Лосева.– Киев: Дніпро, 1990.– 703 с.

Гончаров И.А. Обрыв // Собрание сочинений: В 6 т.– М.: ГИХЛ.– Т. 5.– 1962.– С. 5-276.– Т. 6.– 1962.– С. 5-323.

Горький А.М. О том, как я учился писать // Собрание сочинений: В 30 т.– М.: Гослитиздат.– Т. 24.– 1953.– С. 467-499.

Гранин Д.А. О милосердии // Литературная газета.– 1987.– \$ 12 (5130) – 18 марта.– С. 13.

Дудинцев В. Белые одежды: Роман. / Вступит. ст. Г.Гачева. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1988.– 654 с.

Замятин Е.И. О языке / Публикация и комментарии В.П.Вомперского // Русская речь.– 1993.– \$ 1.– С. 23-42.

Маяковский В.В. Разговор с фининспектором о поэзии // Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Гослитиздат.– Т. 7.– 1958. – С. 199-126.

Маяковский В.В. Хорошо! Октябрьская поэма // Полное собрание сочинений: В 13 т.– М.: Гослитиздат.– Т. 8.– 1958.– С. 233-329.

Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. "1984" и эссе разных лет.– М.: Прогресс, 1989.– С. 22-208.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 6 т.– М.: Гослитиздат.– Т. 1: Романы и повести.– 1957.– 648 с.– Т. 2: Повести.– 1957.– 704 с.– Т. 3: Повесть о жизни /Трилогия.– 1957.– 791 с.– Т. 4: Маленькие повести; Рассказы.– 1958.– 655 с.– Т. 5: Рассказы, сказки, литературные портреты, заметки.– 1958.– 669 с.– Т. 6: Пьесы, очерки, статьи.– 1958.– 663 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 9 т. /Под ред. Л.А.Левицкого.– М.: Худож. лит.– Т. 1: Романы и повести.– 1981.– 623 с.– Т. 2: Роман и повести.– 1981.– 615 с.– Т. 3: Повести.– 1982.– 687 с.– Т. 4: Повесть о жизни: Кн. 1-3.– 1982.– 734 с.– Т. 5: Повесть о жизни: Кн. 4-6.– 1982.– 591 с.– Т. 6: Рассказы.– 1983.– 623 с.– Т. 7: Сказки; Очерки; Литературные портреты.– 1983.– 572 с.– Т. 8: Статьи.– 1985.– 544 с.– Т. 9: Письма, 1915-1968.– 1986.– 542 с.

Прутков Козьма [Коллективный псевдоним А.К.Толстого, А.М. и В.М. Жемчужниковых] Полное собрание сочинений.– М.-Л.: Сов. писатель, 1965. (Б-ка поэта) – 478 с.

Тимофеев Б.Н. Правильно ли мы говорим? Заметки писателя.– Изд. 2-е, перераб. и доп.– Л.: Лениздат, 1963.– 331 с.

Цветаева М.И. Пленный дух // Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Саакянц.– Минск: Нар. асвета.– Т. 2: Проза.– 1989.– С. 225-277.

Чуковский К.И. Живой как жизнь // Собрание сочинений: В 6 т.– М.: Худож. лит.– Т. 3.– 1966.– С. 7-236.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение.– М.: Просвещение, 1972.– 415 с.
2. Аверинцев С.С. Логос // Большая Советская энциклопедия.– 3-е изд.– Т. 14.– М.: Сов. Энциклопедия, 1973.– С. 609.
3. Аверинцев С.С. Сатана // Мифы народов мира.– Т. 2.– М.: Сов. Энциклопедия, 1983.– С. 412-414.
4. Айрапетян В.Э. Толкование слова: Введение в герменевтику для русистов // Ноосфера и художественное творчество.– М.: Наука, 1991.– С. 119-138.
5. Антонов А.В. О понимании текстового сообщения // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 244-247.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка.– М.: Наука, 1974.– 367 с.
7. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. тр.– М.: Изд-во АН СССР, 1988.– С. 7-44.
8. Апресян Ю.Д. Знания о языке в формальной модели языка // Вопросы языкознания.– 1990.– № 6.– С. 123-139.
9. Арбатский Д.И. Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе.– 1970.– № 3.– С. 41-45.
10. Арбатский Д.И. Толкование значений слов : Семантические

определения.– Ижевск: Удмуртия, 1977.– 100 с.

11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования.– Л.: Просвещение, 1973.– 303 с.

12. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.– 1981.– Т. 40.– Вып. 4.– С. 362-367.

13. Арутюнова Н.Д. Оценка. Событие. Факт.– М.: Наука, 1988.– 341 с.

14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Около 7000 терминов.– М.: Сов. Энциклопедия, 1966.– 607 с.

15. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. "Вертикальный контекст" как филологическая проблема // Вопросы языкознания.– 1977.– § 3.– С. 47-54.

16. Ачкасова Л.С. Человек как нравственная ценность в эстетике К.Г.Паустовского.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977.– 96 с.

17. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения.– Изд. 2-е, доп.– М.: ГИХЛ, 1960.– 752 с.

18. Бабич С.Г. Учет особенностей семантической структуры слова при его семантизации // Вестник Киев. ун-та. Методика обучения студентов-иностранцев.– 1987.– Вып. 11.– С. 7-10.

19. Бабкин А.М. Язык писателя как средство расширения лексического запаса национального языка // Тез. докл. межвузовского симпозиума составителей Словаря М.Горького.– Киев, 1966.– С. 4.

20. Бакина М.А., Некрасова Е.А. Эволюция поэтической речи XIX-XX вв. (Перифраза. Сравнение).– М.: Наука, 1986.– 191 с.
21. Балли Ш. Французская стилистика.– М.: Изд-во иностр. лит., 1961.– 394 с.
22. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: "за" и "против".– М.: Прогресс, 1975.– С. 114-163.
23. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения.– М.: Наука, 1979.– 279 с.
24. Батов В.И. Существует ли формула авторства? // Число и мысль.– Вып. 7.– М.: Знание, 1984.– С. 117-137.
25. Батов В.И., Сорокин Ю.А. Атрибуция текста на основе объективных характеристик (итоги эксперимента) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.– 1975.– Т. 4.– № 1.– С. 76-78.
26. Батов В.И., Сорокин Ю.А. Опыт построения методики для установления авторства текстов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.– 1977.– Т. 36.– № 4.– С. 345-347.
27. Батов В.И., Сорокин Ю.А. Атрибуция текста: проблема метода // Тетради переводчика.– Вып. 17 / Под ред. Л.С.Бархударова.– М.: Междунар. отношения, 1980.– С. 85-94.
28. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.– Изд. 2-е, перераб. и доп.– М.: Сов. писатель, 1963.– 363 с.
29. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979.– С. 281-306.

30. Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. Изучение истории читателя // Белецкий А.И. В мастерской художника слова.– М.: Высшая школа, 1989.– С. 112-126.
31. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 8.– М.: Прогресс, 1978.– С. 172-207.
32. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания / Сост. и послесл. И.В. Белозерского.– М.: Худож. лит., 1989.– 223 с.
33. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.– 120 с.
34. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы.– Минск: Прамеб, 1992.– 384 с.
35. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивизации // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 122-127.
36. Блумфилд Л. Язык.– М.: Прогресс, 1962.– 607 с.
37. Богин Г.И. Схема действия читателя при понимании текста.– Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1989.– 70 с.
38. Бондалетов В.Д. Русская ономастика.– М.: Просвещение, 1983.– 224 с.
39. Борисова М.Б. Индивидуальное в семантике слова и отражение его в Словаре М.Горького (на материале языка драматургии) // Словоупотребление и стиль М.Горького.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962а.– С. 153-161.

40. Борисова М.Б. Стилистическое использование многозначного слова в драматургии М.Горького (на материале пьес "Егор Булычев и другие", "Достигаев и другие", "Сомов и другие") // Словоупотребление и стиль М.Горького.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962б.– С. 48-66.
41. Боровкова Г.М. Обратная связь в системе художественной коммуникации // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 248-250.
42. Брэм А. Жизнь животных.– В 3 т.– 2-е изд., стереотипное.– Т. 1.– Млекопитающие.– СПб., 1902.– 835 с.
43. Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии.– 1975.– № 10.– С. 109-117.
44. Брутян Г.А., Брутян Л.Г. Мышление и общение в условиях двуязычия // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 264-265.
45. Будагов Р.А. Индивидуальное в языке и стиле художественной литературы как историческая категория //Филологические науки.– 1962.– № 3.– С. 3-16.
46. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.– 151 с.
47. Бузанова Т.В. Ретимологизация в языке произведений М.Горького // Словообразование и стилистика современного русского языка.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991.– С. 20-27.
48. Булгакова Е.С. Дневник Елены Булгаковой.– М.: Книжная палата, 1990.– 400 с.

49. Бурмистрович Ю.Я. Стилистические окраски слова и их изучение в вузе // Совершенствование преподавания лингвистических дисциплин в педагогическом вузе.– Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ин-та, 1986.– С. 86-95.
50. Важдаев В. Проповедник космополитизма. Нечистый смысл "чистого искусства" Александра Грина // Новый мир.– 1950. – § 1.– С. 257-270.
51. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка.– М.: Высшая школа, 1973.– 423 с.
52. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка.– 3-е изд., исправл.– М.: Высшая школа, 1991.– 431 с.
53. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика.– М.: Высшая школа, 1990.– 176 с.
54. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 8.– М.: Прогресс, 1978.– С. 402-421.
55. Вежбицка А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 13.– М.: Радуга, 1982.– С. 237-262.
56. Вежбицка А. Из книги "Семантические примитивы" // Семиотика.– М.: Радуга, 1983.– С. 225-252.
57. Верещагин Е.М. Моделирование психики: Опыт установления операций в латентном процессе производства речи // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 211-214.
58. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура:

лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.– Изд. 2-е, перераб. и доп.– М.: Рус. яз., 1976.– 284 с.

59. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая теория слова.– М.: Рус. яз., 1980.– 320 с.

60. Виленкин В.Я. О Михаиле Афанасьевиче Булгакове // Виленкин В.Я. Воспоминания с комментариями.– 2-е изд., доп.– М.: Искусство, 1991.– С. 364-391.

61. Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков.– Киев: Здоров'я, 1991.– 256 с.

62. Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания.– 1964.– § 3.– С. 3-18.

63. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики.– М.: Высшая школа, 1981.– 320 с.

64. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков.– Изд. 3-е.– М.: Высшая школа, 1982.– 529 с.

65. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка.– М.: Сов. писатель, 1948.– 136 с.; То же: Винокур Г.О. О языке художественной литературы.– М.: Высшая школа, 1991.– С. 317-407.

66. Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук // Проблемы структурной лингвистики. 1978.– М.: Наука, 1981.– С. 4-58.

67. Вишневская Г.П. Галина. История жизни.– М.: Горизонт и СП "Слово", 1991.– 575 с.

68. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Отв. ред. Г.В.Степанов.– М.: Наука, 1985.– 228 с.
69. Воробьева О.П. Реализация фактора адресата в художественном тексте в аспекте лингвокультурной традиции // Филологические науки.– 1992.– № 1.– С. 59-66.
70. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка.– М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956.– 519 с.
71. Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки.– 1986.– § 3.– С. 56-62.
72. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы.– М.: Наука, 1977.– С. 230-298.
73. Галинская И.Л. Рецепция творчества М.А.Булгакова в англоязычной критике // Михаил Булгаков. Современные толкования. К 100-летию со дня рождения: 1891-1991. / Сб. обзоров.– М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1991.– С. 184-209.
74. Ганич Д.І., Олійник І.С. Словник лінгвістичних термінів.– Київ: Вища школа, 1985.– 360 с.
75. Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" // Даугава.– 1988.– № 10.– С. 96-106.– № 11.– С. 88-96.– № 12.– С. 105-113.– 1989.– № 1.– С. 78-90.
76. Гаспаров М.Л. Художественный мир писателя : Тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М.Кузьмин,

"Сети", ч. III // Проблемы структурной лингвистики. 1984.– М.: Наука, 1988.– С. 125-136.

77. Гастев Ю.А. Определение // Большая Советская Энциклопедия.– 3-е изд.– Т. 18.– М.: Сов. Энциклопедия, 1974.– С. 435-436.

78. Гастев Ю.А., Финн В.К. Метаязык // Большая Советская Энциклопедия.– 3-е изд.– Т. 16.– М.: Сов. Энциклопедия, 1974.– С. 146.

79. Гвоздев А.Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка.– Куйбышев : Изд-во Саратов. ун-та, 1992.– 103 с.

80. Головин Б.Н. Сочетаемость слова и словосочетание как объект лексикографии // Тез. IV симпозиума составителей Словаря М.Горького. Рига, 21-24 мая 1971 Г.– Рига, 1971.– С. 19-21.

81. Григорьев В.П. Введение / Поэт и слово : Опыт словаря.– М.: Наука, 1973.– С. 15-170.

82. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля. Велимир Хлебников.– М.: Наука, 1983.– 225 с.

83. Григорьев В.П. Опыты описания идиостилей. Велимир Хлебников // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990.– С. 98-116.

84. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка:– В 4 т.– М.: Рус. яз.– Т. 1: А-З.– 1978.– 699 с.– Т. 2: И-О.– 1979.– 779 с.– Т. 3: П.– 1980.– 555 с.– Т. 4: Р-У.– 1980.– 683 с.

85. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 8.– М.: Прогресс, 1978.– С. 259-336.
86. Дерягин В.Я. О толковании слов из произведений классической литературы в академическом словаре // Современность и словари.– Л.: Наука, 1978.– С. 169-172.
87. Детская речь : проблемы и наблюдения /Межвуз. сб. науч. тр.– Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена, 1989.– 159 с.
88. Донецких Л.И. Эстетические функции слова / Отв. ред. Н.Ф.Иванова.– Кишинев : Штиинца, 1982.– 154 с.
89. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации.– М.: Наука, 1984.– 268 с.
90. Ермакова О.П. Местоимение какой-то // Филологические науки.– 1986.– № 1.– С. 54-58.
91. Жельвис В.И. Инвектива: мужское и женское предпочтение // Этнические стереотипы мужского и женского поведения.– СПб.: Наука, 1991.– С. 266-283.
92. Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии.– М.: Педагогика, 1978.– С. 52-55.
93. Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста.– М.: Высшая школа, 1984.– 152 с.
94. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике.– Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1979.– 84 с.

95. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях.– Ч. 2.– М.: Просвещение, 1965.– 495 с.
96. Зегет В. Элементарная логика.– М.: Высшая школа, 1985.– 256 с.
97. Зимин В.И. О системном анализе значений слов в процессе преподавания русского языка иностранцам // Преподавание русского языка нерусским на историко-филологическом факультете УДН.– М.: Изд-во УДН, 1977.– С. 46-62.
98. Золян С.Т. К проблеме описания поэтического идиолекта (на материале поэзии Л.Мартынова) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.– 1986.– Т. 45.– № 2.– С. 138-148.
99. Золян С.Т. "Вот я весь..." К анализу "Гамлета" Пастернака // Даугава.– 1988.– № 11.– С. 97-103.
100. Иванов Вяч. Вс. Фильм в фильме // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. Уч. зап. Тартуского ун-та.– Вып. 567.– 1981.– С. 19-32.
101. Иванова А.Е. Языковые компетенции испытуемых в психолингвистическом эксперименте // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 127-131.
102. Иванова Н.Н. Поэтический язык XIX-XX веков. Лексикографический аспект изучения // Очерки языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990.– с. 46-56.
103. Иванова О.Е. Роль причастного определения в высказывании конкретного типа // Филологические науки.– 1986.–

§ 6.– С. 59-64.

104. Искандер Ф. Он был светом // И было утро... Воспоминания об отце Александре Мене.– М.: АО "Вита-центр", 1992.

105. Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография.– Изд. 3-е, испр.– М.: Высшая школа, 1976.– 272 с.

106. Капанадзе Л.А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 100-104.

107. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография.– М.: Наука, 1976.– 355 с.

108. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка.– М.: Наука, 1980.– 207 с.

109. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.– М.: Наука, 1987.– 263 с.

110. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 3-10.

111. Кардовский Д.Н. Об искусстве : Воспоминания, статьи, письма.– М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1960.– 340 с.

112. Карпенко М.А. М.Горький и русский литературный язык советской эпохи.– Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972.– 216 с.

113. Карпенко М.А., Шевель Л.Г. Горьковская речь в толковых словарях русского литературного языка // Тез. IV симпозиума составителей Словаря М.Горького. Рига, 21-24 мая 1971 г.– Рига, 1971.– С. 33-34.

114. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление.– Л.: Наука, 1972.– 216 с.
115. Климкова Л.А. Диалектизмы в прозе А.П.Гайдара // Филологические науки.– 1986.– № 5.– С. 69-71.
116. Кнорина Л.В. Словоупотребление – компонента индивидуального стиля (на материале разговорной речи) // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 116-121.
117. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.– Киев, 1975.– 56 с.
118. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы.– Киев: Вища школа, 1981.– 184 с.
119. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка.– М.: Просвещение, 1978.– 384 с.
120. Ковальов В.П. Етимологізація як художній засіб (на матеріалі російської прози) // Мовознавство.– 1976.– § 5.– С. 3-7.
121. Ковский В.Е. Некоторые эстетические принципы предметной изобразительности в произведениях К.Паустовского // Изв. АН Киргизской ССР. Сер. общественных наук.– 1963.– Т. 5.– Вып. 2.– С. 50-53.
122. Ковтун Л.С. О специфике словаря писателя // Словоупотребление и стиль М.Горького.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.– С. 12-31.
123. Ковтун Л.С. Структура лексической единицы в словаре писателя (построение словарной статьи) // Тез. IV

симпозиума составителей Словаря М.Горького. Рига, 21-24 мая 1971 г.– Рига, 1971.– С. 43.

124. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис.– М.: Наука, 1986.– 206 с.

125. Ковтунова И.И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990. – С. 7-27.

126. Кожевникова Н.А. Звуковая организация стиха. Паронимическая аттракция // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990. – С. 167-301.

127. Козлов П.Г. К характеристике процессов понимания в речевом общении // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 242-244.

128. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.– М.: Наука, 1975.– 231 с.

129. Колшанский Г.В. Контекстная семантика.– М.: Наука, 1980.– 149 с.

130. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке.– М.: Наука, 1990.– 107 с.

131. Комиссаров Б.М. О выделении компонентов в плане содержания слова // Иностранные языки в высшей школе.– Вып. 7.– М.: 1972.– С. 61-68.

132. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.– 192 с.
133. Копыленко О.М. К исследованию структуры восприятия и понимания речи // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 260-261.
134. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе : Некоторые особенности языка современной газетной публицистики.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.– 267 с.
135. Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О русских фразеологизмах в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь.– М.: Рус. яз., 1990.– С. 3-13.
136. Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С. Работы по вопросам культуры речи (1962-1965) // Вопросы языкознания.– 1965.– § 4.– С. 121-128.
137. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании).– Л.: Наука, 1975.– 164 с.
138. Кочерган М.П. Слово і контекст // Мовознавство.– 1976.– № 6.– С. 21-30.
139. Кошанский Н.В. Общая риторика.– Изд. 3-е.– СПб., 1834.– 130 с.
140. Красавченко Т.Н. Михаил Булгаков в своем отечестве (о литературоведении 80-х годов и не только о нем) // Михаил Булгаков. Современные толкования. К 100-летию со дня рождения: 1891-1991. /Сб. обзоров.– М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1991.– С. 25-86.

141. Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 10-14.
142. Красильникова Е.В. Эволюция идиостиля // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990.– С. 68-81.
143. Краснова Л.В. Поэтика Александра Блока.– Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1973.– 230 с.
144. Кривенко Л.А. На семинаре // Воспоминания о Константине Паустовском / Сост. Л.А.Левицкий.– М.: Сов. писатель, 1975.– С. 178-213.
145. Круговой Г. Гностический роман М.Булгакова // Новый журнал.– Нью-Йорк, 1979.– 166.– № 134.– С. 47-81.
146. Кудина Т.Н. Прочтение литературного произведения как специфический вид общения // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 124-127.
147. Кудрявцева В.А. Соотношение явных и скрытых значений в семантике производного слова (на материале наименований лиц в русском языке).– Алма-Ата : Гылым, 1991.– 148 с.
148. Ларин Б.А. Основные принципы словаря автобиографической трилогии М.Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.– С. 3-11.
149. Левина Л.А. Нравственный смысл кантианских мотивов в философском романе М.Булгакова "Мастер и Маргарита"

// Филологические науки.– 1991.– № 1.– С. 12-23.

150. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии.– Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.– 191 с.

151. Левицкий Л.А. Константин Паустовский : Очерк творчества.– Изд. 2-е, доп.– М.: Сов. писатель, 1977.– 408 с.

152. Лескис Г.А. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.– В 5 т.– М.: Худож. лит.– Т. 5.– 1991.– С. 607-664.

153. Лилич Г.А. О слове серый в творчестве М.Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.– С. 120-135.

154. Лилич Г.А. Особенности употребления слов пустяки, дрянь и подобных в языке М.Горького // Тез. IV симпозиума составителей Словаря М.Горького. Рига, 21-24 мая 1971 г.– Рига, 1971.– С. 49.

155. Лихачев Д.С. Текстология : Краткий очерк.– М.-Л.: Наука, 1964.– 102 с.

156. Лихачев Д.С. Текстология : На материале русской литературы X-XVIII вв.– Изд-во 2-е, перераб. и доп.– Л.: Наука, 1983.– 639 с.

157. Лихачев Д.С. История – мать истины // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература.– Л.: Сов. писатель, 1984.– С. 251-262.

158. Лихачев Д.С. Доклад о старой орфографии // Русская речь.– 1993.– № 1.– С. 44-51.

159. Логика и методология системных исследований /Отв. ред. Л.Н.Сумарокова.– Киев-Одесса : Вища школа, 1977.– 255 с.
160. Лотман Ю.М. Структура художественного текста.– М.: Искусство, 1970.– 384 с.
161. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. Уч. зап. Тартуского ун-та.– Вып. 567.– 1981.– С. 3-18.
162. Лукьянова Н.А. Языковая интуиция носителей говорков как источник информации о семантике экспрессивного слова // Синтаксическая и лексическая семантика : На материале языков различных систем.– Новосибирск: Наука, 1986.– С. 193-208.
163. Льюиз Д. Общая семантика // Семиотика.– М.: Радуга, 1983.– С. 253-284.
164. Льюис К.И. Виды значения // Семиотика.– М.: Радуга, 1983.– С. 211-224.
165. Магазаник Э.Б. Ономастика поэтическая // Краткая литературная энциклопедия.– В 9 т.– Т. 5.– М.: Сов. Энциклопедия, 1968.– С. 441-444.
166. Магазаник Э.Б. Онамопэтика, или "говорящие имена" в литературе.– Ташкент : Фан, 1978.– 146 с.
167. Марцинковская О.Е. К вопросу лексикографической оценки образного употребления слова в словаре языка писателя // Тез. IV симпозиума составителей Словаря М.Горького. Рига, 21-24 мая 1971 г.– Рига, 1971.– С. 53-55.
168. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики.– М.: Сов. радио, 1978.– 368 с.

169. Мейлах Б.М. Михаил // Мифы народов мира.– Т. 2.– М.: Сов. Энциклопедия, 1982.– С. 159-160.
170. Медведев Ф.Ф. О значении Т.Г.Шевченко в развитии лексики, фразеологии и художественных средств украинского литературного языка // Межвуз. конф. по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.– С. 84.
171. Мень А.В. В поисках подлинного Христа // Иностранная литература.– 1991а.– № 3.– С. 237-247.
172. Мень А.В. Сын Человеческий.– Изд. 4-е, перераб. и доп.– М.: Вита, 1991б.– 336 с.
173. Мень А.В. Радостная весть : Лекции.– М.: АО "Вита-центр", 1992.– 320 с.
174. Можаяева Н.Б. Сваха у А.Н.Островского как просторечно-профессиональный тип старой Москвы // Язык и личность.– М.: Наука, 1989.– С. 53-58.
175. Мурмуридис И.Б. О семантических характеристиках лингвофилософской категории оценки // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки.– Вып. 4.– 1985.– С. 71-74.
176. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референтного значения // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 14.– М.: Прогресс, 1983.– С. 61-74.
177. Народное образование в СССР : Лингвострановедческий словарь / Сост. М.А.Денисова.– 2-е изд., доп.– М.: Рус. яз.– 1983.– 251 с.

178. Некрасова Е.А. Вопросы типологии идиостилей // Очерки языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990.– С. 81-98.
179. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании : Спецкурс по общей и английской лексикологии. – Владимир : Изд-во Владимир. гос. пед. ин-та, 1974.– 222 с.
180. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения.– М.: Высшая школа, 1988.– 165 с.
181. Новиков Л.А. Грамматический аспект описания идиостилей: Синтаксическая доминанта // Очерки языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990.– С. 58-68.
182. Ожегов С.И. Словарь русского языка : Около 57000 слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой.– 18-е изд., стереотип.– М.: Рус. яз., 1986.– 797 с.
183. Палиевский П.В. Литература и теория.– 3-е изд., доп.– М.: Сов. Россия, 1979.– 287 с.
184. Панов М.В. Современный русский язык : Фонетика.– М.: Высшая школа, 1979.– 256 с.
185. Парахонский Б.А. Язык культуры и генезис знания.– Киев : Наукова думка, 1988.– 211 с.
186. Перцова Н.Н. Формализация толкования слова.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.– 68 с.
187. Петелин В.В. Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество.– М.: Моск. рабочий, 1989.– 495 с.

188. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.– 208 с.
189. Плотников Б.А. Основы семасиологии.– Минск: Вышэйшая школа, 1984.– 223 с.
190. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии.– Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. А.В.Суперанская.– М.: Наука, 1988.– 190 с.
191. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.– Т. 1-2.– М.: Учпедгиз, 1958.– 536 с.
192. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии.– Киев : Наукова думка, 1989.– 126 с.
193. Пробст М.А. Текст в системах коммуникации //Проблемы структурной лингвистики. 1979.– М.: Наука, 1981.– С. 5-16.
194. Протченко И.Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития.– М.: Педагогика, 1984.– 222 с.
195. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы.– М., 1957.– 549 с.
196. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы.– М.: Наука, 1977.– 263 с.
197. Ревзина О.Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль : Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева.– М.: Наука, 1990.– С. 27-46.
198. Реформатский А.А. Введение в языковедение.–

Изд. 4-е.– М.: Просвещение, 1967.– 542 с.

199. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию.– М.: Книга, 1977.– 264 с.

200. Русская грамматика.– Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю.Шведова.– М.: Наука, 1980.– 710 с.

201. Русский семантический словарь (Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову) /Ю.Н.Караулов, В.И.Молчанов, В.А.Афанасьев, Н.В.Михалев.– М.: Наука, 1983.– 566 с.

202. Сахаров В.И. Михаил Булгаков: уроки судьбы // Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита. Романы.– Киев : Молодь, 1989.– С. 3-14.

203. Северская О.И. Паронимическая аттракция в поэтическом языке Марины Цветаевой // Проблемы структурной лингвистики. 1984.– М.: Наука, 1988.– С. 212-223.

204. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация : Общие вопросы.– М.: Наука, 1977.– С. 147-187.

205. Сводный словарь современной русской лексики.– В 2 т. /АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р.П.Рогожниковой.– М.: Рус. яз., 1991.– Т. 1: А-О.– 800 с.– Т. 2: О-Я.– 739 с.

206. Словарь иностранных слов /Под общ. ред. А.Г.Спиркина.– 14-е изд., испр.– М.: Рус. яз., 1987.– 608 с.

207. Словарь языка Пушкина.– В 4 т. /Глав. ред. акад. В.В.Виноградов.– М.: ГИС.– Т. 1: А-Ж.– 1956.– 806 с.– Т. 2: З-Н.– 1957.– 896 с.– Т. 3: О-Р.– 1959.– 1070 с.– Т.

4: С-Я.– 1961.– 1045 с.

208. Словник мови Шевченка.– В 2 т. /Ред. колегія: В.С.Вашенко та ін.– Київ : Наукова думка, 1964.– Т. 1: А-Н.– 484 с.– Т. 2: О-Я.– 566 с.

209. Смелянский А.М. Записки покойника (Театральный роман) // Булгаков М.А. Собр. соч.– В 5 т.– М.: Худож. лит.– Т. 4.– 1990.– С. 662-680.

210. Соколов Б.В. Роман М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" : Очерки творческой истории.– М.: Наука, 1991.– 176 с.

211. Соколовская Ж.П. Система в лексической семантике : Анализ семантической структуры слова.– Киев : Вища школа, 1979.– 189 с.

212. Соколовская Ж.П. Семантемы – прилагательные современного русского литературного языка // Исследования по семантике. Лексическая и синтаксическая семантика: Межвуз. науч. сб.– Вып. 7.– Уфа : Изд-во Башк. ун-та, 1981.– С. 42-54.

213. Соколовская Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики.– Киев : Наукова думка, 1990.– 183 с.

214. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текст.– М.: Наука, 1985.– 168 с.

215. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию.– М.: Прогресс, 1977.– 695 с.

216. Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) // Контекст. 1983 : Литературно-теоретические исследования.– М.: Наука, 1984.– С. 20-37.

217. Степанов Ю.С. Французская стилистика.– М.: Высшая школа, 1965.– 355 с.
218. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология // Языковая номинация : Общие вопросы.– М.: Наука, 1977.– С. 297-378.
219. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка : Семиологические проблемы лингвистики, философии искусства.– М.: Наука, 1985.– 335 с.
220. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики).– Харьков: Изд-во Харьк. гос. пед. ин-та, 1991.– 190 с.
221. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова.– Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.– 156 с.
222. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи.– Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.– 170 с.
223. Стернин И.А. Коммуникативная модель значения и ее объяснительные возможности // Семантика слова и синтаксической конструкции.– Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.– С. 15-23.
224. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного.– М.: Наука, 1979.– 366 с.
225. Табанакова В.Д. Лексикографическое определение как способ семантизации термина / Редкол. журн. Вестник ЛГУ им. А.А.Жданова. Сер. История, яз., лит.– Л., 1981.– 10 с.– Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8144 от 24.07.81.
226. Телия В.Н. Коннотативный анализ семантики

номинативных единиц / Отв. ред. А.А.Уфимцева. АН СССР, Ин-т языкознания.– М.: Наука, 1986.– 141 с.

227. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова.– В 4 т.– Т. 1: А-Кюрины.– М.: ОГИЗ, 1935.– 1565 с.– Т. 2: Л-Ояловеть.– М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938.– 1040 с.– Т. 3: П-Ряшка.– 1939.– 1424 с.– Т. 4: С-Ящурный.– 1940.– 1502 с.

228. Толковый словарь по искусственному интеллекту / Авторы-составители А.Н.Аверкин, М.Г.Гаазе-Рапопорт, Д.А.Поспелов.– М.: Радио и связь, 1992.– 256 с.

229. Трипольская Т.А. Система значений прилагательного хороший и ее отражение в толковом словаре // Системные отношения на разных уровнях языка : Межвуз. сб.– Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1988.– С. 83-88.

230. Трифонова С.В. О прямом и образном употреблении слова голубой у М.Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.– С. 132-147.

231. Троицкий Л.Д. Ссылка, высылка, скитания, смерть / Публикация Ю.Г.Фельштинского // Знамя.– 1990.– № 8.– С. 165-198.

232. Трубецкой Н.С. Основы фонологии.– М.: Изд-во иностр. лит., 1960.– 372 с.

233. Турки С. Лингвистические основания семантизации слова в учебном и толковом словаре русского языка // Русский язык за рубежом.– 1982.– § 2.– С. 81-84.

234. Успенский Л.В. Ты и твое имя.– М.: Детгиз, 1960.– 293 с.

235. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка).– М.: Изд-во АН СССР, 1962.– 287 с.
236. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков.– М.: Наука, 1974.– 206 с.
237. Уфимцева А.А. Принципы семиотического описания лексики.– М.: Наука, 1986.– 239 с.
238. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы).– 4-е изд., перераб. и доп.– М.: Высшая школа, 1983.– 303 с.
239. Федоров А.И. Фразеологическая семантика и ее толкование в словарях // Синтаксическая и лексическая семантика : На материале языков разных систем.– Новосибирск : Наука, 1986.– С. 178-184.
240. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного.– М.: Просвещение, 1990.– С. 425-437.
241. Фрейд З. Толкование сновидений.– Киев: Здоров'я, 1991.– 384 с.
242. Хан К.Х. К вопросу о понимании иноязычного текста // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 257-259.
243. Харитоновна Р.А. Семантический повтор как способ актуализации основной темы поэтического текста.– Дисс. ... канд. филол. наук.– Минск, 1982.– 276 с.
244. Харлов Г.А., Харлова Т.Л. О лексической интуиции при осмыслении полисемантических слов // Материалы всесоюзного

симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 285-287.

245. Цветков Н.В. К методологии компонентного анализа // Вопросы языкознания.– 1984.– № 2.– С. 61-71.

246. Чабаненко В.А. Основы мовної експресії.– Київ : Вища школа, 1984.– 167 с.

247. Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки.– 1990.– № 2.– С. 72-82.

248. Чистякова Г.Д. Об одном методе определения глубины понимания текста // Материалы всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение".– Алма-Ата, 1973.– С. 254-255.

249. Чудакова М.О. Рукопись и книга. Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей : Кн. для учителей.– М.: Просвещение, 1986.– 175 с.

250. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова.– М.: Книга, 1988.– 496 с.

251. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом.– М.: Просвещение, 1986.– 159 с.

252. Шевченко А.К. Проблема понимания в эстетике.– Киев : Наукова думка, 1989.– 127 с.

253. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка.– М.: Просвещение, 1964.– 244 с.

254. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики.– М.: Наука, 1973.– 280 с.

255. Шмидт Й.З. "Текст" и "история" как базовые

категории // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып. 8.– М.: Прогресс, 1978.– С. 108-119.

256. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике.– Т. 1.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.– С. 54-91.

257. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3 т.– Около 60000 терминов / Гл. ред. В.В.Петровский.– М.: Сов. Энциклопедия.– Т. 1: А-Йореса способ.– 1982.– 464 с.– Т. 2: Кабана болезнь – Пяточный бугор.– 1983.– 448 с.– Т. 3: Рабдитозы – Ящур.– 1984.– 312 с.

258. Юрченко Т.И. Булгаков в русской критике за рубежом // Михаил Булгаков. Современные толкования. К 100-летию со дня рождения: 1891-1991 / Сб. обзоров.– М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1991.– С. 87-108.

259. Язык и стиль произведений И.Э.Бабея, Ю.К.Олеши, И.А.Ильфа и Е.П.Петрова : Сб. науч. тр.– Киев: УМК ВО, 1991.– 234 с.

260. Язык и стиль произведений К.Г.Паустовского, В.П.Катаева, Л.И.Славина : Сб. науч. тр.– Киев-Одесса : Вища школа, 1985.– 152 с.

261. Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова.– М.: Сов. писатель, 1983.– 319 с.

262. Яновская Л.М. Треугольник Воланда и фиолетовый рыцарь : О тайне романа "Мастер и Маргарита" // Таллин.– 1987.– № 4.– С. 101-113.

263. Яновская Л.М. Треугольник Воланда // Октябрь.– 1991.– № 5.– С. 102-202.

264. Fries Ch. C. Meaning and linguistic analysis
// Readings in applied English linguistics.– № 4.– 1964.–
P. 98-100.
265. Lebel P. Les noms de personne en France.–
2-eme ed.– P., 1959.– 321 p.
266. Krzeminski A. Faust, Woland i nasze varietes
// Dialog.– W-wa, 1987.– R. 32.– № 10.– S. 109-114.
267. Kuncewicz P. Kroki komandora // Wspolczesnosc.–
W-wa, 1970.– R. 15.– № 6.– S. 5.
268. Wright A.C. Mikhail Bulgakow: Life and
interpretations.– Toronto etc., 1978.– VIII.– 324 p.